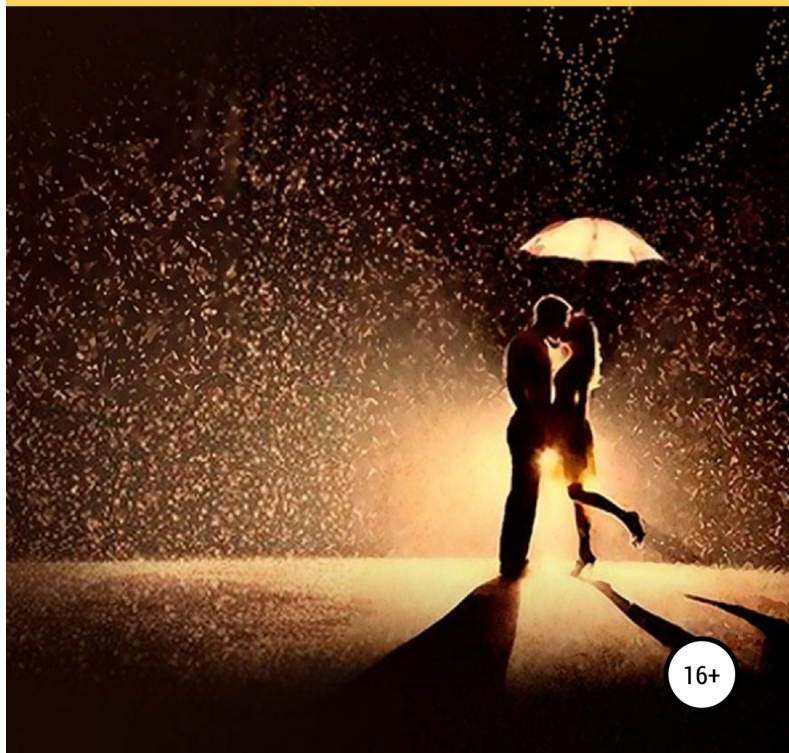

Рита Коваль

Верность

16+

Рита Коваль

Экзамен на верность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67910217

SelfPub; 2023

Аннотация

Понятие о верности у каждого свое. И если тебя считают сумасшедшей, еще не значит, что нужно опускать руки. Хрупкая женщина несет на своих плечах тяжелый груз. Хватит ли ей силы противостоять поворотам судьбы?

Содержание

Выбор	5
II.	7
Вихрь	29
Вера	180

Рита Коваль

Экзамен на верность

*Тем, кто ушел слишком рано
от тех, кто живет без них*

Выбор

I

Солнце уже цеплялось за крыши домов, глядя проходящих по головам. Из углового магазина вышла маленькая, хрупкая девушка с объемной кипой свежих газет. Она подошла к ближайшей пустой урне и с размаху швырнула туда свою бумажную ношу. Часть листов вывалилась наружу.

Ветер, дразнясь, налетел на пачку еще хрустящих газет, ворохом сваленных в кучу, растормошил листы. «Сумасшедшая или новая Пенелопа?» – кричал яркий заголовок.

Тарин развернулась, каблук резко застучал по тротуару. Домой она шла налегке – всю наличность пришлось потратить. Что ж, поужинать можно и без хлеба. Даже полезно. Конечно, все газеты в городе не купишь, но ей почему-то стало легче.

Продавщица, растрепанная пожилая женщина, только что узнала ее в магазине.

– Это же вы там, на фото? – последовал кивок головы на стопку. – Знаете, – она оперлась на округлые локти, придвинулась ближе и перешла на шепот, – не каждая так смогла бы. Я бы точно нет – столько лет ждать... А вы, правда, не верите полиции?

Тарин невольно отшатнулась.

– Вы меня с кем-то перепутали, – холодно ответила она. – Кстати, сколько у вас в наличии экземпляров этой газеты?..

Она поднялась по узкой лестнице на самый верхний этаж и чуть не споткнулась о пушистый шарик, который жалобно мяукнул. Тарин вспомнила, что утром, выходя из квартиры, наткнулась на подброшенного котенка. Но тогда она подавила в себе жалость и прошла мимо: в ее сумке лежало заполненное заявление на увольнение и деньги на билеты.

По-видимому, котенок никуда не собирался уходить. Он был полностью черным, всклокоченным и перепуганным. Он двинулся к ногам Тарин и прижался к носку туфли.

– Похоже, ты такой же невезучий, как и я, – усмехнулась она и достала из кармана ключи. – За целый день никто не захотел тебя приютить. Предупреждаю, я не лучший для тебя вариант... Ладно, заходи. Анна будет тебе рада.

II.

По упитанным бубликам металлических цепочек лениво скользили солнечные лучи. Деревянные качели сонно поскрипывали в такт мыслям: ехать – не ехать, ехать – не ехать. ...

Подруги расположилась в тени деревьев, лицом к детской площадке. Несмотря на худеющий календарь, осень не торопилась в город: яркая зелень клумб утомленно замерла в ожидании дождя. Сережки ясеня сухо шуршали над ними сверху, перешептываясь о чем-то своем.

– Послушай, – твердила ей Регина, – ты неоднократно говорила, что обязана колледжу; что за год, проведенный в его стенах, ты вновь обрела желание жить... Пришло время отдать долг. Мы нужны друг другу. Твой отец вложил столько времен и сил, пока был ректором. Неужели ты бы хотела, чтобы колледж закрыли?

Тарин заметила, как подруга нервно откинула со лба прядь медных, почти красных волос. С последней их встречи у Регины появились очки в тонкой прямоугольной оправе, поблескивающей теперь при каждом движении качелей. Еще Тарин заметила несколько новых морщинок на знакомом лице. Сколько же они не виделись: год, два?

– Если все настолько плохо, как остальные могли такое допустить?

– Сразу видно, что ты давно не интересовалась делами колледжа. Алиса, его правая рука, недавно уволилась. Даже ее терпению пришел конец. Мы все думали, что ее выдвинут на должность ректора, но новый учредитель сделал ее исполняющей обязанности: минимум реальной власти при максимуме спроса. Из министерства прислали эксперта для помощи в подготовке к аккредитации, ты бы его видела! С его появлением все стало только хуже. Опасаюсь, что его цель как раз не дать нам любыми способами пройти проверку. Мы все потонули в бумагах. Систему премирования переделали, и преподаватели стали получать все меньше денег за все больший объем работы. На нас стали оказывать давление при выставлении оценок студентам, о чем раньше и подумать было нельзя! – негодуя, воскликнула Регина. – Алиса пыталась противостоять переменам, но тщетно. Многие ушли вслед за ней. Студентам, конечно, ничего не говорят, но они чувствуют, что строгие времена в прошлом, и ведут себя более развязно. Колледж уже не тот, каким ты его помнишь, Тарин.

Повисло молчание. Время от времени его прерывали детские возгласы, раздававшиеся на игровой площадке. Тарин в задумчивости смотрела под ноги. Золотистые солнечные косы просачивались сквозь кроны деревьев и калейдоскопом рассыпались под ногами.

– Хорошо, что отец не этого видит, – она вздохнула. – Но я тебе зачем?

– Затем, что я верю: еще не все потеряно. В первую оче-

редь нужно пройти аккредитацию, иначе колледж вообще закроют, и мы уже никогда не оправимся. А потом нужно понять, кому выгодно такое положение дел, – Регина нахмурилась и пнула носком туфли мелкий камушек. – Я не знаю, кому могу доверять. Считай, вербую тебя в свою команду. Я стала заместителем ректора не ради прибавки к зарплате, а потому, что верю в колледж. И не хочу дать возможность разрушить то, что таким трудом создавал твой отец.

– Не знаю, Регина. Нельзя в одну реку войти дважды...

– Только не говори, что у тебя есть более важные дела! Диссертацию ты защитила. Из научно-исследовательского института ушла. Хотя я бы тоже ушла на твоём месте.... Ты снова на распутье. Я предлагаю тебе открыть дверь, вместо того, чтобы проламывать головой стены. Что скажешь?

Пришлось нехотя выдать:

– Мне нужно подумать.

– Только не долго. Скоро состоится конкурс по избранию на должности перед новым учебным годом. Ты должна успеть подготовить документы. За Анну не беспокойся. Выделим тебе домик для семейных преподавателей. Как она, кстати? Вспоминает про отца?

– Уже не так часто.

Тарин с вызовом подняла глаза на подругу:

– Ну же, давай. Спроси. Я знаю, тебе хочется спросить. Все задают один и тот же вопрос: правда ли я верю? Судя по всему, я скоро стану считаться местной юродивой.

Регина жала ее руку в своей.

– Это только твое дело. Что бы ты ни считала, я с тобой. Хочешь, можем прямо сейчас пойти на кладбище и взорвать это чертово надгробие!

– Ну, тыхватила, – краем губ улыбнулась Тарин. – Все-таки сослуживцы деньги собирали... Мне на самом деле нужно подумать. Возвращаться всегда тяжело, тем более, спустя десять лет...

– Тяжелее, чем сейчас, тебе все равно не будет. Знаешь, я в городе еще несколько дней, – Регина потянулась к сумке и достала красочный буклет. – Вот, возьми. Завтра состоится ярмарка учебных заведений. Я, собственно, ради нее сюда и выбралась. Приходи, может быть, нам удастся пообщаться подольше.

– А я думала, ты сюда ради крестницы приехала, – поддела ее Тарин. – Анна по тебе соскучилась.

– Она так быстро растет, – Регина покачала головой, глядя на горку. – Конечно, мои оболтусы тоже вымахали большими дядями. Старший в прокуратуре работает, с девушкой встречается. Правда, пока не познакомил: стесняется. Ладно, – в ее голосе послышалась усталость, – Мне пора. Но мы не договорили! Обещай, что придешь на ярмарку. И поцелуй за меня малышку.

В неподвижном воздухе еще долго чувствовался аромат духов ушедшей собеседницы.

Следующим утром Тарин сидела на кухне, поджав под се-

бя ногу, сдувала пенку с чашки кофе и думала, что снова оказалась на линии старта. Ее работа, страсть к научным исследованиям, опубликованные статьи – все оказалось неважным, хрупким, словно мираж. Иногда один телефонный звонок может разрушить весь твой тщательно выверенный жизненный план, в котором вроде бы все учтено. Вроде бы.

За окном воробьи дружно приветствовали новый день.

Тарин долго не решалась переехать, в основном из-за дочери, но теперь это было неизбежно. Как неизбежно то, что придется снова взять девичью фамилию. Она машинально покрутила кольцо на безымянном пальце. Взгляд упал на пробковую доску, висевшую у окна. Гвоздиками к ней были приколоты вырезки, распечатки, карта местности, фотографии... Нужно было собираться. Она кое-как уложила непокорные, вьющиеся каштановые волосы. Выбрала легкий брючный костюм, который полностью скрыл ее ожоги на ногах. Пора было будить дочку.

У ворот детского сада ей повстречалась соседка, чей малыш ходил с Анной в одну группу. Женщина робко поздоровалась и смущенно замолчала, борясь с желанием что-то добавить. Тарин только утвердилась в своей догадке: та читала проклятую статью.

– Я, я только хотела сказать: примите мои соболезнования. Я... я и не знала даже, – лицо соседки скорбно удлинилось, – Ваш муж погиб как герой..., – она снова запнулась, – но поверьте, лучше признать и жить дальше...

Тарин соскребла крохи терпения, оставшиеся на стенках некогда полной чаши, и отстраненно поблагодарила женщину. Который год к ней приходят его бывшие сослуживцы, отдать дань памяти, участливо интересуются, что они могут сделать для нее и дочки. А теперь, когда суд вынес решение, журналисты вытащили на свет эту историю, словно писать больше не о чем. Ничего, сегодня последний день Анны в этом саду, а через неделю они отдадут ключи от квартиры новым хозяевам – договор уже подписан.

Размышляя в таком духе, Тарин вышла на проспект, по которому сновали машины. Бледно-серое небо удачно спряталось за высотками, прорывав что-то в высоту. Видимо, тоже было недовольно большим скоплением людей на улице. Начал накрапывать дождик.

К остановке подъехал автобус, а так как зонта с собой не было, выбирать не приходилось. Тарин решила, что повидаться все-таки стоит.

Ярмарка учебных заведений проходит летом и служит своего рода маяком в море выбора, в котором тонет абитуриент, окончивший школу. Учебные заведения занимают свои зоны и рекламируют специальности: образование – та же услуга, которую нужно как можно эффективнее представить, чтобы выгодно продать. Красочные видеоролики, оборудование, на котором предстоит учиться, демонстрация навыков старшекурсниками, реклама работодателей, которые с радостью ждут к себе тех или иных специалистов – чего

только здесь не увидишь.

Тарин долго искала глазами цвета колледжа – зеленый и желтый – пока буквально не столкнулась с Региной. Стол, который для нее выделили, был маловат, находился далеко от центральных рядов и не слишком ярко выделялся. Две ростовые куклы стояли поодаль и зазывали проходящих мимо, но положение не улучшалось.

– Молодец, что все-таки пришла, – улыбнулась Регина.

Возле стола сновал маленький человечек, в строгом, отглаженном сером костюме, в серой рубашке, застегнутой на все пуговицы. Короткая прическа была тщательно уложена волосок к волоску, а галстук грозил задушить своего хозяина. Рука сжимала кожаный портфель для бумаг, какие носят с собой министерские чиновники. При всей претензии на идеальный внешний вид аккуратность явно перешла в некую прилизанность образа. Все стало еще хуже, когда человечек заговорил: гнусавый, немного высоковатый для мужчины голос, был полон снисходительного высокомерия. Поскольку выяснилось, что Тарин пришла не по поводу поступления, отдаленная тень вежливости мгновенно покинула его лицо, уступая, видимо, обычному брезгливому выражению. Человечек тут же переключился на другую цель.

Регина подошла поближе и шепнула на ухо ответ на безмолвный вопрос в глазах подруги:

– Я тебе рассказывала: это тот самый эксперт, которого прислали нам в помощь с аккредитацией. Вениамин, но мы

зовем его Портфельчиком.

– И как ты с ним работаешь?

– Выбирать не приходится, – вздохнула Регина, подняла голову и ее круглые серьги запутались в медных волосах. – А вот идет новый собственник колледжа, я тебя сейчас познакомлю.

Но сначала Тарин успела отметить резкую перемену, произошедшую в Портфельчике, когда тот увидел, кто к ним направляется. Ее новый знакомый словно подросток, приосанившись, насколько было возможно, а лицу своему придал подобострастное выражение. Он двинулся навстречу подошедшему и явно приготовился выполнить любое услышанное распоряжение. Портфельчик набрал воздуха в грудь, вытянулся как на параде и, все также гнусава, отрапортовал последние новости.

– Ну что, как у нас дела? – обратился мужчина к Регине.

Он лишь мельком скользнул взглядом по Тарин, но она физически ощутила, что за эту секунду ее полностью просканировали: что за человек, во что одета, каков социальный статус. Она даже успела почувствовать, что результат сканирования устроил смотрящего, хотя не смогла бы объяснить, каким образом она это поняла. Пока Регина давала отчет о проделанной работе, настала очередь Тарин рассмотреть того, кто вложил деньги в новый для себя проект – колледж.

То, что мужчина не сталкивался с образованием раньше, чувствовалось во всем: он был типичный управленец, делец

до кончиков ногтей, ценящий свое время. Все его движения были уверенны, лишены суеты и неопределенности. Невысокий, коренастый, он по-хозяйски опирался на стол рукой, запястье которой украшали элитные часы. Эффектная ухоженная блондинка стояла за его спиной и, таким образом, дополняла дорогой образ. Этот человек чем-то напоминал Тарин боксера, неспешно, но уверенно идущего мимо неинтересующей его толпы навстречу противнику. Боксер был собран и абсолютно спокоен, потому что точно знал, что победит.

Суетящийся же Портфельчик постоянно вмешивался в разговор и комментировал для учредителя происходящее на ярмарке, то одергивая рукава манжет, то поправляя свой и без того туго сидящий галстук. Работу, которую, очевидно, проделала Регина, он пытался выдать за свою. Тем же гнусавым голосом, но теперь уже с подобострастными нотами, он превозносил только собственные заслуги, и речь его наводнилась я-местоимениями.

Учредитель прервал поток слов, отмахнувшись, как от назойливого насекомого:

– Оставь при себе, неинтересно. Скажи лучше, мы выйдем на те цифры приема, которые я тебе озвучил?

– Конечно, Марат, не сомневайтесь. Я сделаю все возможное...

– Невозможное тоже сделай, – и мужчина, попрощавшись с присутствующими лишь кивком головы, развернулся и неспешно направился в центр павильона, сопровождаемый

все той же блондинкой.

– Вы слышали? Нам нужно эффективнее работать, – стал тут же демонстративно поучать Регину оставшийся собеседник.

Когда, наконец, подруга смогла освободиться, Тарин принесла из автомата по стаканчику кофе и их любимому круасану.

– Скажи честно, ты ведь позвала меня сюда, не потому, что соскучилась? Хотела, чтобы я все увидела сама? – кивнула Тарин в сторону стола, где продолжал важно вышагивать Портфельчик.

– Я же поняла, что мои слова тебя не убедили, – пожалала плечами Регина. – Иногда нужно один раз увидеть.

– Считаешь, что я не смогу стерпеть такого вот..., – она снова взглянула в сторону, – в стенах колледжа, который был детищем моего отца?

– А ты сможешь? – Регина лукаво спрятала улыбку, сделав глоток, и снова стала серьезной. – Ты мне нужна. Решайся. Конечно, просто так приехать и поселиться в колледже не получится, сейчас все по-другому. Ученый совет объявил конкурс на замещение вакантных должностей ректора, его заместителей и преподавателей. Но чтобы пройти тебе всего-то нужно заполнить заявку и приложить кое-какие документы, – она молниеносно достала из сумочки бумаги и протянула их подруге. – Я все для тебя приготовила.

– Получается, меня могут и не выбрать?

– Не переживай, конкурс лишь для профформы. На деле мало желающих найдется жить и работать на закрытой территории колледжа весь учебный год, тем более за невысокую заработную плату. А ты с ученой степенью, научными разработками и патентом – вообще хоть на место ректора можешь претендовать! Хотя, тогда ты станешь мне конкурентом, – подмигнула Регина.

Тарин улыбнулась.

– Спасибо, но это уже чересчур. Тем более, я вижу, один конкурент у тебя уже есть, – парировала она, наблюдая, как ее новый знакомый суетится и приторно обращается к семейной паре с двумя подростками.

– Не говори. Если бы не перспектива работать под руководством такого вот... Портфельчика, я бы все это не затеяла. Мое место заместителя по методической работе меня всегда устраивало. Но гарантий, что я стану ректором, нет никаких, – Регина вздохнула и понизила голос, – а если ректором станет Портфельчик, мы долго не протянем. Новый учредитель его ценит, хотя я и не понимаю, за что...

– Ты не думала, что в этом и смысл: поставить во главе того, кто гарантированно развалит колледж?

– Вряд ли. Марат вложил сюда немалые деньги. Слышала, как он допытывался, примем ли мы нужное количество студентов? Он точно заинтересован: чем больше поступивших – тем больше денег на обучение получим от их родителей. Нет, тут дело в другом, у меня чутье на такие вещи, – нахму-

рилась Регина. – Так что, сможешь мне все выяснить?

Тарин немного помедлила с ответом.

– А вот у меня чутье, что я ввязываюсь в очередную авантюру, – сузила она глаза. – Но ты права, выбирать мне особо не приходится. Где тут подписать?

– Вот и чудесно, – ее собеседница торжествующе улыбнулась. – Зарплата, конечно, тебя не воодушевит, но это ведь не проблема? Если я правильно помню, тебе что-то перепадает за разработку того чудо-средства для заживления ран?

– Деньги действительно не проблема. Тем более, когда мне ежегодно пытаются вручить выплату по потере кормильца, а я ежегодно от нее отказываюсь, – лицо Тарин посетила саркастичная усмешка. – Но ты и так, наверное, знаешь все из газет.

Вместо ответа Регина внимательно взглянула в синие глаза напротив. Ее уже давно не обманывали небольшой рост и хрупкое телосложение подруги: в определенных обстоятельствах Тарин была тверже гранита. Однако в данном случае упорство вряд ли шло ей на пользу.

– Думаешь, если бы он был жив, он не попытался бы дать знать?

– Не знаю. Первое время я, действительно, ждала малейшего знака, слова, намека... В голову лезли мысли, что он до сих пор где-то под прикрытием, и не имеет такой возможности... или он где-то в больнице, в коме, или потерял память, или что его смерть – это легенда для тех, кто хочет ему ото-

мстить... Наверное, глупо, но не отнимай у меня этого, Регина. Больше у меня ничего нет...

– Прости, – смутилась та. – Ты же знаешь, я желаю тебе счастья. Если тебе легче жить, думая, что он вернется, значит, так и есть. Только не замыкайся в себе. Ты должна растить дочку. К тому же ты прекрасный ученый. Вот увидишь, однажды настанет день, когда ты снова почувствуешь вкус жизни.

Они посидели еще немного, и Регина взглянула на часы:

– Ладно, меня уже заждались. До встречи в колледже?

Тарин кивнула вместо ответа. Похоже, ей вновь предстоит окунуться в мир лекций, стопок документации, шумных дней в аудиториях и тихих вечеров в библиотеке.

III

Конкурс назначили на середину августа. Со дня на день в учебных заведениях должны были вывесить списки поступивших. В преддверии этого момента в колледже пока хозяйничала тишина.

Тарин была рада пройтись по платановой аллее. Последний раз она была здесь десять лет назад. Отец, будучи ректором колледжа, предложил ей работу преподавателя. Тарин продержалась всего год, но нашла гораздо больше, чем потеряла.

Широкие, пыльно-серые, гладкие стволы платанов пытались сменить шкурку и замаскироваться под окружающую

зелень. Они смыкали свои ветви друг с другом от ворот до самого входа в здание, кружевом переплетались над головой и давали желанную тень. Временами ветер прогуливался под ними, отдыхая от сурового солнца. Тарин неспешно подошла к знакомому серому зданию. Времени было достаточно, и она решила заглянуть во внутренний двор.

Пахнувшие свежей краской, лавочки на аллеях прятались за недавно подстриженной живой изгородью. Над медальонами клумб деловито гудели пчелы. Два здания общежития, разделенные зелеными газонами и прогулочными извилистыми дорожками, смотрели друг на друга чистыми, блестящими окнами в ожидании новых жильцов. Оранжерея по-прежнему скромно выглядывала из-за правого крыла главного, П-образного учебного корпуса. Студенческое кафе еще было закрыто, но возле него стоял грузовичок с коробками и всякой всячиной. Она повернула голову в сторону учебного корпуса и взглянула на большие, центральные окна верхнего этажа – кабинет ректора. Когда-то там в любое время дня и ночи работал отец.

– Надо же, кого я вижу! Хотел сделать замечание, чтобы посторонние не бродили по территории, но эту пичужку я сразу узнаю! – к ней приблизился кругленький юркий старичок и радостно протянул руки. – Неужели работать к нам приехала?

Тарин узнала Артура, заместителя ректора по хозяйственной части. Он заведовал охраной, ремонтом, уборкой, закуп-

ками учебников и продуктов – всего не перечислить. Значит, это его грузовичок стоял у кафе.

– Здравствуйте, Артур! Если получится, – улыбнулась она. – Как поживаете? А ваша жена, Агата, по-прежнему работает в столовой?

– А то, как же! Заходи к нам, как освободишься, она будет рада!

– Обязательно.

– Молодец, что приехала. Колледжу нужна светлая голова. Честно сказать, новые порядки мне внушают много опасений, – покачал он головой. – Вот, еле-еле выбил деньги, чтобы кафе в порядок привести, а про оранжерею или сиденья на стадионе вообще боюсь заикаться: новое начальство как счета видит, так чуть не за сердце хватается! А что я сделаю? Цены такие, не я их устанавливаю.., – по своему обыкновению Артур тараторил быстро и без остановки.

Поболтав с ним еще немного, Тарин решила, что пора найти нужную аудиторию. Однако теперь, на обратном пути, она подметила нотку тревоги и запустения, которая звенела в воздухе: по штукатурке медицинского блока ящерками взбирались небольшие трещины, оранжерее явно требовалась рука маляра, а половицы в холле жалобно скрипели. Ей подумалось, что отец не допустил бы такого перед началом учебного года.

В коридоре уже ожидали приглашения кандидаты в преподаватели. Тарин отошла в сторону и попыталась отыскать

знакомые лица. Мимо важно прошествовал Портфельчик, вызвав у нее усмешку: он поднял голову так высоко, словно стремился задеть носом дверной проход, но с его ростом он мог об этом только мечтать. За ним неслышно проследовала женщина средних лет с огромной кипой бумаг в руках, скорее всего, его помощница. Она, наоборот, старалась быть как можно незаметнее.

– Может, начнем? Чего тянуть кота за хвост?

Позади себя Тарин услышала скрипучий, прокуренный властный голос, и, не оглядываясь, улыбнулась: ну вот и старая знакомая.

Слова Киры были обращены к лысому старичку в сером костюме. Сама женщина стояла, подбоченившись и держа в руках неизменную сигарету. Короткие черные волосы Киры блестели как угольные грани, узкие губы сложились в привычную усмешку.

– Здравствуй, дорогуша, – кивнула она Тарин. – Вот у кого голова на плечах, – обратилась она к собеседнику. – Видела твои документы. Молодец, в своем НИИ времени зря не теряла.

Она подошла ближе.

– Добро пожаловать на наш тонущий корабль, – темнота в ее глазах озорно заискрилась и тут же застыла. – Слышала про твоего мужа. Держишься?

– Вы же знаете, бывало и хуже.

– Тут ты права. Не стоит забывать, что всегда может

быть еще хуже. Хотя, времени размышлять теперь у тебя не будет, – Кира многозначительно хмыкнула. Она взглянула сквозь распахнутые двери в аудиторию и скривилась:

– Потом поболтаем. Пойду, сгоню одного засранца с моего места в президиуме. Слишком уютно устроился!

Тарин была готова поспорить, что та направилась к Портфельчику. Пока она наблюдала за уходящей женщиной, к ней обратился лысый старичок. На протяжении их с Кирой беседы он скромно стоял в стороне.

– Вы меня не узнаете?

Тарин озадаченно посмотрела на него.

– Как же, ведь я втолковывал вам на первом курсе, что такое дифференциальные уравнения. Неужели забыли?

– Профессор? Простите, я вас не узнала, – смутилась она. – Столько лет прошло! Не ожидала встретить вас здесь.

– Да, жизнь интересная штука, – улыбнулся старичок. – А вот я вас помню: вы были одной из лучших учениц. Рад, что вы достигли в науке таких высот. Только вы что-то не печатаетесь в последнее время.

– Много дел накопилось, – не стала вдаваться Тарин в подробности. – Вы, оказывается, знакомы с Кирой?

– Мы же математики, дорогая, встречаемся на конференциях. Помимо прочего вместе входим в здешний ученый совет. Но я вас покидаю. Идет новый учредитель, следовательно, конкурс сейчас начнется.

Марат и впрямь твердым, пружинистым шагом прибли-

жался к дверям. Он словно предвкушал какое-то развлечение, и это настораживало. Тарин в очередной раз подумала, что зря поддалась на уговоры подруги и приехала в колледж. Вторая ее мыслям, ветер за окном стал удирать со двора, унося с собой мелкий мусор с дорожек. Он налетел на Регину, поднимавшуюся по лестнице в здание.

Процедура затянулась. Кандидатов приглашали в аудиторию по одному. Вернувшись, они рассказывали, что представители ученого совета проводили небольшое собеседование, после голосовали и выносили решение.

– Когда очередь дойдет до Портфельчика, он просто выйдет из президиума, за него проголосуют как за рядового кандидата, а потом он опять займет свое место, – шепнула Регина. – Если на одно место несколько кандидатов, тогда обсуждение идет после разговора со всеми претендентами.

Наконец, пригласили Регину. По лицу женщины было заметно, что она нервничает.

– Успокойся. Ты лучшая. Я это знаю, ты это знаешь, и они сейчас тоже узнают, – напутствовала ее Тарин.

После настала очередь самой Тарин. В аудитории было тихо. Она присела на стул в центре, недовольная собой, вернее тем, что вопреки здравому смыслу, почувствовала волнение.

– Из представленных документов следует, что у вас есть ребенок. Значит, вам нужно предоставить отдельный домик, а их у нас и так нехватка, – Портфельчик даже не поднял глаза, пока секретарь зачитывала необходимую информацию. –

Также мы видим, что у вас довольно скромный опыт педагогической работы, – гнусавил он. – И как вы можете пояснить ваш уход из научно-исследовательского института?

Тарин обвела взглядом комиссию. Марат вальяжно развалился в кресле. По-видимому, он начал скучать: не скрываясь, он что-то листал в телефоне. Кира перешептывалась с сидящим рядом профессором. Незнакомая дама с отсутствующим видом просматривала бумаги, которые лежали на столе. Да, жаль, конечно, Регину, но придется ей выкручиваться одной.

– Я уволилась, потому что когда люди не верят в то, что они делают, работать с ними невозможно.

Марат поднял голову и посмотрел прямо на нее. Тарин не отвела взгляд.

– Я всегда хотела приносить пользу людям, и всегда работала с полной отдачей. На пределе своих возможностей. Поэтому извините за потраченное время, но, кажется, я вам не подхожу.

Портфельчик слегка побледнел:

– Довожу до вашего сведения, что так разговаривать с комиссией недопустимо!

– Разговоры не помогут выправить положение в колледже. Здесь нужны не удобные вам кандидаты. Здесь нужны бойцы. Надеюсь, что вам это известно, – Тарин встала и насмешливо склонила голову. – До свидания.

В коридоре ее ждала Регина.

– Ну что?

– Только не расстраивайся, ладно? По-моему, мне здесь ничего не светит, – призналась Тарин подруге.

– Подождите, пожалуйста, – оказывается, из аудитории следом вышла секретарь. – Вас просили не уходить до окончания голосования, – пролепетала она.

– В самом деле?

– Да, нужно подождать вместе со всеми.

– Хорошо, – Тарин пожала плечами. – Меня все равно пригласили на ужин.

За окном темнело. В коридорах зажгли свет. Стулья, на которых ожидали кандидаты, потихоньку пустели: кто-то выходил с хорошими новостями, кто-то молча покидал холл. Регина появилась в дверях с таким растерянным лицом, что у Тарин все внутри перевернулось. Но разузнать ничего не получилось: сразу же позвали ее саму.

Когда она вошла, то увидела на лице у Портфельчика то же выражение, что и у Регины. Более того, он стал медленно покрываться красными пятнами, пока секретарь зачитывала протокол. Кира, наоборот, сидела с торжествующей улыбкой и ободряюще смотрела на Тарин. Самой Тарин передалось волнение окружающих, поэтому она лишь уловила, что голосов «за» оказалось больше, чем «против».

– Надеюсь, вы понимаете, какое доверие вам оказал ученый совет? – задал ей вопрос Марат.

Он встал и подошел поближе.

– Если честно, я сомневаюсь, вынесли ли мы правильное решение. Но принесите мне результат, и я возьму свои слова обратно. Жду от вас план развития в следующую встречу. Вениамин поможет, – учредитель кивнул в сторону Портфельчика. – Теперь он – ваша правая рука. Что ж, коллеги, праздновать некогда. Приступайте к работе.

Пока Тарин смотрела вслед удаляющемуся мужчине, к ней стали подходить остальные.

– Приятно, что такая многообещающая девушка продолжает дело отца, – дотронулся до ее руки старичок профессор.

– И не говорите, – улыбнулась Кира. – Ну что, поздравлять тебя, конечно, не с чем, но ты всегда можешь ко мне обратиться.

– Подпишите протокол, пожалуйста, – протянула ей ручку секретарь.

Портфельчик с каменным лицом проследовал к выходу и хлопнул дверью так, что задрожали стекла в окне.

– Ничего, ему даже полезно, – усмехнулась Кира. – Пусть хоть немного своей желчи выпустит. – Заходи, Регина, здесь все свои. Ладно, ребятки, я целую вечность не курила. Скоро вернусь.

– Ты мне можешь что-нибудь объяснить? – наклонилась к подруге Тарин.

– Я сама не могу ничего понять, – ответила та. – Но, похоже, что ты все-таки переезжаешь в колледж. Только не ты будешь моим помощником, а я твоим. Потому что и я, и Порт-

фельчик остаются на своих должностях. А тебя избрали на должность ректора.

Вихрь

I

Кабинет на третьем этаже был полон.

Ее собственный рабочий стол венчал массивный, темно-ореховый стол для заседаний. За последним расположились представители руководства колледжа. Их невеселые лица были мрачнее сизого неба, затянутого тучами слева, за панорамными французскими окнами. По правую руку, у стены, стоял кожаный диван, над которым висели дипломы и фотографии. Пузатые кубки криво отражали фигуры собравшихся. Противоположная стена, заставленная книжными стеллажами, отстояла довольно далеко, дверь в углу едва виднелась.

Было непривычно сидеть в кожаном кресле во главе стола, видеть лица, обращенные к ней.

Главный бухгалтер, пожилая суровая дама, которую Тарин видела на выборах в ученый совет, глянула на нее поверх очков:

– А я еще раз повторяю: вы слишком много хотите. Бюджет колледжа не резиновый, и данную статью расходов мы позволить себе не можем. Предлагаю уменьшить зарплаты преподавателям.

– На это мы не можем пойти, – покачала головой Регина. –

У нас и так нехватка педагогов по многим специальностям. Мало того, что поснимали доплаты за заведование кабинетами и за стаж работы...

– Тогда не будем ремонтировать котел, – пожала плечами женщина, демонстративно поднимая из кипы лежащих перед ней счетов самый верхний.

– Как это не будем? – Артур подскочил в кресле. – Через два месяца начнется отопительный сезон, мы не можем пустить все на самотек. Тем более, что к нам скоро придет с проверкой инспектор!

– А кто вам говорил в прошлом году, что не нужно было затевать ремонт спортзала? Теперь грейтесь в своем спортзале, а у меня денег нет! – женщина сердито отвернулась от него.

– Давайте успокоимся, – Тарин смогла, наконец, вставить пару слов. – Регина, каков прогноз по приему абитуриентов?

– Поданных заявлений около восьмисот, но если считать по оригиналам документов, то чуть больше пятисот. Проект приказа о зачислении уже сформирован, работники приемной комиссии обзванивают тех, кто обещал заплатить, но по какой-то причине медлит.

– Студенты старших курсов осведомлены, что оплату за обучение нужно произвести до конца этой недели? – поинтересовалась главный бухгалтер. – У меня тут еще счета на учебники, медикаменты и спортивный инвентарь!

– Да, и мы хотели бы увидеть от вас уточненный список

должников, – обратилась к ней Регина. – Я дам задание кураторам прозвонить всем родителям.

– Это все, занимательно, конечно, – прогнусавил Портфельчик со своего места. – Но давайте вернемся к нехватке преподавателей. Учебная нагрузка была распределена мною лично, и теперь вырисовывается неутешительная картина...

Тарин наклонилась к ежедневнику.

– В ближайшие несколько дней у меня запланирован ряд встреч с кандидатами, которые прошли предварительный отбор. Но помимо этого у меня к вам объявление, – она обвела глазами присутствующих. – Мы все возьмем в этом году педагогическую нагрузку. Если мы хотим выровнять ситуацию, придется всем помимо основной работы читать дисциплины согласно своему профилю. Поэтому вы, – обратилась она к Портфельчику, – максимально берете часы по химии, я – по биологии, наш главный бухгалтер – по экономике. Регина, как обычно, берет иностранный язык. Ваша помощница, Вениамин, кажется, географ по образованию? Значит, вопрос с географией тоже должен быть решен. И да, это предложение, от которого вы не можете отказаться.

В кабинете послышался многоголосый вздох.

– А когда мне делать основную работу? Кто будет отчеты сдавать и банком разбираться, скажите мне? – главный бухгалтер гневно нахмурила брови.

– Тогда же, когда и мне – в свободное от занятий время. Мы или все впряжемся в эту телегу в этом году, или она за-

вязнет окончательно.

Больше спорить никто не решился.

– Хорошо, вернемся к вопросу аккредитации. Я просмотрела отчеты о степени готовности, и они меня разочаровали. Если в случае Артура все упирается в деньги, то в случае подготовки документации у меня вопросы к вам, Вениамин. Вы читали рекомендации, выпущенные месяц назад министерством образования? Там четко прописано, на что в первую очередь нужно обратить внимание. Но я не вижу, чтобы сделана была хотя бы половина работы. Что вы скажете по этому поводу?

Портфельчик приосанился и надменно поджал губы:

– При всем уважении, я не должен перед вами отчитываться. Информацию по вопросу аккредитации я докладываю лично учредителю!

Тарин задержала дыхание и наклонила голову.

– Тогда сделайте мне копии ваших отчетов для Марата.

– На этот счет я не получал никаких инструкций! – зазвенел его голос под потолком.

– Значит, вы получите их в ближайшее время, – Тарин, наоборот, стала говорить тише и тверже. – До меня также дошли сведения, что за написанием учебных программ вы обращаетесь к преподавателям, в обязанности которых это совсем не входит.

– Здесь много кто делает то, что не входит в его обязанности! – язвительно парировал ее заместитель. – В особен-

ности пытается залезть туда, где явно некомпетентен!

Сказав это, Портфельчик похоже сам испугался своей смелости, поскольку густо покраснел и как-то съежился. Все устремили глаза на Тарин, ожидая ее реакции.

– Вы абсолютно правы, – спокойно отозвалась она, смотря на Вениамина в упор. – Вопрос о компетентности некоторых сотрудников занимает меня даже больше, чем вы можете себе представить. Поэтому, как только у меня появится свободная минутка, я просмотрю все личные дела и особое внимание уделю должностным инструкциям каждого работника колледжа... Что ж, полагаю совещание окончено. Следующее проведем в конце недели, по итогам приема в колледж.

Все стали подниматься с мест. Тарин воспользовалась возможностью и подошла к Артуру:

– Еще раз большое спасибо, что помогли с переездом. Не думала, что у нас с Анной накопилось столько вещей. Да еще и этот кот...

– О чем речь! – всплеснул руками старичок. – И не переживайте насчет вашей девочки. Мы уже все обсудили с женой: она посидит с Анной до сентября, а после продленки школьный автобус будет доставлять малышку прямо к нашим воротам. Все образуется, вот увидите.

– Да, будем надеяться. Только не нужно обращаться ко мне так официально Артур, мы же сто лет друг друга знаем. Мое назначение ничего не меняет. Регина, задержись, пожа-

луйста!

Когда дверь закрылась, она со вздохом опустилась на диванчик у стены и скинула туфли.

– Ты держалась молодцом, – ободрила ее подруга.

– Да? Я вот не уверена. Не сплю уже третью ночь, все пытаюсь разобраться в этом... кошмаре! – Тарин кивнула в сторону стола, заваленного бумагами. – Ты узнала то, что я просила?

– Нет, – Регина присела рядом. – Все документы по конкурсу у секретаря ученого совета, помощницы Портфельчика. А она преданна ему как цепной пес: говорит, что без его разрешения не даст даже заглянуть, не то, что скопировать.

– Я все думаю: мое назначение – чья-то злая шутка такая? Попытка окончательно загубить колледж, поскольку я в этом ничего не понимаю? Или, может быть, Кира настолько в меня поверила, что сделала на меня ставку?

– Не знаю, – Регина пожала плечами. – У Киры отпуск, она появится здесь только к началу занятий. Давай лучше спустимся в столовую и перекусим. Готова поспорить, что ты еще не обедала.

– Нет, но кофе уже пила. Один из плюсов работы ректором – собственный секретарь, – усмехнулась Тарин. – Со всем молодая девушка, колледж – ее первое место работы, так что в чем-то мы даже похожи. Знаешь, сегодня мне звонил Марат. Интересовался, как у нас дела, как проходит подготовка ко дню знаний. Пришлось сказать, что все в поряд-

ке, а ведь я об этом даже не думала еще! Столько нужно сделать, – она провела рукой по лбу.

– Знаю, – посочувствовала Регина. – Не переживай, я тебе помогу. Вместе мы справимся.

– Похоже, ты единственная, кому я могу доверять, – призналась Тарин.

После обеда она решила прогуляться по территории. Хозяйственный персонал, едва завидев ее издали, вытягивался по струнке и почтительно приветствовал. Лишь теперь она осознала, какая пропасть пролегла между ними благодаря ее новой должности. Несколько лет назад, когда Тарин работала здесь преподавателем, находить общий язык с работниками колледжа было просто. Теперь об их истинном отношении можно было только догадываться.

Тарин посмотрела под ноги и увидела упавший лист китайского клена. Он был идеален: гладкий, рубиново-алый, только в самом сердце его была коричневая подпалина. Тарин машинально положила его в карман пиджака: дочке понравится. Дерево, с которого упал лист, было усыпано ими, как гранатовыми зернами. Начиналась осень.

Когда позже она поднялась в кабинет, то увидела, что в приемной уже ждут несколько человек. Приглашенные соискатели, как пояснила секретарь.

Претендент на преподавателя истории напомнил ей свидетеля какой-нибудь секты. Он был высокий и худой как жердь. Клетчатая рубашка на нем топорщилась парусом и

совершенно не скрывала худобу. Острая борода с проседью, обветренная загорелая кожа, а, главное, имя – Лука – дополнили общее впечатление. Документы были в порядке, но Тарин не покидало ощущение, что стоящий перед ней мужчина может испытывать тягу к алкоголю. Задав прямой вопрос, она получила такой же прямой ответ:

– Не буду скрывать, в моем прошлом это было. Но кто из нас не имеет прошлого? Я искренне раскаиваюсь, а второй шанс, по моему разумению, заслуживает каждый из нас.

Следующий кандидат ничем особенным не выделялся. Среднего роста, с прямыми чертами лица, мужчина открыто смотрел на Тарин серо-голубыми глазами. Правда, держался он слегка настороженно.

– Почему вы ушли от предыдущего работодателя?

– Я разошелся во мнениях с руководством.

Тарин откинулась на спинку кресла. Такая откровенность ей импонировала, хоть она и не подала виду.

– Поясните, пожалуйста.

– Я бы предпочел оставить это при себе.

– Хорошо, – она взглянула на резюме. – Тимур, правильно? Как думаете, если мы свяжемся с вашим бывшим начальством, как они вас охарактеризуют?

Мужчина хмыкнул и провел рукой по слегка небритой щеке.

– Скорее всего, как человека с прямым, может быть, даже неуживчивым характером.

– Я ценю вашу честность и отвечу вам тем же. Колледж переживает не лучшие времена. Грядет аккредитация. Я не смогу отвлекаться и нянчиться с преподавателями. Мне нужна команда, которая сможет реализовать поставленные задачи. Вы сможете спрятать свое «я» и стать частью этой команды?

Он снова взглянул на Тарин:

– Ради этого я сюда и пришел.

Молодая блондинка, чья очередь настала следующей, показалась Тарин смутно знакомой. Несмотря на опыт работы, она производила впечатление несведущего в образовании человека. При пристальном рассмотрении становилось понятно, что она была больше ухожена, чем красива. Платье было слишком откровенным для педагога. Получив ряд неудачных ответов на специализированные вопросы, новопеченный ректор уже была готова отказать соискательнице, но в кабинете зазвонил телефон.

– Забыл сказать, – раздался в трубке голос Портфельчика, который неожиданно приобрел уважительный тон, – мне звонил Марат и настоятельно рекомендовал обратить внимание на преподавательницу литературы, которая сегодня должна к вам подойти. Он очень хорошо о ней отзывался, если вы понимаете. Думаю, мы должны ее принять.

Так вот оно что. Сидящая перед ней девушка – та самая блондинка с ярмарки вакансий, на которой Тарин встретила с учредителем. Та, которая стояла слишком близко к

Марату для простой знакомой. Начинается. Теперь мы принимаем в колледж за красивые глаза...

В опустевший кабинет заглянула Регина:

– Как работается?

– Лучше не спрашивай. У нас в активе историк-алкоголик, физик, вылетевший с работы за ссору с руководством и филолог, принятый по блату. Цирк какой-то, а не коллектив! – Тарин схватила за голову.

– Что поделатъ, на носу начало учебного года, все грамотные преподаватели уже нашли работу. Да и условия у нас не сказать, чтобы очень привлекательные. Но я могу поднять тебе настроение: сейчас подойдет одна женщина, она должна тебе понравиться. Присмотрись, хорошо?

Регина рекомендовала женщину в отдел воспитательной работы, и посетительница действительно не разочаровала. Она держалась спокойно и уверенно. У соискательницы оказался большой опыт работы в образовании, она неоднократно проводила различные мероприятия и сходу предложила пару сценариев проведения первого сентября. Правда, зарплатные ожидания ее были великоваты для возможностей колледжа.

– Вас не смущает, что как студенты, так и преподаватели живут на территории колледжа круглый год? Что скажут ваши родные?

– Говорить некому. Дети у меня уже выросли, у них свои семьи. Сама я разведена.

– Скажу вам откровенно: вы нам подходите, но мы вряд ли сможем вас заинтересовать материально. Поэтому я предлагаю вам место начальника отдела воспитательной работы. С правом самостоятельного подбора подчиненного персонала. Плюс за вами будет руководство общежитием и решающий голос при назначении кураторов групп. То есть я предлагаю вам руководящую должность вкупе с большими возможностями. Тогда доплатами мы можем приблизиться к вашей цифре.

– Обязанностями вы меня не испугаете, я привыкла не спать по двадцать часов в сутки. Думаю, мы сработаемся, – протянула она Тарин руку.

Остаток дня ректор провела, утверждая положения, подписывая приказы, разбирая учебные планы. Нужно было еще разобраться с системой оплаты труда на предстоящий учебный год. Когда, наконец, она попала в свой домик, дочка уже крепко спала. Над кроватью горел ночник, котенок звонко мурчал в ногах на одеяльце.

– Не волнуйся, я ее покормила, мы почитали книжку, – Агата, сидевшая с ребенком весь день, подлила ей в чашку чай.

– Спасибо. Не знаю, чтобы я без вас делала.

– Да ты что, мне в радость, – старушка вытерла руки о фартук. – Я же скоро опять в столовой работать буду, целый день только с кастрюлями и поварешками буду разговаривать. Да ты ешь давай, не стесняйся. Я кому пирожки пек-

ла? Они со сливами. Твой отец их очень любил, постоянно в столовой брал. А теперь вот видишь, ты жуешь.

Тарин улыбнулась.

– Спасибо еще раз. Мне завтра опять рано нужно быть в корпусе, подстрахуете меня?

– А как же! Слушай, ты уж прости, что сую нос не в свое дело, но вот скажи: муж твой что, правда, преставился? Я ведь помню, как он здесь работал... Так девочку твою жалко, сил нет. Без отца расти – нелегкая судьба, – покачала она головой.

Тарин отвечать не стала. Она попрощалась со старушкой и заснула еще до того, как голова опустилась на подушку.

II

Следующие дни пролетели еще быстрее предыдущего: рабочий стол оказался завален письмами, проектами приказов и технической документацией. Не менее часа в день новоиспеченный ректор тратила на словесный пинг-понг с главным бухгалтером, оказавшейся фигурой не робкого десятка и не уступавшей ни одну цифру в годовом бюджете. Тарин пришла в голову мысль проштудировать учебники по экономике, поскольку по уровню знаний она явно проигрывала своему оппоненту. Телефон тоже решил не давать ей скучать. Как-то в промежутке между звонками в кабинет легонько поскреблась помощница Портфельчика, как всегда одетая во что-то болотно-серое, и тихонько положила на край стола ра-

бочую программу по биологии. Действительно, нужно ведь было еще подготовиться к ведению лекций! Тарин так огорчилась, что не сообразила спросить у вошедшей женщины, все ли в порядке: та выглядела чем-то расстроенной. Но следом уже вошел Артур с вопросами, которые нужно было решить незамедлительно.

Вместе со старичком они прошлись по аудиториям, заглянули в столовую, оба общежития и спортзал – оценили готовность колледжа к новому учебному году. Возле здания студенческого совета они встретили одного из новых преподавателей, Луку. В его руках Тарин заметила профессиональный фотоаппарат.

– Отличный день сегодня! – приветливо помахал рукой историк. – Вот, решил освежить в памяти забытые навыки. Кстати, я могу организовать кружок фотографии для студентов.

– Интересное предложение, – Тарин улыбнулась: соломенная шляпа придавала угловатому преподавателю еще более чудаковатый вид, чем-то он стал напоминать Ван Гога. – Я подумаю об этом.

– Странно, что он собрался здесь фотографировать, в этой части колледжа? – ворчливо пробормотал Артур.

Тарин оглянулась вокруг: действительно, ничего примечательного. Правда, соседнюю клумбу отвоевали серебристо-мятные, шерстистые листочки заячьих ушек, но они скромно прятались под уже отцветшей глицинией. Она по-

жала плечами:

– У каждого свое понятие о красоте.

В приемной ее ждали Регина и Ирма, новый начальник отдела воспитательной работы. От ректора требовалось утвердить сценарий Дня знаний и план мероприятий на грядущий учебный год. Затем Тарин провела общее совещание: наступала пора начинать подготовку документов к проверке. Денег на приглашенного аудитора не было, поэтому предстояло переработать опыт коллег, проходивших эту процедуру. Для получения ценной информации пришлось отрядить Портфельчика, так как у него были связи во многих учебных заведениях.

После секретарь передала сообщение о необходимости присутствия ректора в министерстве на совещании более высокого уровня. Карусель из задач и поисков их решений не думала останавливаться.

Первый день осени тихо подкрался на цыпочках, принес ясную, безветренную погоду. Ночью Тарин ворочалась, в голову лезли разные мысли о предстоящем мероприятии. Когда же она, наконец, заснула, предатель-будильник сыграл свой траурный марш. Тарин быстро оделась, длинное пудровое платье ждало еще с вечера. Она наскоро приготовила завтрак и разбудила Анну. Сегодня дочка в первый раз шла в школу, вот-вот должен был подъехать автобус. На остановке Тарин крепко обняла малышку, нечаянно задев ее белоснежные шуршащие бантики, и некоторое время махала вслед

отъезжающему транспорту. Она чувствовала себя виноватой в том, что не поехала в школу, но ее присутствие в колледже было необходимо.

По дороге к главному зданию Тарин осторожно обошла стрекотавшие разбрызгиватели, низкой дугой пускающие водяные струи на лужайки и клумбы.

Марат появился заблаговременно. Он лично осмотрел актовый зал и аудитории, где кураторам предстояло провести родительские собрания. Портфельчик, издали завидев учредителя, мелкими шажками подскочил к нему и рассыпался в комплиментах.

– Как сработались? – обратился Марат к ней и к ее заместителю.

Портфельчик в ответ выдавил из себя некое подобие улыбки.

– Ничего, брат, – похлопал его по плечу учредитель, – мы все в одной лодке, так что деваться тебе некуда.

В холле становилось шумно. Они стояли у деревянной балюстрады, и с открытой площадки второго этажа Тарин видел, как прибывают нарядные студенты и родители. Регина встречала их у входа. Лука суетился рядом, выполняя роль штатного фотографа. Его бородка и седые кустистые брови смешно выглядывали из-за объектива.

– Скоро приедут мои партнеры, надо им все показать, вежливо пообщаться, – бросил Марат.

– Непременно! – Портфельчик поспешил вниз.

– Здравствуйте!

К ним поднималась новая учительница литературы в ярко-красном облегающем платье. Она улыбнулась Марату.

– Привет, – подмигнул он ей. – Ну как, обживаешься?

Дальше Тарин слушать не захотела. Под предлогом проверки аппаратуры в зале она удалилась.

Мероприятие прошло достаточно спокойно, не считая того, что одна первокурсница упала в обморок. Медик, дежурившая в зале, вовремя среагировала, и все обошлось. Как потом сказал ректору Артур, еще не проходило ни одного Дня знаний, где студенты не падали в обморок, так что можно было считать это своего рода хорошей приметой. Марат выступил с речью, сказала и Тарин несколько слов. Она вручила «новобранцам» студенческие билеты, затем молодежь отправилась заселяться в общежитие и регистрироваться в библиотеке. Родители окружили ректора, задавая разнообразные вопросы. К себе она поднялась только к концу рабочего дня.

В кабинете Тарин застала Марата. Он вальяжно сидел в ее кресле, держа в руках бокал с коньяком. Дверца одного из шкафов была распахнута, по толстым стеклам бутылок прогуливались солнечные зайчики.

– Жаль, ты не пьешь. Такая коллекция зря пропадает. Повод-то отпраздновать есть.

Она молча села напротив, ожидая, что он скажет дальше.

– В общем, как все организовали, мне понравилось. Но

набор все равно маловат. Бухгалтер меня тоже не порадовала. Ты зачем вложила так много денег в ремонт?

– Тогда пожарный и санинспектор не выдали бы разрешения.

– Ты что, не могла их подмазать? Тебя чему там учили в твоём НИИ, микробов рассматривать? Почему не снизила зарплату преподавателям?

– Потому что никто бы к нам не пришел. От хороших преподавателей зависит качество образования.

– Значит, так, – Марат глухо стукнул стаканом о стол, – вместе с бухгалтером разработаешь систему премирования. Оклад минимальный, остальное – премия по результатам работы. А там всегда можно найти, к чему прицепиться, верно? – подмигнул он. – И учебников больше не закупай. Сейчас все в электронном виде уже давно, а кому не нравится – пусть идут в читальный зал. В столовой подкорректируй меню, надо на 20 процентов снизить расходы. Еще посмотри, какие курсы у студентов можно ввести за дополнительную плату.

Пока он говорил, Тарин медленно вскипала.

– Боюсь, таким образом, мы только сократим количество обучающихся.

– Твоя задача – делать то, что я сказал. Подумай лучше о том, что ты должна была мне сама предложить: позвонить и предложить шаги, которые позволят нам сократить расходы! У тебя есть кому заниматься качеством, тут полно дар-

моедов ошивается! Твоя задача – вытащить колледж из ямы и отбить мои деньги, ясно? Оплата за следующий семестр должна быть в середине декабря, тогда и посмотрим, как ты работаешь!

Возражать что-либо такому человеку было бесполезно, Тарин это осознавала. Она терпеливо его дослушала. Ей даже хватило такта вежливо попрощаться. Оказавшись одна, она дотянулась до бокала и разом его осушила. Взглянула на стену, на которой висел портрет ее отца. Из коридора донеслась веселая музыка. Нужно было снова приступать к своим обязанностям.

Вечером в домик заглянула Регина. За прошедший суматошный день они успели перекинуться едва ли парой слов. Она поздравила крестницу с первым учебным днем, расспросила о впечатлениях девочки и немного с ней поиграла. Тарин в это время разбирала на кухне бумаги, которые принесла с собой. За окном опускались ежевичные сумерки.

– Заснула наша принцесса, – Регина появилась в дверном проеме.

– Отлично. Я боялась, она не на шутку разыгралась. Будешь яблочный пирог? Агата мне опять столько принесла – на целый полк хватит!

– С удовольствием, – Регина достала с полки глиняную кружку и поставила пузатый чайник на плиту. – Что делаешь?

– Выполняю поручения Марата. Чувствую, мне не одна

ночь на это понадобится.

Тарин запустила руку в свои каштановые волосы.

– Он сказал, что праздник был подготовлен неплохо. Думаю, это означает, что мы сегодня справились.

– Еще бы! – отозвалась подруга, присаживаясь рядом. – Не переживай, все прошло хорошо. Корабль от берега отчалил, главное теперь – держать верный курс!

– И следить, чтобы не дали течь те жуткие пробоины, которые у нас есть в трюмах, – вторила ей Тарин. – Еще паруса не помешало бы заштопать...

– Знаешь, лучше давай о чем-нибудь другом поговорим. Тебе надо отвлечься, – Регина бросила взгляд на доску для заметок, висевшую над ней. – Вестей все еще никаких?

– Никаких.

Тарин отложила в сторону бумаги. В наступившей тишине послышался мерный ход секундной стрелки.

– Наверное, это глупо, но я так ясно представляю, что однажды откроется дверь, он войдет, и окажется, что все это время он выполнял какое-нибудь задание, опять работал под прикрытием, и все будет как раньше: он, я и Анна.... Понимаешь, я не чувствую, совсем ничего не чувствую, когда мне говорят, что его больше нет! Не может быть, чтобы это был самообман! – она взглянула своими синими глазами в наступающую ночь. – Сейчас скажешь, что я просто боюсь остаться одна, – Тарин опустила голову на руки.

Регина покачала головой.

– Ты, конечно, можешь на меня обидеться, но ты и так постоянно была одна. Анна видела своего отца раза три-четыре в год, не больше. Конечно, такова была его работа, но это не правильно. Сколько раз он обещал перевестись в другой отдел? Мне кажется, ты просто привыкла его ждать и уже не можешь по-другому.

Чайник с сердитым свистом нарушил молчание.

– Да, это так. Но я знала, на что шла, когда выходила замуж. Для него работа всегда была на первом месте. Поэтому я просто продолжу ждать и время от времени поглядывать на входную дверь.

– Если тебе легче жить с этой мыслью, то кто я такая, чтобы тебя осуждать? Давай лучше я расскажу тебе про своих мальчишек. Я говорила, что мой старший устроился в прокуратуру, а теперь средний захотел стать военным и собирается подавать документы в училище? Кто бы мог подумать, верно? Такой шумоголовый ведь...

Тарин слушала вполуха. Тепло и ароматы кухни, наконец, сделали свое дело: она поняла, как вымоталась за день. А ведь все только начиналось.

III

Сентябрь в колледже начинался нервно. Как всегда хлопоты доставляли первокурсники, которые то толпой пытались уйти с занятий, то обнаруживались в самых разных местах с сигаретами в руках, то разбредались в ночное время по тер-

ритории колледжа, где их вылавливали дежурящие педагоги.

Много времени Тарин проводила с главным бухгалтером, сражаясь в словесных баталиях, не приносящих, однако, никакой осязаемой пользы. Также ректор присутствовала на нескольких занятиях у новых преподавателей. Нина, протеже учредителя, была откровенно слабым педагогом. Регина уже обращала внимание Тарин на то, что девушка готовится к занятиям через раз, часто опаздывает, а ее наряды чересчур откровенны для учебного заведения. Судя по тому, сколько времени девушка проводила в кафе, документация по литературе нуждалась в срочной проверке. Но как только Вениамин услышал, что Тарин собирается объявить преподавателю дисциплинарное взыскание, он пришел в ужас. Его слабые аргументы, что студентам нравится посещать занятия Нины, не убедили руководство.

– Конечно, им нравятся ее пары, им же ничего на них не нужно делать! Она даст им задание, уткнется в свой телефон и все на этом! – кипятилась Регина. – Для того, чтобы быть хорошим преподавателем, нужно много чего помимо дорогой одежды и духов. А когда подходит ее очередь дежурить, у нее постоянно случается что-то непредвиденное! Создается впечатление, что у она мнит себя исключением из правил. Полное ощущение безнаказанности! Это недопустимо!

Тарин, выслушав обе стороны, наконец, вынесла решение: – Я полностью поддерживаю Регину. Качество знаний наших будущих выпускников напрямую влияет на престиж

колледжа. Объявляем пока замечание, там посмотрим.

Портфельчик оттянул пальцем ворот рубашки, врезающийся в шею:

– Я бы на вашем месте не стал накалять ситуацию.

– Вы не на моем месте, Вениамин, – отрезала она. – Поэтому прошу после обеда принести мне проект приказа на подпись.

Но еще раньше, чем проект оказался у нее на столе, Тарин позвонил сам Марат. Он поинтересовался ситуацией и настоятельно рекомендовал не трогать Нину. Оказывается, он выбрал нового педагога в качестве лица колледжа на рекламных буклетах и баннерах по городу. Как Тарин себе представляет: наказывать преподавателя, который так помогает продвижению колледжа! Возникла дилемма: испортить отношение с учредителем или выбрать более простую дорогу. Пришлось уступить, но с условием, что Нина возьмется за ум. Тарин ни минуты не сомневалась в том, что это Портфельчик отрапортовал начальству о сложившейся ситуации.

После пришлось присутствовать на совете профилактики, куда вызвали подравшихся между собой студентов. Тарин в очередной раз получила подтверждение, что не зря доверила Ирме руководить воспитательной работой: все прошло четко и грамотно. Ее подчиненная знала, какие дергать ниточки, чтобы студенты осознали важность и недопустимость такого проступка.

Наконец, появилась возможность немного перевести дух.

Столовая, оформленная в стиле деревенского трактира, всегда поднимала Тарин настроение. Деревянная мебель, пузатые банки, связки чеснока и перцев подавляли ощущение казенного помещения. За обедом стол, за которым она сидела, закономерно обходили стороной: начальник существо одинокое. Ароматный грибной суп был очень кстати: по улице мрачно гуляла сырость.

– Неужели у тебя есть даже время пообедать? Тогда ты не так хорошо работаешь, как я ожидала!

Кира запросто уселась напротив. Она, в своей обычной колюче-игривой манере, низким голосом поприветствовала Тарин.

– Хотите верьте, хотите нет, я и сейчас работаю. Прокручиваю в голове завтрашнюю лекцию. Времени составить конспект у меня все равно нет – хоть пару часов вечером надо уделить дочке.

– Хорошая у тебя девочка, – сразу смягчилась Кира. – Напоминает мне мою дочь. Если нужно, я могу с ней посидеть как-нибудь вечером.

– С удовольствием приму ваше предложение.

– А вообще как ты? Не жалеешь еще, что ввязалась во все это?

– Шутите? – Тарин отломила кусок от пышки. – Каждый божий день! Если бы не приходилось еще работать с..., – проводила она взглядом появившегося в столовой Вениамина.

– Тебя всегда будут окружать те, с кем трудно поладить, но кто приносит пользу общему делу. Это нормально. Работа руководителя состоит в умении использовать сильные стороны подчиненных, нейтрализуя их слабости. Когда ты научишься этому, все остальное будет легко.

– Лучше скажите, как мне научиться не реагировать на то, что он докладывает о моих действиях Марату при каждом удобном случае?

– Что-то я сомневаюсь, – нахмурилась Кира, помешивая кофе. – Посмотри на него, он при одном имени Марата дрожит, как осиновый лист. Не рискнет он ему звонить первым. Да и Марат не дурак, прекрасно знает, чьим словам можно верить, а чьим нет.

– Вы-то откуда знаете?

– Чужая душа, конечно, потемки, но хочется верить, что о своем двоюродном брате я знаю больше остальных, – лукаво прищурилась Кира. – А ты думала, он по доброте души своей взял и вложился в убыточный колледж? Как же!

Тарин отложила ложку в сторону. Вот оно что. Тогда задавать вопрос, как она оказалась ректором, теперь бессмысленно. Эту кашу заварила Кира.

Она так задумалась, что услышала лишь окончание фразы:

– ... в общем, подумай, кто еще тебя здесь недолюбливает, потому что Портфельчик на роль злого гения явно не тянет.

Мимо с подносом прошелестела помощница Вениамина,

тихим голосом поздоровалась с ними, и Тарин заметила, что та опять чем-то расстроена.

– Что ты хотела, поработала бы с таким руководителем, еще не так бы расстраивалась, – подтвердила ее опасения Кира. – Портфельчик ей шагу без разрешения ступить не дает, ей даже выйти нельзя из кабинета без того, чтобы отчитаться, куда и зачем.

– Но если он ее тиранит, почему она терпит?

– Если она его еще до сих пор не послала, значит, ее все устраивает, – философски заметила Кира. – Я смотрю, ты взяла отбивную: она как, не суховата?

Пришлось сменить тему разговора. Тем не менее, Тарин решила не пускать ситуацию на самотек и через пару дней заглянула в кабинет к Вениамину, пока его не было. Его помощница сидела в углу, погрузившись в бумаги, составляя расписание на следующую неделю. На ней как всегда было надето что-то серо-зеленое, еще больше затрудняя попытки определить ее возраст. На подоконнике рядом с рабочим столом были аккуратно расставлены фигурки, очевидно, сувениры из разных стран. Увидев, что к ней зашла ректор, женщина смутилась. Понадобилось некоторое время, чтобы ее разговорить. Эмма (так, оказалось, ее звали), преподавала на первом курсе географию, и давно мечтала объехать весь мир, но пока ограничилась коллекционированием того, что ей дарили вернувшиеся откуда-либо знакомые. Тарин пообещала пополнить ее коллекцию из собственных запасов. В это вре-

мя появился Вениамин, и Эмма тут же съежилась, пробормотала извинения и выбежала следом за ним. Тарин печально вздохнула и направилась в аудиторию, где ее уже ждали студенты.

Должность ректора давала свои привилегии: на ее лекциях все сидели тихо, как мышата в присутствии кота. Однако Тарин нравилось организовывать дискуссии, слышать, как скрипят шестеренки в головах учащихся, осмысливающих новые понятия. Дав себе зарок растормошить студентов на практических занятиях, после звонка она поднялась наверх. На столе, помимо ожидавших ее резолюции писем и приказов, она увидела увесистую стопку листов. При ближайшем рассмотрении оказалось, что из министерства пришел отчет. Срок сдачи – ближайшие два дня. Но заинтересовало ее другое. Судя по сопроводительной записке, отчет был передан в колледж не менее недели назад!

Тарин вышла в приемную и обратилась к своему секретарю.

– Понятия не имею. Я выходила на обед, а когда пришла, у меня на столе уже лежал отчет, – виновато покачалась девушка. – Я сразу же отнесла его вам.

– То есть, ты вообще его до этого не видела?

– Нет, честное слово!

Выяснять дальше было бесполезно, оставалось слишком мало времени. Необходимо было собрать всех ответственных и распределить формы для заполнения.

– Если вам необходимо время, чтобы его заполнить, даю намек: у вас целая ночь впереди! – проинструктировала она собравшихся.

– Похоже, ты всерьез разозлилась, – Регина осталась в кабинете, когда все ушли.

– Еще бы! Это же диверсия какая-то! Кому-то в голову пришло сорвать сроки сдачи отчета, чтобы мы плохо выглядели в министерстве! Ты же сама знаешь, как они это не любят, с начала учебного года я через день езжу туда на всевозможные совещания. Они уже всю плешь мне проели своими отчетами!

– Ладно, успокойся. На самом деле, этот отчет ежегодный, все в курсе, как его делать. А то, что тебе про него не сказали, значит, просто забыли. Мы все успеем, – утешала ее подруга.

– Мне еще нужно позвонить Агате, попросить, чтобы она вечером посидела с дочкой. Похоже, домой я попаду только завтра... Чтобы вникнуть, как его делать, полночи пройдет!

– Зачем тебе? – недоумевала Регина. – Ты раздала формы, каждый заполнит свою часть, и все.

– Нет уж, – Тарин сузила засверкавшие глаза. – Если мне дали отчет с опозданием, то где гарантия, что и цифры дадут верные? Я обязательно все перепроверю. Вообще, я начинаю думать, что ты была права: в колледже точно есть кто-то, кто хочет, чтобы вся затея провалилась. Кому-то здесь очень нужно, чтобы нас закрыли. Только этот человек просчитался: чем больше он будет ставить мне палки в колеса,

тем сильнее я вцеплюсь в это кресло!

Регина натянуто улыбнулась:

– Вот такой ты мне нравишься больше всего! Думаю, мы вместе горы свернем! Ладно, я побежала, мне ведь тоже теперь отчет делать, – потрясла она бумагами в руке.

– Хочешь, оставайся, заодно поможешь мне разобраться, – предложила Тарин.

– Нет, прости. Мне нужны мои данные, а они внизу. Да и неуютно мне в кабинете ректора, – притворно округлила она глаза. – До завтра!

Здание постепенно пустело. Тарин попросила секретаря принести что-нибудь из столовой перед уходом и расположилась на диване, скинув туфли на пол. Из проигрывателя струились джазовые ноты, разлетались по всему кабинету и таяли в раскрытом окне.

Дверь отворилась, и Тарин увидела своего заместителя по хозяйственной части. Сначала в кабине возник кругленький живот Артура, а потом уже старичок появился перед ней целиком.

– Так и знал. Ты прям вся в своего отца. Его тоже можно было найти здесь по вечерам.

От чашки кофе он отказываться не стал.

– Я что хотел-то... я тут поболтал с ребятами, которые нам камеры видеонаблюдения в коридорах устанавливали. Обещали нам хорошую скидку, если надумаем установить в аудиториях тоже. Сейчас без этого никуда. Знаю, денег мало,

но сама понимаешь...

Тарин подавила вздох и пообещала подумать. Его служебную записку она положила поверх стопки остальных на рабочем столе, задумчиво проведя рукой по грубому зеленому сукну. Они посидели еще немного, вспоминая старые времена, а после ей пришлось вернуться к работе.

На следующий день в расписании у ректора были закреплены часы приема посетителей. Вереница родителей с просьбами о рассрочке платежа и жалобами на несправедливые оценки уже утомила Тарин, когда к ней зашел новый преподаватель физики. Он начал скованно и немного пространно говорить о своем проекте по увеличению прибыльности колледжа. Момент, надо сказать, он выбрал неподходящий: в висок начала стучать тупая боль. Тарин пришлось прервать его монолог.

– Это не работает.

– Почему? Нельзя так думать, пока не попробуем. Я предлагаю начать с малого: давайте откроем на базе колледжа обучающие курсы. Получим лицензию. Можно по воскресеньям проводить обучающие семинары, выдавать сертификаты...

– Кто захочет ехать за город, тем более в свой выходной, чтобы послушать лектора?

– Вы зря так думаете. Множество работающих людей хотят идти в ногу со временем, повышать свою квалификацию. Подумайте еще о том, что мы дадим возможность нашим

преподавателям подзаработать! – физик попытался заразить своим азартом ректора.

– Во-первых, меня смущает, что посторонние будут ходить по территории колледжа. Во-вторых, преподаватели тоже люди, и тоже хотят отдохнуть.

– Я могу провести опрос и узнать, у кого есть желание подработать. Насчет безопасности поговорю с Артуром, – не сдавался он.

– Вот видите, ваше предложение еще очень сырое. А вы продумали, кто займется написанием рабочих программ, рекламой, заключением договоров со слушателями? У нас и так нехватка рабочих рук.

Тимур, наконец, сел в кресло.

– Нет, так не пойдет. Вы встречаете в штыки каждое мое предложение. В прошлый раз я предлагал проводить раз в семестр открытую лекцию с участием какой-нибудь знаменитости в научных кругах. Вы ответили, что у нас не хватит на это средств. Сегодня я пришел с отличной идеей, где достать денег для колледжа, но вы не хотите ее поддержать.

Тарин подняла голову от бумаг, лежащих перед ней на столе.

– Не обижайтесь, но я не уверена, отличная ли это идея. Очень многое нужно продумать. Самое главное: не съедят ли всю прибыль затраты на ее воплощение.

– Если вы дадите согласие, я обращусь к бухгалтеру за расчетами.

– Посмотрим. Пока можете идти, – она снова сосредоточенно погрузилась в документы.

Преподаватель молча встал и направился к выходу. Он даже взялся за ручку двери, но не смог себя сдержать и бросил через плечо:

– Не думал, что вам свойственна косность.

– Что??

Тимур повернулся и взглянул прямо на начальство:

– Я не знал, что вы так консервативны. Противятся нововведениям обычно люди... более старшего возраста, чем вы.

– Вы понимаете, с кем говорите? – к лицу Тарин прилила краска.

– Да. Вы – тот человек, который стоит у руля, от которого многое зависит. Но, похоже, вы заняты только отчетами. Если есть шанс, что моя идея принесет пользу колледжу, разве не стоит ее рассмотреть, пусть вы с ней и не согласны?

Тимур произнес эти слова спокойным тоном, в котором, однако, слышалась досада. Он слегка кивнул головой и закрыл за собой дверь.

Обдумать произошедшее не получилось: сразу после ухода преподавателя секретарь сообщила, что ей нужно подойти в отдел воспитательной работы.

Кабинет Ирмы отличался от других, чопорных, холодных, заваленных бумагами кабинетов ее коллег. Здесь вперемешку лежали плакаты, кубки, цыганские костюмы к конкурсу, поделки на разнообразную тематику, майки и флажки с сим-

воликой колледжа, микрофоны и маркеры, барабан и бутфорское оружие, корона и шапка-ушанка. В углу на картонный камин опиралось коромысло. Когда Тарин вошла туда, в небольшом помещении уже было тесно: несколько студентов пытались выяснить отношения. Увидев ректора, они присмирели. Оказалось, они втроем совершили кражу из лаборатории. Их родителей оповестили, они были на пути в колледж. Предстояло долгое разбирательство, но, учитывая, что в коридорах работали камеры видеонаблюдения, отпираться было бессмысленно. Ребята зря пытались напустить на себя равнодушный вид.

Тарин снова отметила профессиональные качества Ирмы. Она достаточно корректно побеседовала с родителями. Дело уладили с минимальными потерями: зачинщик написал заявление на отчисление по собственному желанию, остальным вынесли предупреждение, заставив признаться в содеянном письменно, на случай будущих подвигов.

– Жалко родителей, – подвела итог Тарин – Они столько сил вкладывают в детей, а потом – нож в спину.

– Родители тоже разные бывают, – пожала плечами Ирма. – У меня был случай, когда девочка на перемене украла из рюкзака лучшей подружки стипендию. Отпиралась до последнего, пока тоже видеозаписи не показали. Мы звонили родителям, а они вообще не приехали, заявили, что она уже взрослая и пусть сама разбирается.

– Тогда неудивительно: при таких родителях и дети соот-

ветствующе себя ведут.

– Вот почему работа куратора так важна: знать, чем их студенты живут, у кого какие проблемы, что у них на душе, – заметила Ирма. – Я давно хотела с вами поговорить. Я считаю, что кураторам нужно платить больше, потому что они работают и днем и ночью, постоянно общаются не только с детьми, но и с их родителями. Это тяжелый труд, не каждый хочет им заниматься, и педагогов нужно мотивировать!

– Я согласна, но ничего не могу обещать, – покачала Тарин головой. – К сожалению, в этом году доплат точно не предвидится. Но мы что-нибудь придумаем.

Ветер на улице словно поторапливал Тарин домой. На желтых аллеях листья вальсировали под его отчаянный по-свист. И снова Анна уже спала, прижимая к себе котенка. Агата ждала на кухне.

– Хорошо еще, что в первом классе домашнюю работу не задают. Я просто не знаю, что бы я тогда делала, – Тарин взяла большую чашку с чаем, грея об нее руки.

– Ничего, вот пройдешь свою проверку, и станет полегче, – утешала ее старушка. – Вначале всегда трудно. А ты еще и преподаешь, где уж тебе все успеть.

Тарин надела теплую вязаную кофту и вышла на крыльцо, проводить Агату. Мимо прошла пара дежуривших в тот день преподавателей. Девушка неспешно шла, смеясь, словно на прогулке. Когда они поравнялись с крыльцом, Тарин разглядела Нину. Что ж, хотя бы перестала отлынивать от

дежурств.

В голове роились мысли: нужно успеть с утра подготовиться к лекции, затем опять сражаться бухгалтером за каждую цифру, а после ее ждут в министерстве. В последнее время Портфельчик часто вызывается туда поехать, и ей это не нравится. Регина просила утвердить изменения в рабочих программах, за это тоже нужно взяться, а Артур был прав насчет видеокамер... Видимо, придется потихоньку переезжать в кабинет.

Она только сейчас заметила, что машинально прокручивала обручальное кольцо на пальце во время этих невеселых размышлений. В последнее время она совсем забросила попытки что-нибудь разузнать. Ничего, нужно только немного разгрести этот бардак, и она снова возьмется за дело.

IV

Тарин стояла у окна в своем большом кабинете и смотрела во двор. Она любила гулять в это время года, ей инстинктивно хотелось на улицу: дышать мягким влажным воздухом, любоваться лисим цветом листьев под ногами, чувствовать, как тяжелеют ботинки от налипшей на них медной земли. Анна, смешная в своих резиновых сапогах, на прогулках всегда так беззаботно прыгала по лужам, что редкий прохожий не улыбался, видя эту картину.

Теперь от всей осени ей достался лишь небольшой кусочек: посередине стола для совещаний в вазе темно-синего

стекла стоял букет огненных бархатцев. Тарин чувствовала, что не она управляет колледжем, а колледж ею. Он забирает все время, мысли и желания, приковывает к этому кабинету, словно узницу. В последнее время она стала понимать отца, то, как ему было трудно совмещать работу и семью. Когда она вспоминала, какие слова бросала ему, обвиняя в пренебрежении к родным, ей становилось стыдно. Не менее совестно было перед дочерью, перед тем, как мало она ей уделяла внимания в последнее время.

Невеселые мысли прервал скрип открывающейся двери. В проеме возникли двое мужчин в погонах. Старший из них, с проседью в волосах, заговорил первым:

– Здравствуйте. Однако, далеко вы забрались. Пришлось потрудиться, чтобы вас найти.

У нее потемнело в глазах. Кровь прилила к голове, стало стучать в ушах. Впрочем, как и каждый раз, когда она видела эту форму: Тарин ждала, что ей пришли сообщить то, что она боялась услышать уже несколько лет.

– Примите наши поздравления с такой высокой ответственностью, – мужчина подошел и протянул руку.

– Зачем вы пришли? – ей удалось, наконец, справиться с волнением.

– Пара пустяков, – он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. – Вы, конечно, в курсе, что по решению суда ваш муж признан погибшим при исполнении. К сожалению, копия постановления пришла по вашему старому ад-

ресу. Мы посчитали уместным передать ее вам лично в руки. Нужно только подписать, вот здесь, – он щелкнул автоматической ручкой и протянул ее Тарин.

– Зря вы приехали, я ничего не подпишу.

Посетитель шумно вздохнул:

– Послушайте, я всего лишь исполняю приказ. Если откровенно, я восхищаюсь вашим упорством. Хотел бы я, чтобы моя жена ждала меня так, как вы ждете своего мужа. Но вам необходимо смириться с его смертью. Прошло четыре года. Есть свидетельские показания, и суду были представлены веские доказательства.

– Я. Ничего. Не подпишу.

Голос Тарин был сух и тверд. Собеседник пожал плечами:

– Это ваше право. По инструкции мы должны будем составить акт об отказе в ознакомлении. Разрешите напомнить: личные вещи вашего мужа по-прежнему у нас, если захотите их забрать. Пенсия по потере кормильца ежемесячно перечисляется на отдельный счет на ваше имя. Вы в любой момент можете воспользоваться этими деньгами. От имени всего отдела хочу пожелать вам всяческих успехов и... смирения перед судьбой. Чем скорее вы примете действительность, тем быстрее начнете двигаться дальше.

Тарин с каменным лицом подождала, пока они покинут ее кабинет.

– Смирение, значит...

Она резко подняла вазу с цветами и швырнула ее в сторо-

ну двери. Треск и звон осколков, осыпавшихся со стены, дал ей возможность выпустить чувства наружу.

– Что ж, пожалуй, найду в другой раз.

Тарин вздрогнула: оказывается, в тот же момент к ней хотел войти преподаватель физики. Ваза пролетела в паре сантиметров от его головы, а несколько осколков и брызги воды попали на левое плечо.

– Простите, пожалуйста, – она кинулась к преподавателю. – Это вышло случайно!

– Вынужден поверить, иначе я сейчас бы уже не разговаривал, – усмехнулся он. – Так вот почему вы вызвали меня к себе? На будущее: не обязательно меня убивать, достаточно просто уволить.

– Не паясничайте, – Тарин помогла с очисткой пиджака и указала на стул. – Вы ведь понимаете, что ваза предназначалась не вам.

– Конечно. Но то, что она предназначалась сотрудникам полиции, еще более фантастичная версия.

– Придется поверить.

– У колледжа проблемы? – Тимур сразу стал серьезным.

– Да, но не с полицией. Они приходили по личному вопросу, – Тарин подошла к оставленной на столе бумаге и смяла ее в кулаке.

На минуту в кабинете стало тихо. Каждый задумался о своем.

– Можете не отвечать, если я лезу не в свое дело: они при-

ходили по поводу вашего мужа?

Тарин обернулась и посмотрела преподавателю в глаза. Она изучала его лицо несколько секунд, но не увидела ни праздного любопытства, ни притворного сочувствия.

– Кто еще в колледже знает об этом?

– Многие. Не удивляйтесь, вопреки прогрессу люди читают газеты. Конечно, я, как любой разумный человек, понимаю, что доля правды там небольшая. Так что, есть какие-то новости? Нашли что-нибудь?

Вместо ответа Тарин помотала головой.

– Они уже давно ничего и никого не ищут, – она опустилась в кресло и потерла лоб рукой. – Да, видно, и здесь мне покоя теперь не будет.

– У вас никогда не будет покоя и без этой статьи, вы же ректор. Смиритесь.

Тарин усмехнулась:

– Вот. Поэтому я вас и пригласила.

– Потому что я не стесняюсь хамить?

Он открыто взглянул на Тарин, которая уже давно догадалась, за что преподавателя невзлюбило бывшее руководство.

– Потому что вы не стесняетесь говорить правду. Последний наш разговор пробудил во мне невеселые воспоминания. Я действительно, сама того не замечая, начинаю превращаться в бюрократа, который противится всяким новшествам. Трудно принять такой факт, но я становлюсь тем, кем никогда не хотела быть. Я подумала над вашим предложе-

нием и решила дать вам шанс: через две недели я жду бизнес-план. Если вы меня убедите, что мы не вылетим в трубу, я дам зеленый свет на развитие вашей идеи. Что скажете?

– Через неделю. Все расчеты будут у вас на столе уже через неделю.

Тарин понравилось, что его глаза азартно загорелись. Внешне Тимур был ничем не примечателен: среднего роста, прямые черты лица, в темно-русые волосы кое-где вкралась седина. В ее присутствии он всегда держался настороженно. Сейчас же он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно сокол, которого вот-вот пустят по следу зайца.

– Но я не хочу превращать колледж в рынок, вы понимаете, о чем я?

– Более чем. Вы можете быть уверены: наши цели совпадают. Я хочу поставить колледж на ноги также сильно, как и вы.

Тарин прищурила глаза:

– Допустим. Но мои мотивы мне известны. Каковы ваши?

– Сам не знаю, – честно признался он. – Наверное, не люблю делать что-либо наполовину. Раз уж пришел сюда, значит, должен впрягаться и помогать общему делу. Всем ведь нужно чувствовать себя нужными. Чем эта цель хуже любой другой?

– Ничем, – признала Тарин. – Что ж, время покажет. Можете идти. Только скажите... – неожиданно запнулась она, – со стороны все это выглядит так же жалко, как я думаю?

Тимур сразу понял, о чем его спросили.

– За всех отвечать я не в праве. Могу сказать о себе. Когда я узнал, кто руководит колледжем, я уже слышал о вашей истории. Мое решение сюда устроиться лишь укрепилось. Потому что еще до того, как я стал уважать вас, как ректора, я стал уважать вас, как человека, – Тимур взглянул на пол, пряча смущение. – Пойду, позову уборщицу что ли. Нужно скрыть следы преступления, – зловеще произнес он.

Позже Тарин решила посетить лекцию у этого преподавателя. Занятие Тимур вел интересно: даже она, которая мало что понимала в физике, оценила подачу материала. К Портфельчику, будь ее воля, она бы никогда не заглянула, но план было необходимо выполнить. Голос ее заместителя буквально просверливал череп, а монолог звучал так же высокопарно и витиевато, как она и предполагала. По рядам студентов то и дело прохаживалась зевота, которую они пытались подавить. Тарин, сама микробиолог, давно не видела, чтобы так плоско преподавали химию. Журналы занятий у Вениамина были заполнены бисерным почерком, без единой пометки, сопроводительная документация велась идеально. Но документы – далеко не вся часть работы педагога. Когда она попыталась донести свою мысль, Портфельчик вскипел и патетично стал отстаивать свою позицию пронзительным голосом. Тарин начала опасаться, что они никогда не смогут общаться спокойно.

Вечером ректор снова засела за бумаги в кабинете. Необ-

ходимо было разработать систему оплаты труда, а главный бухгалтер помогать в этом не стремилась. У Тарин голова начинала болеть лишь при одной мысли о цифрах. К тому же, из министерства пришел новый отчет, который необходимо было отправить завтра до обеда. Раздался робкий стук.

– Можно? – тихо спросила Эмма. Она, переминаясь с ноги на ногу, стояла у входа.

– Конечно. Что вы хотели?

– Я тут вот... принесла..., – она несмело протянула документы. – Я знаю, вы готовите отчет.... Только... форма изменилась с прошлого года.... Мне кажется, вы об этом не знаете....

Тарин взяла из ее рук бумаги и внимательно стала сверять. Боковым зрением она заметила, что женщина порывалась уйти, но жест ректора заставил ее остаться.

– Действительно, формы немного отличаются. Большое спасибо. Если бы мы отправили это завтра, нас бы заставили переделывать.

Она взглянула на посетительницу. Женщина стояла, растерянно озираясь на дверь.

– Присядьте. Скажите, это ведь вы оставили прошлый отчет на столе у моего секретаря?

Ответом было молчание. Тарин встала и пересела в кресло рядом с ней.

– Обещаю, что никому ничего не скажу, – заглянула она в карие глаза. – Это были вы?

Эмма неуверенно кивнула.

– Я так и думала. Так что же, тот отчет был все это время у Вениамина, но он намеренно не передал его мне?

– Нет, что вы! – вдруг с жаром ответила женщина. – Он очень трепетно и с уважением относится к поручениям министерства!

– Тогда как отчет оказался у вас?

– Я... я просто увидела его... на одном столе, когда проходила мимо... я просто подумала..., – она снова замялась и побледнела.

– Хорошо, я не буду на вас давить. С меня довольно уже того, что вы набрались смелости и пришли сегодня сюда. Вы неравнодушный человек, Эмма, я очень ценю это в людях. Спасибо, – Тарин протянула руку.

Сгорбленные плечи женщины слегка расправились. Она смущенно улыбнулась, ответила на рукопожатие и бесшумно вышла из кабинета.

V

Звук барабаниющих по столу пальцев сливался со стуком падающих капель за окнами. Дождь начался ночью и к обеду еще больше разошелся. Казалось, он жаловался облетевшей листве на что-то очень личное. Тимур созерцал это безобразие, подперев голову левой рукой, правая же отбивала лишь одному ему известный ритм.

– Нет, он не дает денег, – положила Тарин трубку. – Марат

допускает возможность хорошей прибыли, но не хочет рисковать и вкладывать в колледж больше, чем уже потратил.

– Черт! – Тимур стукнул кулаком по столу, но тут же опомнился. – Простите. Я так много сил вложил в это предложение...

– Знаю. Я заинтересована не меньше вас. Но ничего не могу поделать, – она покачала головой. – Хорошо, договорим позже. У меня скоро лекция.

Тарин провела рукой по лбу и попыталась встать, но резкое головокружение пригнуло ее обратно к креслу.

– Вам нехорошо? – забеспокоился преподаватель.

– Все в порядке. Наверное, давление. Сегодня целый день погода сходит с ума.

Тимур взглянул на ее красные щеки:

– Вы случайно не заболели? Мне кажется, у вас температура.

– Сомневаюсь. Правда, пока шла утром, немного промокла, но чтобы так быстро простудиться...

– Так, я сейчас позвоню медику, пусть измерит вам температуру. А секретарь сделает чай.

– Глупости, – отмахнулась от него Тарин. – У меня сейчас пара.

– Конечно, это очень веский повод для микробов, чтобы испугаться и сбежать, но давайте мы попробуем по-моему, – он помог ей перебраться на диван и подошел к телефону.

Проснувшись, Тарин поняла, что прошло несколько ча-

сов. Шторы на окнах были приспущены, а ее ноги накрыты пледом. На столе лежали порошки с жаропонижающим и градусник. Когда она дозвонилась Эмме, то оказалось, что женщина успела передвинуть расписание: Тимур предупредил и ее. За окном начинало темнеть. Сделав еще звонок, Тарин убедилась, что с дочерью все в порядке. Агата забрала ее к себе, чтобы девочка не подхватила простуду.

– Секретарь сказала, что вы уже проснулись, – услышала она знакомый нудный голос. – У вас была назначена на сегодня самостоятельная работа. Я ее провел и уже все проверил, можете себя не утруждать.

Тарин вопросительно подняла бровь. От Портфельчика она ожидала чего угодно, только не готовности провести занятие вместо заболевшего преподавателя. Наверное, он выслуживался ради какой-то неизвестной цели.

– Из министерства пришло уведомление о завтрашнем совещании. Я могу съездить вместо вас, если существует такая необходимость.

Вот оно что.

– Нет, благодарю. Мне уже лучше. Спасибо, – выдавила из себя она.

Пару минут спустя в дверь снова постучали. На этот раз Тарин увидела дружеское лицо.

– Я услышала, что ты заболела, – Регина сочувственно покосилась на порошки. – Тебе чем-нибудь помочь?

– Не беспокойся, все в порядке. Хотя, знаешь, завтра бу-

дет совещание в министерстве. Ты можешь поехать туда? Мне, наверное, не стоит заражать окружающих.

– Конечно, о чем речь! – улыбнулась она. – Поправляйся: Ирма собирается устраивать спартакиаду, а тебе, как ректору, надо двигать всякие умные речи и награждать победителей!

– Похоже, у меня нет выхода, – согласилась Тарин.

– Тебя проводить домой?

– Пожалуй. Я сегодня еле на ногах стою.

Пару дней Тарин довольно сильно температурила. В колледж приходила она не рисковала. Срочные документы ей приносили на дом. Портфельчик продолжил замещать ее занятия. Агата через мужа передавала бульон и теплые ватрушки, чтобы больная поддерживала силы. Наконец, Тарин появилась в кабинете под радушные улыбки окружающих. Первая же запланированная встреча ее слегка озадачила. Нина сидела в кресле напротив, не похожая сама на себя. Она по-прежнему была одета модно, но небрежно, а прическа и макияж оставляли желать лучшего.

– Я хочу попросить у вас дополнительную нагрузку. Я подходила с этим вопросом к Вениамину, – она презрительно скривила губы, выражая свое отношение к заместителю ректора. – Но он сказал, что все изменения вносятся только с вашего разрешения.

– Что конкретно вы хотите?

– Кураторство, например. Ирма не хочет мне давать, го-

ворит, я не справлюсь с ответственностью. Много она понимает! Я могу заняться воспитательной работой, я это умею! – капризно заявила она.

– Давайте оставим личные оценки при себе, – миролюбиво предложила Тарин. – Вы можете озвучить причины вашей просьбы? Возможно, тогда мы сможем найти компромисс.

– Причина такова: мне нужны деньги. В последнее время я, как бы это сказать... лишилась дополнительного источника дохода. А на эту мизерную зарплату выжить просто невозможно!

– Хорошо, я вам обещаю, что подумаю и обязательно встречу с вами позже.

Когда Тарин позвонила по этому поводу своему заместителю, Портфельчик, к ее удивлению, весьма жестко высказался о профессиональных качествах Нины:

– Если честно, жалею, что тогда не послушал вас и не вынес ей взыскание. Кукла, а не преподаватель!

Прояснить ситуацию помогла Регина. Оказалось, Нина лишилась покровительства учредителя. По какой причине она была свергнута с пьедестала, неясно, но во время болезни Тарин он приезжал в колледж с новой пассией. Вениамин же, как преданный солдат своего короля, отвернулся от девушки с легкостью весеннего ветра. Теперь Нина сама была вынуждена заполнять документацию по читаемым дисциплинам и, действительно, жить на одну зарплату.

– Думаю, надо дать ей шанс, – заключила из услышанно-

го Тарин. – Когда такой девушке приходится надеяться только на себя, у нее два выхода: найти нового покровителя или стать сильнее. Посмотрим до конца учебного года.

На следующий день Нина снова заглянула к ней в кабинет.

– Я хотела поблагодарить вас, что разрешили мне взять кураторство.

– Не стоит. Вы же нас не подведете?

– Постараюсь, – ответила девушка.

– Постараюсь – слово для неудачников, Нина. Всегда говорите: «я сделаю».

– Я сделаю, – улыбнулась преподавательница. – Да, я тут хотела сказать...

– Что?

– Я слышала, что Марат хочет вложить деньги и открыть обучающий центр, только не на базе нашего колледжа, а отдельно, в городе. Ему очень понравилась ваша идея. Он пока не знает, как к этому подступиться, потому что ничего не понимает в образовании, но ищет нужных людей. Если вы поторопитесь, то можете его опередить. Конечно, если у вас есть деньги.

– Спасибо, – ошеломленно вымолвила Тарин.

– Я просто хотела вас отблагодарить. Вы отнеслись ко мне... по-человечески, – уходя, бросила девушка.

Ректор ее уже не слушала. Понять, как у Марата хватило наглости заимствовать ее идею, Тарин еще могла: у таких людей совесть давно атрофирована. Но то, что он намеренно не

дает колледжу заработать, настораживало. Может быть, все гораздо проще, и никакого мифического злодея, разваливающего колледж, нет? Марат сначала вложил деньги, потом понял, что погорячился и теперь хочет быстрее избавиться от них? Что ж, даже если и так, она не позволит обвести себя вокруг пальца.

Тарин спустилась на второй этаж. Судя по расписанию, она должна была найти Киру именно здесь. Придется воспользоваться предложением старой знакомой, так как советоваться больше было не с кем. Кира писала формулы на доске. Пышные манжеты ее черной шифоновой блузки выглядывали из-под рукавов кроваво-красного пиджака. Авторитет математика был велик: никто из студентов не решался покинуть аудиторию, несмотря на прозвеневший звонок.

Когда Кира вышла в коридор на тонких шпильках и увидела ее, то бросила лишь:

– Давай выйдем, жутко хочу курить.

В беседке, увитой густо-красными листьями девичьего винограда, она шумно выдохнула:

– С каждым годом эти студенты все тупее! Чему их там в этой школе учат – непонятно! Уставятся в свои гаджеты сутки напролет... – она поднесла к губам тонкую сигарету. – Ты что хотела-то?

– Посоветоваться. Вы говорили, что Марат с вашей подачи стал учредителем. Он может передумать и закрыть колледж?

– Вряд ли, – пожалала Кира плечами. – Он бизнесмен. Бесплатно и со стула не встанет. Наше закрытие ничего ему не принесет.

– Тогда почему он пытается получить прибыль в обход нас?

Тарин рассказала женщине о возникшей ситуации.

– Ты хотела совета? – Кира затушила сигарету. – Вот он: если для твоей цели нужно идти по головам – иди. Грехи потом отмолишь. Вселенная и так должна тебе на несколько жизней вперед. Для Марата вложение денег сюда сродни благотворительности. Если ты покажешь ему, что колледж может окупиться, он в тебя поверит.

Следующие несколько недель в колледже было тихо. Осень вступала в свои права: по узким дорожкам сиротливо бродили редкие солнечные лучи. По утрам недовольно, раскатисто переговаривались вороны, а голуби чинно сидели на оголенных ветках, поочередно поджигая ярко-красные лапки. Узкие, серо-зеленые иглы сосен отражались в пушистых каплях дождя. Студенты пели песни под гитару на мокрых деревянных качелях, а потом долго грелись в кафе и библиотеке. Спортзал по вечерам был переполнен: секции работали допоздна.

Размеренную жизнь несколько раз прерывали воспитательные моменты: компания ребят пыталась ночью перемахнуть забор и сбежать в город; после спартакиады представи-

тели разных факультетов подрались, а на само мероприятие пытались пронести спиртные напитки.

На самом деле Тарин вместе с преподавателем физики за это время проделала огромную работу. Ей даже пришлось вспомнить про своих давних знакомых из мира науки, чтобы потянуть за нужные ниточки. Когда все было готово, она созвала совещание.

– У меня для вас новости, – она взглянула на собравшихся. – Сегодня я была в министерстве и получила лицензию на дополнительное профессиональное образование. С этого дня наш колледж будет оказывать образовательные услуги в виде семинаров, курсов повышения квалификации для лиц с высшим образованием: работников организаций, юридических и физических лиц. Так как работы впереди много, я создаю отдельную должность в штатном расписании. У меня появляется новый заместитель – заместитель ректора по развитию. Прошу, знакомьтесь, хотя вы все его и так хорошо знаете.

Тимур привстал и театрально поклонился под потрясенными взглядами окружающих.

– Разумеется, в такой важной должности Тимуру трудно будет справляться одному. Впоследствии это будет целый отдел, но пока я выделила ему в помощь Нину.

– Подождите, а кто за это будет платить?

– Как Нину? А что с ее нагрузкой?

Голоса раздалась почти одновременно.

– Отвечаю по порядку, – Тарин повернулась к главному бухгалтеру. – Ни от колледжа, ни от учредителя денег не требуется. Для первоначальных вложений были изысканы другие средства. Что касается Нины, – она взглянула на Вениамина, – ее нагрузка никуда не денется. Пока мы только набираем клиентскую базу, она будет работать на полставки. Впоследствии, возможно, кто-нибудь вызовется ей помогать.

– Я. Я хочу... помочь, – робкие слова неожиданно громко раздались в тишине.

– Замечательно, Эмма! Мы будем иметь это в виду, – ободряюще улыбнулась ей Тарин.

– Что за глупости! У вас своей работы мало что ли? – повернулся в ее сторону Портфельчик.

– Давайте эти вопросы обсудим позже, Вениамин, – спокойно произнесла Тарин. – Напомню лишь, что все работники колледжа в первую очередь подчиняются мне, а потом уже остальному руководству. Артур, у меня будет к вам просьба выделить небольшой кабинет для моего нового заместителя на первом этаже. Я видела планы здания, думаю, это не составит труда.

– Конечно, – согласно кивнул старичок. – Все сделаем.

– Я в вас не сомневалась. Ирма, у меня к вам просьба: Тимур передаст вам текст и рекламные буклеты. Нужно, чтобы кураторы довели эту информацию до родителей наших студентов. Начнем с них, а завтра Нина будет обзванивать организации. Хорошо, официальная часть окончена, поэтому я

попрошу вас, уважаемые коллеги, – Тарин кивнула на секретаря, которая вносила поднос с бокалами, – предлагаю отметить новую веху в развитии нашего колледжа. Я предлагаю выпить за новые горизонты, за новые цели и их воплощение!

Регина улучила минутку и подседа к подруге:

– Тарин, хитрюга! Ты столько всего сделала, а мне вообще ничего не рассказывала!

– Не обижайся. Я никому не рассказывала. В нашем колледже есть птичка, которая напевает учредителю обо всем, что происходит. Я не могла допустить, чтобы он узнал обо всем раньше времени, – понизила Тарин голос.

– Но откуда ты взяла деньги? Ты же рассказывала, что Марат тебе отказал?

– Отказал. Я просто вспомнила о сбережениях, которые слишком долго пылились на моем банковском счету. Меня так часто просят их принять, что я решила уступить, – усмехнулась она. – Хотя бы лица его сослуживцев теперь долго не буду видеть.

Регина подыскивала слова.

– Но это же не значит, что ты перестала верить? – шепотом спросила она.

– Это ничего не значит, – Тарин холодно встретила взгляд собеседницы.

– Простите, что вклиниваюсь, но вы так и не утвердили положение, – прервал ее Тимур, подавая бумаги.

– Хорошо, спасибо. Знаешь, я думаю, нам пора перейти

на «ты», – она подняла глаза от стола. – После проделанной работы ты заслужил это право. Тем более, как у моего заместителя, у тебя должны быть определенные привилегии.

– Договорились, – Тимур забрал документы и двинулся к выходу.

– Ты не считаешь, что он слишком быстро от рядового преподавателя поднялся до таких высот? – с сомнением спросила Регина. – Все-таки мы почти ничего о нем не знаем...

– Ты забыла: я сама в таком же положении, – улыбнулась Тарин. – Посмотрим. Он равнодушен к судьбе колледжа, что является важным качеством в нашей ситуации. Думаю, результаты не заставят себя ждать. Тимур! – повысила она голос. – После занятий зайди, пожалуйста, нужно еще обсудить список преподавателей! Извини меня, – она повернулась к Регине, – но мне пора на занятие, скоро будет звонок.

– Да, мне тоже. Увидимся!

Прочитав лекцию, Тарин зашла в аудиторию, где преподавал Лука. На перемене студенты обступили его тесным кружком, задавая дополнительные вопросы. Преподавателю явно было приятно увлечение молодежи историей, он обстоятельно ответил каждому.

– Вы, кажется, хотели организовать секцию по фотографии? – Тарин подождала, когда он освободится. – Я думаю, это хорошая идея.

– Спасибо. А к концу семестра можно организовать вы-

ставку работ!

– Да, я не возражаю. Но место для увлечения вам придется подыскивать самим. Поговорите с Артуром, моим заместителем по хозяйственной части, может быть, удастся что-то придумать. Еще у меня к вам будет просьба: нужна серия фотографий об открытии нового направления в колледже. Хотим разместить их в газетах и на сайте. Надеюсь, вы мне не откажете.

Что вы, – закивал преподаватель. – Я к вашим услугам.

– Отлично, тогда найдите Тимура и скажите ему, что это я вас прислала.

В коридоре ее дождался Портфельчик.

– Хочу заявить, что полностью поддерживаю ваш новый проект и готов помочь с разработкой рабочих программ, – начал он с апломбом. – В процессе нужно учитывать много требований, опираться на действующие стандарты...

– Если мне понадобится, я обращусь к вам, – кивнула ему Тарин, пытаясь поскорее отвязаться.

– Но впредь прошу учесть, что забирать педагогические кадры без согласования со мной непозволительно!

– Простите?

– Я составляю расписание занятий, распределяю учебную нагрузку, поэтому должен первым знать обо всех готовящихся изменениях! – поджал он и без того тонкие губы.

– Во-первых, расписание составляете не вы, а Эмма. Во-вторых, я не обязана давать вам отчет о своих действиях! –

Тарин, едва не задев его плечом, направилась своей дорогой.

Вечер наступил быстро. Она как раз снимала с вешалки пальто, когда Тимур появился на пороге опустевшей приемной.

– Да, я же просила тебя зайти, – смутилась Тарин. – Давай так: если ты не против, перенесем разговор ко мне в гостиную. Могу предложить в качестве бонуса чашку чая. Я уже давно не проводила время с дочерью, и сегодня обещала прийти домой пораньше.

– Тогда лучше кофе, – согласился ее новый заместитель.

Они спустились во двор. В сумерках осиротевшие ветви кленов протягивали свои тонкие пальцы к фонарным столбам. Пока они шли по умытым вечерним дорожкам, разговор сам собой зашел о ситуации в колледже. Тарин поделилась своими подозрениями.

– Знаешь, сначала у меня были подозрения, что Марат устроил сюда Нину неспроста, но после ее помощи я изменила свое мнение.

– Я думаю, это Вениамин. Больше никому, – заключил ее собеседник. – Его реакция после совещания служит лишь подтверждением: он вышел из себя, потому что не смог вовремя все доложить учредителю. Кстати, нужно внимательно посмотреть на те документы, которые Вениамин готовит к аккредитации. На твоём месте я бы лично все проверил.

– Я думала об этом, но у нас постоянно возникают какие-то срочные дела, да и текущей работы много.

– Могу помочь, если нужно. Я хотел еще раз поблагодарить вас... тебя, за то, что в меня поверила, – Тимур повернул голову и посмотрел на нее.

– Люди должны верить, на свой страх и риск, – улыбнулась она в ответ. – Иначе кто мы тогда? Все открытия, изобретения, книги, даже здания – все это существует, потому что кто-то верил в себя или в того, кто сможет воплотить мечту в жизнь.

– Да, но всегда есть вероятность, что доверие не оправдается, – Тимур посмотрел под ноги, и поддел носком ботинка листву, собранную дворником в кучу.

– Есть, – согласилась Тарин. – Но я лучше выберу верить и быть обманутой, чем не верить совсем. – Ну вот, мы и пришли, – она достала из сумки ключи. – Кофе, говоришь? Что ж, заходи.

Навстречу им выбежала Анна. Девочка очень обрадовалась новому гостю. Пока Тарин мыла посуду после ужина, из гостиной происходил спор.

– А вот и неправда!

– Правда-правда! Хочешь, докажу? Принеси мне прозрачную круглую вазу, лампочку и кусок черного картона!

– Что вы тут затеяли? – она прислонилась к стене и скрестила руки на груди. В комнате явно что-то затевалось.

– Мама, Тимур говорит, что наш глаз видит все перевернутым! Это же неправда?

– Давай неси все, сейчас сама увидишь! Простейший экс-

перимент, – ответил он на вопросительный взгляд Тарин. – Всего несколько минут.

Несколько минут растянулись. Тимур показал девочке, как действует на предметы сила трения на примере книги и круглых карандашей, потом они вместе создавали искусственный закат в прозрачной банке с молоком, подсвечивая ее фонариком. Эти двое так увлеклись, что Тарин не решилась им помешать. Она опустилась на кресло в углу комнаты и тихонько стала читать принесенные с собою бумаги, чтобы не мешать проведению экспериментов.

– Мама, Тимур говорит, что ниткой можно перерезать лед! Можно мы попробуем?

– Можно, только недолго. Через десять минут ты должна уже быть в постели.

– Мама, а можно взять из холодильника сельдерей? Тимур говорит, можно увидеть, как движется вода!

Это было последнее, что запомнила Тарин перед тем, как ее голова склонилась на бок, и она заснула. Пробудилась она внезапно, поняв, что вокруг стоит тишина. Свет в гостиной был выключен, торшер мягко золотил обивку кресла. Тарин обнаружила, что ноги ее были укрыты пледом. В спальне в обнимку с котенком сопела Анна, а на тумбочке, в банке с подкрашенной водой, стояла ветка сельдерейя.

VI

То, что Марат ждал ее в кабинете, Тарин не удивило. Она

прекрасно понимала, что, получив последние новости, он захочет поговорить. Поэтому она спокойно поставила сумку на стул и стала расстегивать пальто:

– Доброе утро.

– Доброе. Скажи-ка мне, что это такое? – он держал в руках еще хрустящий лист лицензии.

– Мой вклад в развитие колледжа, – невозмутимо ответила ректор. – Вы просили самой проявлять инициативу, делать шаги для получения прибыли. Что-то не так?

– Я, кажется, запретил тебе открывать дополнительное образование!

– Нет. Вы не дали мне денег на него, но открывать не запрещали, – она посмотрела Марату прямо в глаза. – Кстати, раз уж вы сидите на моем месте, слева от вас отчет о проделанной работе: мы сократили расходы по столовой и предоставили всем студентам и преподавателям допуск в электронную библиотеку, как вы и просили. Хочу предупредить: фонд оплаты труда мы изменять не стали. Прибыль от нового вида деятельности должна перевесить данную часть расходов. Расчеты лежат чуть ниже.

– Уверена, что не прогоришь? – Марат хитро прищурился, вглядываясь в бумаги.

– У меня нет выбора.

Учредитель встал и подошел поближе. Он несколько секунд в упор рассматривал Тарин, потом неожиданно хлопнул ее по плечу:

– Молодец! Откровенно говоря, я сомневался в том, что ты потянешь быть ректором. Уж прости, первое впечатление ты производишь то еще: маленькая, невзрачная, бесхребетная. Но ты дашь фору многим из моих партнеров, – он опустил руки в карманы и подошел к окну. – Была тут у меня одна кандидатура на твое место... Но теперь я перестал жалеть, что поддался на уговоры и проголосовал за тебя. Ладно, теперь о деле: я видел твою рекламу, это кошмар. За нее возьмусь сам. Сегодня я ужинаю с парой нужных людей, расскажу им о нашем начинании. Дам команду, чтобы тебе организовали отдельную телефонную линию для записи на семинары и курсы...

Тарин освободилась только к обеду. Она решила заглянуть на лекцию к Нине. У преподавательницы явно наметился прогресс: лекцию с листочка уже не читала, занятие было составлено методически грамотно. Может быть, из нее выйдет толк.

Когда Тарин поднялась к себе, секретарь взволнованно протянула ей письмо:

– Из министерства!

Тарин пришлось перечитать его несколько раз, чтобы осознать смысл выстроившихся перед ней слов. Кто-то от имени студентов написал жалобу, в которой перечислял нарушения, якобы существующие в колледже, и просил инициировать внеплановую проверку. Нужно было срочно составить план действий. Для начала позвонить в министерство и

договориться о встрече. Но кому можно довериться в таком деле? Регина была на занятиях. Ей пришлось вызвать Тимура и рассказать ему обо всем.

– То, что здесь написано, явный бред, мы оба с тобой это понимаем.

– Конечно, – согласился он. – И ты, скорее всего, заметишь, что обычные студенты не смогут так грамотно написать и озвучить закулисные моменты колледжа. Они им просто неизвестны. Это явно написал кто-то из своих. Тебе нужно срочно ехать в министерство, чтобы выведать хоть что-нибудь.

– Знаю, – Тарин запила водой таблетку от головной боли. – Уже звонила, могут принять только завтра.

– С тобой поехать?

– Можно войти? – их прервал знакомый гнусавый голос.

– Что за... Что ты делаешь?

Она не успела опомниться, как на вошедшего в кабинет Портфельчика налетел Тимур. Он бросился в его сторону, схватил за лацканы пиджака, и, приподняв на уровень своего роста, почти вдавил в стену. Тарин услышала, как затылок стукнулся о деревянную панель.

– Любое терпение небезгранично, мое тем более! Я ведь тебя предупреждал?

– Отпусти его! – но ее никто не слушал.

– Я... я не понимаю... – Портфельчик беспомощно трепыхался в сильных руках.

Послышался тонкий стук упавшей на пол оторванной пуговицы.

– Все ты понимаешь! Хватить мутить воду! Чего ты добиваешься, чтобы колледж закрыли? Кто тебе приказал сострять эту жалобу?

Тарин смотрела, как ее заместитель, мертвенно-бледный от страха, в панике переводил взгляд со своего угнетателя на нее. На его лице, с которого сейчас слетела обычная маска надменности, отражалось смятение и полное неведение.

– Тимур! – ее звенящий холодный голос вылился на головы, словно из ушата с водой. Она подошла ближе и дотронулась до его руки.

– Ты разве не видишь: он ничего не знает! Посмотри на него.

Тимур, уже начиная остывать, позволил ногам Портфельчика коснуться пола. Судя по всему, перед глазами заместителя ректора только что промелькнула вся жизнь: его зрачки были расширены, подбородок мелко трясся. Редкий человек сможет солгать в такую минуту.

– Хочешь сказать, не ты наклеузначал в министерство?

Портфельчик, наконец, набрал воздуха в грудь. Когда он заговорил, голос его дрожал и прерывался, словно пламя свечи на ветру.

– Я... я не осведомлен о том, что здесь происходит... но... я этого так не оставлю... ваша агрессия абсолютно беспочвенна...

– Не понимаю. Если это не он, то кто тогда? – повернулся к ней Тимур.

– Простите его, – Тарин смотрела, как Портфельчик нервно отряхивает пиджак и рубашку. – Мы... исходили из предположения, что вы могли написать жалобу с просьбой провести внеплановую проверку.

Ее заместитель тем временем приходил в себя:

– Вы искажаете истину! Я действительно испытываю к вам некоторую... антипатию. Скорее всего, не секретную. Думаю, меня можно понять: я столько лет добивался определенных высот, но вдруг появляетесь вы и становитесь ректором... Но я никогда не позволил бы себе разрушить то, что с таким трудом здесь было создано!

Похоже, впервые Портфельчик решил высказаться начистоту. Тарин даже стало немного совестно.

– Может быть, вы ознакомитесь с письмом?

Она протянула ему бумагу.

– Понятно, – протянул он через некоторое время. – Могу предложить свою кандидатуру для поездки в министерство, но вы вряд ли согласитесь.

– Напротив. Я предлагаю поехать нам вдвоем.

Тимур озадаченно посмотрел на ректора.

– Ты только что доказал, что тебе не стоит поручать такие дела! – ответила она на безмолвный вопрос. – Вспыльчивость здесь только помешает. Вениамин, я предлагаю не выносить сор из избы и забыть об этом инциденте. Тимур очень

сожалеет, что погорячился. Ты ведь сожалеешь? – угрожающе повернулась она направо.

– Еще бы, – отозвался мужчина, всем своим видом давая понять обратное. Он протянул руку, и когда Портфельчик несмело пожал ее, резко наклонился вперед и прошептал на ухо:

– Запомни: я все равно слежу за тобой!

– С вашего разрешения я пойду готовить документы, – бледный заместитель вылетел из кабинета, словно пуля.

– Ну, вот что ты творишь? – укоризненно посмотрела на Тимура ректор.

– Твои разговоры не помогают, разве сама не видишь? Всего за минуту мы узнали больше, чем ты смогла выудить из него за целый месяц. К тому же, ему было полезно немного... встряхнуться.

Тарин укоризненно покачала головой.

– А что это за разговоры насчет того, что ты его о чем-то предупреждал?

– Ерунда. Встретились на днях, поговорили о том, о сем, – уклончиво ответил преподаватель, но его серые глаза задорно глядели на нее.

Когда Тарин оказалась в министерстве вместе со своим заместителем, она вспомнила слова Киры: нужно уметь грамотно использовать сильные стороны подчиненных. Здесь Вениамин был как рыба в воде: знал каждого, от большого начальника до мелкой сошки, со всеми подобострастно здо-

ровался и расспрашивал об их двоюродных тетках, внучатых племянниках и даже о походах собак к ветеринару. Каждый закоулок был ему знаком, в его прославленном портфеле нашлось несколько маленьких презентов для секретарей и небольшое подношение нужному чиновнику. Его высокопарные речи в министерстве воспринимались как нечто естественное и обыденное.

Прочитав текст самой жалобы, Вениамин пояснил некоторые моменты, сославшись на невообразимое количество пунктов закона об образовании и различных постановлений. Он договорился, что колледж предоставит необходимые пояснения в письменном виде, предложил инспектору пообедать за счет учебного заведения, и долго беседовал с ним в кафе о политике и кадровых перестановках в министерстве. Тарин оставалось лишь молча наблюдать, иногда вставляя в разговор невинные междометия.

– Надо обязательно на новый год привезти ему хороший подарок, – заметил Портфельчик, открывая дверцу автомобиля перед ректором. – Не беспокойтесь, я составлю примерный текст пояснения, как только приедем, и представлю вам его на подпись.

Тарин не знала, что сказать. Она собралась было спросить, почему же Вениамин сам не работает в министерстве, где, очевидно, ему самое место, но передумала. Обрато они ехали молча.

В приемной уже были посетители, а на столе, как всегда,

лежали пухлые папки документов на согласование. Когда ей удалось немного перевести дух, в кабинет заглянул Тимур. Он выслушал краткий рассказ о поездке и признался:

– Не ожидал я такого от нашего Портфельчика. Послушай, если не он вставляет тебе палки в колеса, то кто тогда?

– Хороший вопрос. Пока не знаю. Как у тебя дела с клиентской базой?

– Получили первый заказ на обучение сотрудников по охране труда. Я предложил одному нашему преподавателю подработать, он с радостью согласился. Нина готовит списки слушателей и согласовывает с Эммой даты занятий.

– Отлично. Как насчет курсов компьютерной грамотности?

– Мы уже закинули удочку в пару организаций, пока ждем. Да, я договорился со своим старым другом, он физик-изобретатель, провести у нас открытую лекцию для студентов. Лука обещал организовать съемку и размещение информации на сайте.

– Не знала, что у тебя есть такие именитые друзья, – улыбнулась она.

– Работали когда-то вместе.

– Почему же ты ушел из науки?

– Наука занимала очень много времени и приносила очень мало денег, – просто ответил Тимур. – Для женатого мужчины это было крупным недостатком. Оказалось, правда, что увольнение тоже не влечет за собой счастливую семейную

жизнь, – пожал он плечами и усмехнулся: – но зато тебе достался хороший работник. Мне иногда кажется, что между тем, насколько человек одинок и его работоспособностью есть прямая зависимость.

Тарин промолчала.

– Совсем забыл: я обещал Анне принести шахматы. У нас зашел разговор о том, что полезно качать не только мышцы, но и мозг. Она смышленная девочка, думаю, ей будет интересно. Можно я передам их через тебя?

– Да, хорошо. Хотя знаешь, – обратилась она к поднимаемому преподавателю, – ты можешь вечером сам заглянуть на пару минут. Я сегодня опять допоздна задержусь, так что Анна будет тебе рада. Потом я тебя просто сменю.

Лицо Тимура прояснилось:

– Договорились.

В кабинет уже заходила Эмма для утверждения расписания зачетов и экзаменов. Она виновато протянула Тарин контейнер:

– Просили передать, что если вы не будете есть, то еда сама к вам придет.

– Агата в своем репертуаре! – улыбнулась Тарин. – Придется заваривать кофе. Присаживайся. Скоро должна прийти Ирма с вариантами сценария новогоднего вечера. Перекусим вместе, здесь на всех хватит.

– Что вы...

– Эмма, я прошу, без церемоний. Если боишься Вениа-

мина, я с ним разберусь. Давай, посмотрю расписание, а ты пока попроси секретаря принести кофе.

Когда женщина вернулась, Тарин пришлось снова ее уговаривать остаться:

– У меня к тебе вопрос. Я хочу понять, насколько добросовестно мы готовимся к проверке. Если Артур по своим вопросам приходит ко мне каждый день, волнуется, переживает, то в учебной части полная тишина. Не хочу сказать, что вы ничего не делаете, но у меня опасения, нет ли у вас трудностей.

– Нет, мы идем по плану, – вымолвила Эмма. – Все в порядке.

– Хорошо, тогда оставим разговоры. Присоединяйся, – Тарин пододвинула бутерброды.

Полчаса они провели достаточно продуктивно, разбираясь в расписании, но и пообщаться тоже успели. Тарин уже хотела послать за пропавшей куда-то Ирмой, как женщина сама буквально ворвалась к ним. По ее лицу было понятно: опять что-то стряслось. Оказалось, второкурсница приняла чрезмерную дозу таблеток, чтобы покончить с собой из-за несчастной любви. Девушку вовремя нашла соседка по комнате. Сейчас медики оценивали состояние пострадавшей.

– Скорая помощь уже едет, родителям мы позвонили. Слава богу, она жива. Тарин, мне жаль, но о таких случаях мы обязаны оповещать министерство. Теперь нас ждет разбирательство: запросят ее личное дело и характеристику,

данные психологических тестирований, показания свидетелей. Она несовершеннолетняя, значит, нас затааскают по комиссиям. Мы сейчас проверяем, где она могла взять таблетки...

Тарин схватила за голову. Скоро должны были приехать родители, нужно было держать себя в руках.

Домой она пришла за полночь. Ноги гудели, в голове стоял шум. Больше всего на свете ректор колледжа хотела сейчас свернуться клубочком на кровати, накрыться одеялом с головой. Чтобы никто не звонил, не стучал в дверь, не присылал новых писем. Чтобы не нужно было ничего решать, ни с кем говорить, никому ни в чем отчитываться. Тарин чувствовала себя полностью разбитой.

На кухне горел свет. Она совершенно забыла, что обещала прийти и сменить Тимура, а он, очевидно, не решился уйти до ее прихода. Увидев, в каком Тарин состоянии, он молча помог ей с верхней одеждой, усадил на диван и принес бокал вина.

– Не хочу.

– Пей, – всучил он бокал ей в руки с нетерпящим возражения тоном, – и иди спать.

– У меня еще дела, – оглянулась Тарин на свою сумку.

– Иди спать, – медленно повторил Тимур.

Возражать не было никаких сил. Она добрела до кровати, и рухнула, даже не раздеваясь.

Утром, уже встав, но еще не проснувшись, она добрела

до кухни, потирая глаза. На столе лежали проверенные контрольные работы и черновик с цифрами для отчета.

VII

Осень в этом году сдалась практически без боя. Резко похолодало, мелкие лужицы затягивало по утрам тоненьким хрупким льдом. Фонари тоскливо скрипели над головой. Дорога к корпусу и обратно стала вдвое короче: студенты преодолевали ее вприпрыжку, ежась от колкого ветра.

Только в кабинете ректора воздух накаляли жаркие споры.

– Нет, ты не понимаешь! Что плохого в том, чтобы нанять стороннего преподавателя? Если есть спрос, нужно создавать предложение! Мы разработаем программу....

– Конечно. Разработаем программу, найдем преподавателя, закупим демонстрационный материал. Не пойдет, я же уже сказала. Если от этой фирмы не будет гарантийного письма, мы ничего не будем разрабатывать.

– Как они могут дать гарантийное письмо, когда не знают, сколько у нас будет стоить обучение?

– Значит, ты сам создал себе замкнутый круг, – Тарин снова склонилась над почтой.

– Ты мне иногда напоминаешь нашего главного бухгалтера! – фыркнул Тимур.

– Приму это за комплимент. У меня еще много работы, ты можешь быть свободен.

Уходя, он хлопнул дверью так, что в окнах тоненько зазвенели замерзшие стекла.

В другой раз он выговаривал:

– Я бы на твоём месте отстал от людей. Конечно, ты сейчас не захочешь меня слушать, но пойми: все устали. Эти отчеты, КОСы, КТП никогда не кончатся! В твоей власти объявить один несчастный выходной, пусть преподаватели займутся своими делами, повидаются со знакомыми в городе. Сидят тут безвылазно, как в тюрьме! И не говори мне про методические дни, ты сама преподаватель, знаешь, что мы их тратим на все те же бумажки.

– Впереди две недели каникул, – заметила Тарин.

– Да послушай же, важно не количество дней, а сам факт выходного! Покажи преподавателям, что ты их ценишь, успокойся о них. Ты должна понимать, как важен боевой дух твоей команды!

Тимур постоянно с ней спорил. Тарин редко соглашалась, но ценила его мнение и прислушивалась к нему при принятии решений. Баталии удалось избежать лишь однажды, когда он взгляд Тимура остановился на книжной полке. Монография, автором которой являлась Тарин, чрезвычайно его заинтересовала, и они проговорили о научных открытиях допоздна. Тарин и в самом деле скучала по исследовательской работе.

– Вызывали? – перед ней возник Портфельчик.

– Да, у меня к вам задание: хочу, чтобы вы провели аудит

перед аккредитацией. Наделяю вас самыми широкими полномочиями в части документации. Материальную базу мы с Артуром уже вывели. Две недели вам хватит?

Заместитель даже приосанился. Просьба Тарин ему явно польстила. Хотя он и попытался сделать равнодушный вид, надутые щеки выдали его с головой.

– У меня, конечно, хватает собственного функционала, но за озвученный вами срок должен справиться.

– Отлично.

– Кстати, я хотел бы вам кое-что вручить, – Портфельчик торжественно протянул ей бумагу. – Вот, ознакомьтесь при случае. Надеюсь, вы поймете, какую змею пригрели на груди.

С каменным лицом он удалился. В руках ректора остался запрос с предыдущего места работы Тимура. Тарин почувствовала, что ничего хорошего он в себе не содержит.

От невеселого чтения ее оторвала Регина, которая пригласила подругу на обед. В столовой она призналась:

– Мы с тобой в последнее время так редко видимся! Постоянно какие-то дела, постоянно нервотрепка. Я уже забыла, когда мы просто так с тобой болтали. Расскажи мне об Анне, как она учится? Я вожусь с бумажками днем, дежурю ночью и совсем ее не вижу!

Но мысли Тарин путались. Она вяло ковыряла вилкой салат: аппетита не было. Даже новость, что в свой выходной Регина встретила старого знакомого, который пригласил ее на чашку кофе, не впечатлила.

Студенты вбежали с шумом в столовую, увидели ректора и присмирели. По итогам сессии многих придется отчислить, пока на столе копятся проекты приказов. Скоро предстоит неприятный разговор с Маратом. Отчисление для него синоним потерянных платежей за обучение, но что поделать, отъявленные лоботрясы и лодыри здесь тоже не нужны.

В столовой появилась Нина, и мысли Тарин потекли в другом направлении. В последнее время девушка стала серьезнее, больше времени уделяла на подготовку к занятиям. Как куратора Ирма ее не хвалила, но и не ругала, что само по себе было уже достижением. Тимур тоже говорил, что девушка справляется. Тимур... Она вспомнила о бумаге, оставленной в кабинете. Да, придется вызвать его к себе. Вениамин, конечно, хорош, нашел, как отомстить за свое «потрясение». Но Портфельчик прав, она должна была знать.

После обеда Тарин решила пройтись, оставляя на хлюпающих припорошенных дорожках четкие следы ботинок. Морозный воздух спешил погреться у ее щек, кусался и царапался, как маленький котенок. Деревья раздраженно поскрипывали во сне. В такую пору приятно прогуливаться лишь потому, что знаешь: сейчас вернешься в теплый дом, где уютно, вкусно пахнет, где тебя радостно встретят и предложат чашку, из которой идет пар, а ты будешь оттаивать вместе со снегом, принесенным тобой на воротнике. А пока можно покататься, дожидаясь, когда пальцы совсем ооченеют.

Деревянные качели возмутились таким бесцеремонным обращением. Спешащие на экзамены студенты удивленно здоровались, не ожидая увидеть здесь ректора.

Невдалеке она увидела долговязую фигуру в нелепой шляпе с широкими полями.

– Лука? Что вы здесь делаете?

– Как что? Фотографирую, – преподаватель приблизился. – В такую погоду чудно получаются монохромные снимки. Можно? – он присел рядом.

Некоторое время они медленно качались в тишине. С неба начали сыпаться мелкие снежные бисеринки. Они опускались на воротник ее пальто, застревали в бороде Луки, серебра ее еще больше. Тарин погладила ладонью шершавые брусья качелей.

– Как вы поживаете? Как дочка? – осторожно поинтересовался Лука.

– Все хорошо, спасибо.

– Я тут видел ее недавно. Смышленая девочка!

– Это точно, – согласилась Тарин. – К сожалению, у меня не получается уделять ей много внимания. Сложно воспитывать ребенка одной.

– Вы всегда можете обратиться ко мне за помощью, – вкрадчиво произнес преподаватель. – Я с радостью.

Из-под вязаного свитера, который он надел на просторную белую рубашку, выглядывал шнурок с посеребренным крестиком.

– Как вам удается верить? – спросила она, не сдержавшись.

– Поймали меня, – улыбнулся мужчина. – На самом деле вера – это дар. Я потерял этот дар много лет назад, когда служил. Но привычка, – он спрятал шнурок, – осталась.

– Наверное, потерять веру очень тяжело.

– Она уходит незаметно. По капельке каждый день. Однажды замечаешь, что просто живешь без нее. Но я не теряю надежды, что она вновь вернется. Вера – как фундамент нашей души. Без нее ты словно калека. Жить, конечно, можно, но чувствуешь: что-то не так.

– Да. Человеку нужно во что-то верить, – согласилась Тарин.

– Позвольте сказать, что ваша вера... она обязательно приведет вас к желаемому, – мягко вымолвил преподаватель.

– Спасибо, – постаралась бодро ответить она. – Спасибо...

Качели снова взмыли вверх. Там, над их головами, кто-то невидимый никак не мог заштопать прохудившийся мешок со снежной крупой. Она сыпалась, волшебным образом возникая из ниоткуда, прямо на их глазах.

Прогулка помогла Тарин обрести некоторую гармонию. Когда вошел Тимур, она спокойно и молча протянула ему отзыв, принесенный Портфельчиком. Он читал не более трех секунд, затем яростно смял бумагу.

– Ты этому поверила??

– Как я могу не поверить? – она стояла спиной к окну,

скрестив руки на груди.

– Разумеется, ты не так хорошо меня знаешь. Но неужели ты допустила мысль, что я мог так поступить? Молоденькая студентка навоображала черт знает что; конечно, никто не стал разбираться, и меня уволили. Сама знаешь, я не самый приятный в общении человек, руководство с радостью от меня избавилось. Ты сама была в такой ситуации, с той проклятой статьей! Ведь очевидно, что это клевета!

Тимур подошел и заглянул в холодные синие глаза.

– Тогда зачем ты соврал на собеседовании? Почему не рассказал мне потом? – возмутилась она. – Знаешь, я ненавижу, когда мне лгут. Пусть все написанное бред, но ты не можешь не понимать, что репутация колледжа тоже страдает, если все выплывет наружу! Об этом ты подумал? Ты твердишь, что колледж дорог тебе не меньше моего, но поступки твои доказывают обратное!

– Я ушел по собственному желанию, никто не сможет ничего доказать. Эта бумажка, – он указал на стол, – наговор, чтобы сбить тебя с толку.

– Эта бумажка – оружие в руках умного человека! Повезло еще, что человек попался не слишком сообразительный, – отвернулась она к окну.

Тимур взял ее за плечи и развернул к себе.

– Послушай: да, каюсь, ничего не сказал. И не собираюсь тебе доказывать свою невиновность. Я прошу тебя мне просто поверить. Здесь, сейчас. Без оправданий или аргументов.

Поверь: я никогда, ни при каких обстоятельствах не причиню вред тебе или колледжу.

Его серые глаза смотрели открыто и честно.

– Я, как и ты, не терплю ложь. Поэтому не собираюсь работать в атмосфере недомолвок и подозрений. Либо ты мне доверяешь, либо я пойду собирать вещи.

До какого предела доходит вера? Сколько ее можно подвергать испытаниям, пока ткань не истончится, веревка не протрется, а человек станет покрытым броней циником? Тарин не знала. Но чувствовала, что Тимур говорит искренне. Может быть, она пожалеет.

Помолчав, она вздохнула:

– Жду от тебя завтра списки слушателей. Можешь идти.

Снег за окном постепенно усиливался. Снежинки долго беспокойно кружились над землей, не находя себе места. Наутро вся грязь дорожек оказалась скрыта под белым, чистым холстом.

VIII

Вместе с декабрем приближалось и время проверки. Напряжение возрастало. Помимо ставших уже привычными отчетов на рабочем столе Тарин лежали два заявления на увольнение – преподаватели были недовольны уровнем нагрузки и заработной платой. Отдельной стопкой пылились объяснительные студентов об их чрезвычайно интересных похождениях. Но особенно удручала папка счетов от бухгал-

терии – туда было лучше вообще не заглядывать.

– Итак, Ирма, сегодня после обеда я вместе с вами присутствую на репетиции новогоднего вечера, и оставляю вас далее отвечать за все самой: послезавтра мы встречаем комиссию. Вениамин, вы у нас ответственный за прием гостей. У вас все готово?

– Да, – человек подпрыгнул на стуле. – Все пройдет на высшем уровне, не сомневайтесь.

– Надеюсь. Регина, что там с последними приготовлениями? Вы допечатали учебные планы?

– Сейчас как раз печатаем последние. Заканчивается краска в картриджах, новые привезут только завтра, но на листах лишь небольшие полоски, думаю, это не критично.

– Хорошо. Артур, что у вас?

– Уборщицы после занятий будут допоздна, а я сам еще раз пройду по аудиториям, перепроверю все плакаты, пособия, инвентарь.

– Проверьте, чтобы проекторы и компьютеры везде включались без проблем. Они имеют право зайти в любую аудиторию. Финансовые отчеты готовы?

– Последние перед вами, – главный бухгалтер указала на стопку. – Нужно подписать и проставить печати.

– Хорошо, займемся сразу после совещания. Марат тоже обещал приехать, так что не расслабляемся.

– Мне нужно, чтобы вы утвердили приказ на зачисление слушателей, – подал голос Тимур.

Лицо Портфельчика перекосило, словно от лимонной корки:

– Давайте не будем отвлекаться. Сейчас нужно встретить комиссию, остальное может подождать, – вставил он слово.

– Ничего, – осадила его Тарин, – Я посмотрю в конце дня. Кстати, у меня объявление: все занятия завтра отменяются. Вениамин, предупредите преподавателей. Ирма, вы оповестите студентов: у них будет день самоподготовки.

– Вы... вы хотите сказать, что завтра у нас..., – Портфельчик, всегда цветасто и витиевато выразившийся, потерял дар речи.

– Что завтра у нас у всех выходной, – Тарин закончила за него предложение. Я считаю, что мы с вами сделали все, что могли. Перед смертью не надышишься, верно? Дежурство преподавателей не отменяется, кружки работают по-прежнему. Остальные могут выбраться в город, отдохнуть, или просто выспаться. Есть возражения? – она посмотрела на своих ошарашенных заместителей. – Тогда все свободны, спасибо.

Она встала и подошла к окну, слыша, как за спиной подчиненные, перешептываясь, покидают ее кабинет.

– Неужели ты начала прислушиваться к моим словам? – раздался позади ироничный голос Тимура.

– Ты не справедлив. Я всегда к тебе прислушиваюсь. Но воплощаю в жизнь лишь разумные советы, – улыбнулась Тарин.

– Почему сейчас?

– А почему бы и нет? Я никому не говорила, но у меня внутреннее ощущение, что все пройдет хорошо. Конечно, я стараюсь его заглушить, чтобы не стать беспечной и не попасть впросак, но оно никуда не уходит. А я привыкла доверять своей интуиции. К тому же людям действительно пора отдохнуть, тут ты прав.

– Я прав?? Так, подожди, мне нужно это записать для истории. Ты не могла бы повторить свои слова на диктофон? – шутливо парировал Тимур.

– Обойдешься. Такое признание как парад планет, бывает очень редко.

Солнечный свет падал сбоку на ее волосы и высветлял одну сторону лица.

– Ну, твоя интуиция подвергнется проверке не позднее чем послезавтра, так что поживем-увидим, – развел он руками.

– Да, хоть здесь я четко знаю, сколько мне еще ждать... – Тарин, вздохнув, помрачнела. – Кстати, об ожидании: дочка о тебе спрашивала недавно, приглашает в гости.

– Я с радостью. Она у тебя замечательная.

– Это точно.... Считаешь, я сумасшедшая?

– Вообще-то тебя должны были проверять на медкомиссии перед началом учебного года, – попытался отшутиться Тимур. – Нет, ты не сумасшедшая. Ты все делаешь правильно.

– Спасибо, – мягко улыбнулась Тарин. – Ладно, тебе пора.

Выходной еще не наступил.

Отдых действительно был необходим. Настолько, что казалось, жизнь в колледже на день остановилась. Если бы не отчаянные студенты, которых не пугал холодный ветер на улице, можно было подумать, что каникулы уже наступили.

Тарин в толстых вязаных гольфах сидела у окна и пила горячий глинтвейн, приспустив рукава свитера, чтобы не обжечься. Она смотрела, как у журнального столика разгорается баталия: Кира учила ее дочку играть в карты. Артур, который еле уместился в небольшом кресле, шелестел газетными листами и время от времени притрагивался к своей кружке. Регина уехала в город навестить сыновей и должна была присоединиться к ним позже. Тарин вздохнула: если бы все дни были такими мирными...

Марат приехал ближе к вечеру.

– Завтра твой экзамен, – он привычно расположился в ее кресле с бокалом коньяка в руке. – Или пан или пропал. Держи, – он бросил на стол пухлый конверт, – это для комиссии.

– Зачем?

– Ты вчера родилась? Не можешь сама сунуть, отдай Вениамину, он все деликатно устроит. Вы им стол накрыли, подарки приготовили? Узнали, кто что любит?

– Да. Как раз Вениамин за это и отвечает.

– Правильно. Он юркий, справится. Что с оплатой за следующий семестр?

– После проверки предоставляю вам цифры.

– Добро, – кивнул Марат. – Смотри мне, выполняй любые их пожелания. Чтобы они всем своим рассказали, как их здесь принимали.

Он хозяйским шагом прошелся по кабинету.

– Много собираешься отчислять в сессию?

– Ведомости покажут, – подняла бровь Тарин. – Всех успевающих.

– Ты, давай, не дерзи. Посмотри, кто исправно платит, и поговори, пусть им натянут кое-где оценки. Отчисляй только в самом крайнем случае. Да, на первом курсе юрфака учатся два парня, надо проследить, чтобы они нормально все сдали. Я тебе позже скину фамилии.

– Регина мне про них говорила. Они абсолютно бестолковые. Не знаю, что тут можно придумать. Если они хотя бы старались...

– А ты придумай, – его голос приобрел угрожающий оттенок. – Я тебя для этого сюда и поставил.

– Вы мне предлагаете нарисовать им оценки за красивые глаза? У них ни одной самостоятельной по математике выше тройки, ни одного реферата по истории...

– Я тебе не предлагаю! Я говорю – ты делаешь! – глаза Марата налились кровью. – Все поняла?

– Поняла, – холодно кивнула Тарин.

Ей стало гадко на душе. Конечно, она была далеко не маленькой девочкой, и понимала, что так устроен мир. Но все же этот разговор шел вразрез с ее моральными принципами.

Придется, видимо, переступить через себя.

Наутро Тарин проснулась с головной болью. Завтракать не хотелось. В зеркале она увидела бледное лицо. Ничего не поделаешь, нужно было взять себя в руки, проводить дочку к автобусу и вернуться в колледж.

В холле поселилась напряженная тишина. О приезде комиссии студенты тоже были предупреждены. Ирма вместе с подчиненными тщательно следила за внешним видом и поведением обучающихся.

Тарин увидела гостей с балюстрады второго этажа. Ректор опиралась на деревянные перила и наблюдала, как Вениамин расшаркивался перед мужчиной средних лет, а женщине помогал снять шубу. Вошедшую можно было сравнить с экзотической птицей: худые ножки в ботиночках выглядывали из-под широкого балахона, голова с всклокоченными перьями волос венчала длинную тонкую шею. Она рассеянно отвечала на комплименты Портфельчика, с интересом оглядываясь вокруг. Видимо, это и был председатель комиссии. Двое мужчин стояли в тени. Однако, когда один из них вышел вперед, озираясь по сторонам, Тарин торжествующе улыбнулась и обратилась к стоящему рядом Тимуру:

– Все-таки моя интуиция работает. Мы точно пройдем эту проверку!

Она стала спускаться по лестнице навстречу гостям. Ее гордая осанка и туфли на высоком каблуке компенсировали маленький рост, а синий брючный костюм придавал солид-

ности. В том, что их встречает сам ректор, не было никаких сомнений.

– Позвольте представить, – подскочил к ней Портфельчик, – Тамара, председатель комиссии, а это один из наших проверяющих, Римус.

– Приятно познакомиться, – пожала она руку мужчине с хитрецей во взгляде. – Добро пожаловать в наш колледж.

С Римусом, ей долго не удавалось остаться наедине. После обстоятельного обхода территории и корпусов комиссия обосновалась в конференц-зале, куда приносили все запрашиваемые ими документы. Приходили сотрудники, от которых требовалось пояснение. Глава комиссии, Тамара, подробно расспрашивала о работе колледжа, не упуская ни одной мелочи. Вениамин снова показал свои сильные стороны: на все вопросы он отвечал безукоризненно, с деликатностью дипломата поднес и подарки. Однако лица проверяющих были непроницаемы и равнодушны, невозможно было понять, довольны ли они. Обед они попросили принести в этот же зал, после проверка возобновилась.

Близилось окончание первого дня. Перед тем, как комиссии необходимо было ехать в гостиницу, Римус вышел на террасу.

– Не знала, что ты куришь, – появилась вслед за ним Тарин. – Привет.

Она подошла поближе и встала рядом. Солнце заметно ленилось: оно укрылось толстым одеялом из облаков и улег-

лось спать на другой бок, оставив людей тосковать по свету. Тарин вдохнула прохладный сиреневый воздух.

– Привет. Не следует разговаривать с членами комиссии поодиночке. Могут подумать, что ты предлагаешь мне взятку, – улыбнулся Римус.

– Кстати, это хорошая идея, но не сегодня, – ответила улыбкой Тарин.

– Кстати, спасибо, что не выдала наше знакомство. Ректор и член комиссии – бывшие однокашники! Меня бы точно скомпрометировал этот факт.

– Что ты. Тем более, что мне это тоже выгодно. Давно работаешь в министерстве?

– Лет пять. В это время и закурил – нервная работа, – он затыкнулся. – Как ты?

Она пожала плечами:

– Как все: делаю вид, что повзрослела и теперь точно знаю, как управляться со своей жизнью. Хотя на самом деле понятия не имею, что делаю, – она облокотилась на перила и посмотрела вдаль.

– Извини, что давно не звонил. Я читал про похороны твоего мужа, но...

– Все в порядке, – остановила его Тарин. – Мы все равно бы не смогли пообщаться: телефон я выкинула, а на похоронах меня и самой не было. Но, как видишь, я начала новую главу своей жизни. Так что не переживай.

Римус повернулся и внимательно на нее посмотрел:

– Ты, кстати, зря ввязалась. Колледж аккредитацию не получит.

Тарин отпрянула:

– То есть? Откуда ты знаешь?

– Все сложно, – Римус бросил окурок под ноги. – Тебе на самом деле не стоило сюда приезжать. Понимаю, ностальгия, дело отца и так далее. Но у колледжа нет будущего.

Возникла неловкая пауза. Тарин выплеснула всю свою желчь:

– Вы так и напишете в аккредитационном листе? Или у тебя есть конкретные замечания?

Она стиснула зубы и только теперь почувствовала, как холодно во дворе. За неплотно прикрытой дверью гнусавил Вениамин, обращаясь к председателю комиссии.

– Всегда можно к чему-нибудь прицепиться, ты не хуже меня это знаешь. Я рассказал, чтобы ты не питала напрасных иллюзий. Можешь собирать чемоданы, потому что никакой новой главы не будет.

В отчаянии она схватила его за рукав пиджака.

– Посмотри мне в глаза! И скажи, что ты действительно ничего не можешь сделать. После стольких лет дружбы, после того, как мы потеряли наших друзей...

– Ничего личного, Тарин. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Но я ничего тебе не должен, – его взгляд был тверд и спокоен.

– Прошу прощения, но машина уже подъехала, – выгля-

нул наружу Вениамин. – Я готов сопроводить вас в гостиницу.

– Думаю, наши гости доедут сами, – повернулась к нему Тарин с холодным взглядом. – Вы нужны мне здесь.

Спустя пятнадцать минут в кабинете ректора собрались на экстренное совещание все ее заместители.

– Вы должны мне сказать, на чем мы можем споткнуться! Он не мог говорить с такой уверенностью, если бы все было в порядке! – требовала Тарин.

– Не хочется тебя расстраивать, но он прав: всегда можно что-нибудь найти, – мягко отозвалась Регина.

– Я не принимаю такой ответ! – мотнула головой Тарин. – Какие еще соображения?

Но все молчали. Мягкий свет лампы очерчивал круг на столе. Ветер из приоткрытых французских окон, которые так любила Тарин, приподнимал края документов, разложенных повсюду. С фотографий на стене на нее выжидательно смотрели лица, среди них было лицо и ее отца. Они как бы говорили: что ты теперь будешь делать?

– Мы им заплатили? – Артур подал голос, и все обернулись. – Нет, а что тут такого? – он развел руками. – Здесь все свои, не маленькие, знаем, что платят все и всегда, вопрос в сумме.

– Я уже позаботился об этом, – подал голос Вениамин. – Все прошло хорошо. Поверьте, сумма более чем приличная.

– Смотря что называть приличной суммой, – отреагиро-

вал старичок.

– Так, хватит, – прервала его Тарин. – Раз вы не можете мне помочь, значит спать никто не идет. Все заново, буква за буквой, цифра за цифрой, сантиметр за сантиметром все перепроверяют. Времени мало, поэтому за работу.

Тарин трясло от гнева. Под шум отодвигающихся стульев к ней подошел Тимур.

– Послушай, если был чей-то заказ, то это бессмысленно, – начал увещевать он ее.

– Пусть. Лучше делать хоть что-то, чем ничего.

– Я согласен с Тимуром, – Портфельчик, оказывается, тоже немного задержался в кабинете. – Вы говорили, было сказано «ничего личного». Определенно, их задание – не дать нам аккредитацию.

– Но они же не могут придумать нарушения там, где их нет!

– Поймите, вам нужно отбросить эту мысль. Вы просто...э... малокомпетентны в таких вопросах. Чтобы пройти проверку, у нас есть должен быть такой козырь, который они не смогут побить.

– На что вы намекаете? – она повернулась к Вениамину.

– Вы должны хорошенько подумать, как использовать тот факт, что вы знакомы с Римусом. Возможно, вы можете на него как-то повлиять. Я сегодня провел довольно много времени с этой дамой, Тамарой. Она милейший человек, без предубеждений к нам. Но она представляет независимую

сторону, и сама не работает в министерстве. Если кто-то и может изменить результат проверки, то это ваш друг. Поэтому, нужно поразмыслить, вдруг есть какая-то информация...

– Вы намекаете, что я должна его чем-то запугать? Вы в своем уме?

Тимур, стоявший рядом, встал между ректором и заместителем.

– Послушай, успокойся. Ты знаешь, я редко когда на стороне Вениамина. Но сейчас он прав. Выслушай его.

– Я немного... ознакомился с протоколом во время обеда...

– Да кому нужна эта высокопарность, скажи просто: подсмотрел в документы комиссии! – не выдержал Тимур. – Давай покороче, нервы у всех на пределе!

Портфельчик с осуждением взглянул на собеседника и снова обратился к Тарин:

– Так вот, я улучил минуту и... в общем, пока к нам нет существенных замечаний, в основном придирки к методическим документам, но не катастрофичные.

– Тогда на каком основании они могут не дать аккредитацию?

– Понимаете, в таких ситуациях обычно отмечают множество противоречивых замечаний, исправление которых весьма трудоемко и...

– Они просто заморочат нам голову, – снова прервал его Тимур. – А пока мы будем исправлять замечания, все сроки

выйдут.

– Что будет, если мы подадим апелляцию?

– Пока ты будешь доказывать, что не верблюд, слух о том, что мы не прошли аккредитацию, дойдет до родителей, и они заберут отсюда детей. Мы не сможем оправиться.

Тарин провела ладонями по лицу, словно отгоняя плохие вести.

– Кто еще об этом знает?

– Только мы трое. Нужно срочно что-то делать. Поэтому я согласен с Порт... Вениамином: тебе нужно решить, действительно ли здесь «ничего личного», как сказал твой друг. Ты можешь что-нибудь ему предложить в обмен на хороший отзыв?

Друг. Она подняла глаза:

– Хорошо. Я подумаю об этом. Вениамин, вы можете идти.

Тарин тяжело опустилась в кресло и протянула руку навстречу бокалу, который ей подал Тимур.

– Спасибо. Боюсь только, что еще пара таких проверок, и я сопыюсь.

– Тут коньяка на доньшке, больше я тебе и не налью, так что не переживай, – отпил он из своего бокала. – Кстати, ты сегодня хоть что-нибудь ела?

Вместо ответа Тарин отмахнулась от него.

– Если бы у тебя была такая «информация», как выражается мой заместитель? Как бы ты поступил?

– Не знаю, – Тимур не отвел взгляд. – Как думаешь, у тебя

не получится его просто убедить?

В ответ на отрицательное покачивание головой он продолжил:

– Значит, придется рискнуть и попытаться пройти аккредитацию своими силами.

– Ладно, – вздохнула она, – ты тоже можешь идти. Мне действительно нужно подумать, – Тарин отрешенно посмотрела на портрет отца.

В тот вечер, как и во многие вечера до этого, свет из кабинета ректора еще долго лился на темную улицу. Тарин вспоминала свои студенческие годы, их дружную компанию, общий научный проект, его трагическое окончание.

Ночью спать совсем не хотелось. Где-то вдалеке ухала сова.

Наутро начинался второй акт. Вениамин снова цаплей вышагивал вокруг проверяющих, ничем не выдавая своего внутреннего смятения. «Надо же, и просвещать их не забывал, и залезть в документы успел», – запоздало подумалось Тарин. В последнее время ее мнение в отношении заместителя по учебной работе поменялось. Он по-прежнему был ей неприятен, как лягушка, прыгнувшая на руку, но Тарин не могла не признать ту пользу, которую он приносил.

Ладно, об этом она еще успеет поразмыслить. На этот раз она застала Римуса в одиночестве сразу после обеда. На террасе они пробыли недолго.

– Не ожидал, – криво усмехнулся он, выслушав Тарин. –

Неужели тебе настолько важен этот колледж?

– Раз ты задаешь такой вопрос, значит, плохо меня знаешь.

– Гордишься собой?

– Нисколько.

– Хорошо, – Римус взялся обеими руками за перила. – Твоя взяла. Я постараюсь повлиять на исход дела, насколько возможно. Только как ты будешь жить со всем этим?

– Как живу с тем, что отчасти виновата в смерти наших друзей, – Тарин глянула вниз, на ногу, ожог на которой сейчас был скрыт под брюками. – Как живу с тем, что не знаю, жив ли мой муж. Как живу с тем, что уже несколько месяцев провожу с дочкой не больше чем пару часов в день перед сном.

Она помолчала немного и добавила:

– Так, как и ты живешь с тем, что присвоил диссертацию погибшего друга.

– Прости, что не звонил тебе, – его голос неожиданно потеплел. – Но, думаю, ты поймешь, если я и впредь не буду.

Вместо ответа Тарин кивнула и пожала протянутую ей руку. Мертвенно-бледная, она вышла из здания, пытаясь задушить голос совести. Сегодня она потеряла друга.

Навстречу по аллее шла Регина.

– Что-то случилось? – всмотрелась она в лицо Тарин. – Пойдем, я напою тебя чаем, – взяла она подругу под локоть.

– Мне бы чего-нибудь покрепче.

Они пили вино, сидели, как в старые времена, прямо на ковре Регины в общежитии и болтали о пустяках. Через пару часов такой терапии стало полегче, и Тарин направилась в свой домик. Анна, которая рисовала в гостиной, обрадовалась, подбежала и сильно-сильно обняла маму. До самого вечера они были вдвоем, играли в настольные игры и дурачились.

Марат приехал через несколько дней, когда слух о том, что колледж все-таки прошел аккредитацию, окончательно подтвердился. Он собрал всех, выступил с жизнеутверждающей благодарственной речью. Пообещал премировать участников проверки и обязательно посетить новогоднее мероприятие.

– Нужно поднять зарплаты преподавателям, – резко начала разговор Тарин, когда они остались вдвоем. – Вы были в бухгалтерии и знаете, что с оплатой у нас все в порядке.

– Посмотрим. Пока готовься: на днях я приеду с потенциальными спонсорами, надо их умаслить. В их фирмах сотрудникам давно пора пройти переобучение. Наклеиваются несколько контрактов.

– Мне нужно знать: могу ли я пообещать преподавателям что-нибудь конкретное? – она продолжала гнуть свое. – Люди работали по шестнадцать часов в день, чтобы мы смогли пройти аккредитацию.

– Ха! Похоже ты не видишь того, что творится у тебя под носом! Эти твои преданные преподаватели хотели тебя сме-

стить. Полюбуйся, – он достал из кармана пиджака сложенный вчетверо лист. – Прислали мне тут на днях кляузу. Требуют переизбрать ректора. Глупость, конечно, тем более анонимно. Как будто я обращаю внимание на эти бумажки. Но ты прошла мне аккредитацию, поэтому заслужила прочесть.

Читать Тарин не понадобилось. Достаточно было развернуть бумагу. Полосы на листе свидетельствовали не только о том, что картридж принтера нуждался в замене. Они говорили, что она лишилась еще одного друга.

IX

Когда твоя жизнь однообразна, время кажется застывшим, а ты в нем – словно муха в янтаре. Но если привычный ход перевернется с ног на голову, дни начинают проноситься со скоростью пули, выпущенной из ружья. Тарин моргнуть не успела, как за вереницей отчетов и совещаний подкралась сессия. Ректор в это время года популярен как никогда: звонки с просьбой не отчислять студента, приглашения на открытые занятия, участие в экзаменационной комиссии. Помимо перечисленного, нужно было заполнить журналы и ведомости по своему предмету. Поговорить с Региной ей удалось лишь перед самым мероприятием. Они столкнулись в коридоре, когда Тарин отдавала последние распоряжения Артуру:

– Лука планировал провести фотовыставку студенческих работ в холле, нужно ему помочь. Еще необходимо органи-

зовать дежурство уборщиц: из-за дождливой погоды пол на первом этаже в жутком виде. Передайте, что мы им потом доплатим. И, как всегда, охрана должна бдительно следить за тем, чтобы студенты не пронесли ничего лишнего на праздник.

– Естественно, о чем речь, – кивал тот головой.

– Все время хлопчешь о других, – подошла к ней Регина, – а о себе и подумать некогда.

– О чем ты?

– Как же, а платье? Ты же не будешь вечером опять в каком-нибудь костюме? Конечно, статус обязывает. Но в который раз вижу, как ты надеваешь что-то темное, прямо как..., – она осеклась.

– Прямо как мой муж, – закончила за подругу Тарин. – Наверное, ты права. Посмотрю, что у меня есть в гардеробе. Давай зайдем сюда, – она показала рукой на пустующую аудиторию. – Нужно поговорить.

– Конечно.

Они сели рядом, за одну парту. Пристально глядя в глаза Регине, она задала свой вопрос:

– Как ты могла?

На лице Регины сначала промелькнуло недоумение, но потом она побледнела и задержала дыхание. Она, несомненно, хотела продолжить игру в неведение, но по глазам Тарин поняла, что делать этого не стоит.

– Я знаю про письмо учредителю с требованием избрать

другого ректора. Я знаю про те отчеты, которые попадали на мой стол с опозданием или в устаревших формах, чтобы мы некрасиво выглядели в министерстве. А при аккредитации замечания были в основном к твоему отделу. Конечно, не серьезные, но дающие отличный повод все тому же министерству пристально присмотреться к нашему колледжу. Могу лишь предполагать, что звонки Марату, информировавшие его о делах колледжа за моей спиной – тоже твоих рук дело.

Тарин размеренно выстреливала жесткими колючими словами. Ее синие глаза были холодны как лед.

– Я думала, Вениамин злится на меня, потому что ему обещали кресло ректора, но я ошибалась. Он просто выскочка, мечтающий о невозможном. Марат хотел отдать должность тебе, не так ли? А ты испугалась ответственности и решила собрать команду верных работников. Только ты понятия не имела, что Кира – родственница Марата, и когда она услышала, о моем участии в конкурсе, уговорила его избрать ректором меня.

В коридоре неожиданно раздался взрыв хохота. Ребята, украшающие к празднику стены, хохмили и дурачились – сессия была позади, скоро они должны были отправиться домой, к родным.

Теперь лицо Регины полыхало, щеки были под цвет ее волос:

– Что теперь? Выгонишь меня или заполнить заявление

на увольнение по собственному?

Тарин вздохнула и откровенно призналась:

– Самое интересное, что выбирать будешь ты. Ты потратила столько сил, вставляя мне палки в колеса, что не понимаешь очевидного. Я и колледж – это одно и то же, Регина. Если решишь остаться здесь, значит, работаешь под моим руководством. Если ты против меня – я тотчас подпишу твое заявление.

Тарин встала из-за парты, все такая же маленькая и тоненькая, но все такая же несгибаемая.

– Мне нужно идти. Даю тебе подумать до конца дня.

В свой кабинет она попала не сразу. Сначала пришлось поспорить с Вениамином, который настиг ее в холле. После того, как его помощница стала помогать в работе центра дополнительного образования, Портфельчик стал жаловаться на нехватку рабочих рук при каждом удобном случае. В середине учебного года выделить сотрудника для своего заместителя Тарин никак не могла, но тот не хотел этого слышать. Пришлось в очередной раз осадить переходящего на высокие визгливые ноты Вениамина.

В приемной секретарь протянула ей конверт со множеством штампов. Хватило одного лишь взгляда, чтобы понять, откуда он. Тарин задумчиво повертела конверт в руках и оставила лежать на столе нераспечатанным.

В дверях показался Тимур.

– Я принес тебе проект речи.

– Речи?

– Ректор должен сказать несколько слов перед началом вечера. Поблагодарить отличившихся, вручить благодарственные письма и грамоты, напутствовать перед каникулами.

– Точно, – осенило Тарин. – А я даже не подумала...

– Не страшно. Если бы ты была ректором лет пять, вот тогда бы это выглядело странно. Что это? – он посмотрел на конверт.

– Пустяки. Ответ от очередного детективного агентства. Давай речь, я посмотрю.

– Ничего себе пустяки, – присвистнул он, протягивая листы. – Открыть не хочешь?

– Успеется. Мне еще нужно посмотреть, как украсили зал, и спуститься в столовую, проверить, успевает ли Агата с канapé и таргалетками для шведского стола.

– Это тебе ответит любой, кто был сегодня в правом крыле корпуса. Там витают такие соблазнительные запахи, что я на твоем месте лучше попросил Артура выставить там охрану.

– К сожалению, охрана нам нужна по периметру, чтобы студенты не буянили и не переотмечали сегодняшней праздник, – улыбнулась Тарин. – Я, кстати, хотела тебя поблагодарить.

– Что я натворил? – насторожился он.

– Ты меня не слушал. Спорил. Возражал. Подвергал сомнению мои решения. В общем, делал все то, что я терпеть не могу, но что мне так необходимо.

– Что ж, всегда пожалуйста, – Тимур немного смутился. – Обращайся.

– Позвольте, – в кабинет торопливо вбежал Вениамин. – Пришел факс. Сегодня необходимо приехать в министерство на совещание!

– Да они издеваются! – выпалил Тимур. – Если ты сейчас уедешь, то вернешься поздно вечером!

– Придется ехать, других вариантов все равно нет. Только надо придумать, кто присмотрит за дочерью, Агата очень занята.

– Не нужно ничего придумывать. Я поеду вместо тебя, – предложил Тимур.

– Позвольте, но я тоже могу вас заменить, – вмешался Портфельчик. – Думаю, я принесу гораздо больше пользы на совещании, чем... ваш новый заместитель, – он с презрением выдал из себя последнюю фразу.

– Тоже можно сказать и о тебе, – фыркнул в ответ Тимур.

– Хватит, – Тарин подошла к ним обоим. – Избавьте меня впредь от ваших перепалок в моем кабинете. Вам придется научиться работать друг с другом, хотите вы этого или нет. А что касается совещания, то Вениамин отправляется вместо меня.

Маленький человечек высокомерно взглянул на противника и тотчас выскочил в коридор под не предвещающим ничего хорошего взглядом Тимура.

– Серьезно? Давно ты стала ему доверять?

– Ты должен кое-то узнать, – и она рассказала о том, кто на самом деле за всем стоял и о своем разговоре с Региной.

– Я бы выгнал ее безо всяких альтернатив, – ответил, выслушав, Тимур. – Она предала тебя, и не заслуживает второго шанса.

– Тогда и ты не должен сидеть в этом кресле, – заметила Тарин. – Если помнишь, недавно я тоже дала шанс одному преподавателю.

Он перевел взгляд серых глаз на ее лицо:

– Верно. Но сейчас я с тобой не согласен.

– Именно поэтому ты здесь, – спокойно ответила Тарин. – Не забывай, что Регина хотела просто меня сместить. Не она дала команду об отзыве нашей аккредитации. Кто-то гораздо влиятельнее хочет, чтобы колледж закрыли. Тот, кто вхож в министерство и может диктовать свои условия тамошним чиновникам.

– Тогда все снова указывает на Портфельчика! А он прямо сейчас катит на служебной машине на совещание! – с раздражением отозвался Тимур.

– Сомневаюсь. В любом случае долго скрываться у него не получится.

Она повернула голову к окну, где дождь сердито хлюпал по стеклам. Подошла к столу, дотронулась до конверта, но так и не решилась взять его в руки.

– В этом письме или важные новости о моем муже или очередная бумага-отписка. Последние приходят все чаще, а

я не хочу портить себе настроение. Тяжело постоянно разочаровываться... Ладно, мне действительно нужно идти.

На улице от холода у Тарин сразу начали стучать зубы, поэтому дорогу к своему домику она преодолела очень быстро. Анна задолго до праздника выбрала себе наряд, он красовался вместе на тумбе возле ее кровати. Подросший котенок играл с бусинками бальных туфельек. Тарин сделала девочке прическу и остановилась в раздумье возле своего шкафа. Давно у нее не было повода надеть вечернее платье.

Она все еще не могла определиться, когда в дверь постучали. На пороге стояла Регина. Без сомнения, она недавно плакала и теперь стояла, не решаясь ничего сказать.

– Можешь сделать мне прическу? – мягко спросила Тарин.

Регина шмыгнула носом, кивнула и уткнулась лицом в плечо подруги.

– Прости меня, – прошептала она. – Мое будущее назначение вскружило мне голову, я уже представляла, как буду распоряжаться здесь, и вдруг.... Я не понимала, что творю....

– Ух ты, тетя Регина! – обрадовалась Анна, которая выглянула посмотреть, кто же к ним пришел. – Вы тоже идете на праздник?

– Конечно, – вытирая глаза, ответила та.

Они втроем прошли внутрь и появились в главном корпусе одновременно с Маратом. Он приехал со своим знакомым, солидным пожилым мужчиной, судя по всему, очеред-

ным потенциальным заказчиком. Увидев Тарин, Марат слегка цокнул языком. Тем вечером ректор сменила свой костюм на облегающее бархатное платье в пол, глубокого изумрудного цвета, открывающее ее плечи.

– Не перестаешь меня удивлять, – вместо приветствия заявил он. – Давай, пусть пока нашего гостя займут, мы пойдем поболтаем.

Тарин оставила дочь с Региной, нашла глазами Тимура и кивнула гостя. Больше ничего не потребовалось: Тимур подмигнул в ответ и направился к цели.

Как только Тарин прикрыла дверь, она услышала от учредителя похвалу. Но она знала: нужно быть настороже. За пряником обязательно последует кнут. Ее опасения нашли подтверждение буквально через минуту. Объясняя, что в этом году колледж еле-еле выходит на нулевую прибыль при всех вложениях в него, Марат отказался поднимать преподавателям зарплаты. Те деньги, которые принес центр дополнительного образования за первый месяц, его не впечатлили, как, впрочем, и угроза увольнения педагогов. Обещаниям он тоже не верил. Требовалось нечто большее, чтобы побудить его повысить оплату труда. Тарин пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы вести себя достойно.

– Хочешь сказать, что отдашь свою зарплату на повышение их зарплат? – хмыкнул он.

– Да. Потому что уверена: к лету мы отобьём эти деньги.

– Готова поставить на кон свое кресло? – азартно прищу-

рился Марат.

– Да. Мы выкарабкаемся или я уволюсь.

– Не волнуйся, в этом случае я сам тебя уволю, – парировал Марат. – Будь по-твоему. Если к концу лета колледж выйдет в плюс, я возьму тебе деньги. Если нет – ты уходишь отсюда ни с чем, – он протянул руку.

Ответное пожатие было твердым и коротким.

– Чуть не забыл. Ты в последнее время жаловалась на новую преподавательницу, как ее, Нину. Если она тебе не нужна, увольняй, нечего здесь заниматься благотворительностью.

Тарин бросила взгляд на Марата. Очевидно, он захотел избавиться от девушки.

– Знаете, я, кажется, погорячилась. Она стала неплохо работать, сейчас не к чему придраться.

– Смотри сама, – он недовольно пожал плечами. – Но если еще от кого-то про нее услышу, пожалеешь.

– Договорились, – Тарин выдержала его сверлящий взгляд. – Нам пора. Мероприятие начинается.

На удивление вечер прошел спокойно. Пара стычек студентов друг с другом уже давно были рядовым событием на такого рода праздниках. Ирма пристально наблюдала и погашала эмоциональные очаги возгорания. Регина танцевала с Анной, развлекала девочку как могла. В другом конце зала Лука оживленно о чем-то общался с Эммой, помощницей Портфельчика. Тарин заметила, что Нина несколько раз без-

успешно пыталась обратить на себя внимание учредителя. Решившись на отчаянный шаг, девушка пригласила на танец преподавателя физкультуры, но особых плодов ее попытка не принесла. Кира держалась особняком, с саркастическим видом оглядывая танцующих. Видимо, подбирала едкие эпитеты для современной молодежи.

Тарин вышла в холл, чтобы немного отдохнуть от громкой музыки. На стендах была представлена выставка фоторабот. Фотографии студенческой жизни, яркие и живые, вызвали у нее улыбку. Возле последнего стенда Тарин невольно задержалась. У Луки определенно был дар: он запечатлел сотрудников колледжа во время будничных дел. Агата месила тесто. Облако мучной пыли роилось вокруг нее, а белое пышное тесто вместе с дородной фигурой старушки создавали ощущение дома, уюта и тепла.

Регину он подстерег на одном из собраний, когда она слушала выступление ректора. И то, что Тарин нужно было заметить уже давно, было на фото очень точно подмечено: суженные глаза, сжатые челюсти, закрытая поза – все говорило о неприятии руководства, недовольстве и зависти.

Нина прихорашивалась у зеркала, возле гардероба. Молоденькая преподавательница застыла на пике самолюбования, в восторге от своей внешности, а рядом стояла пустая расписная ваза.

Эмму фотограф застал в кабинете, сторбившейся над кучей бумаг, но снял он ее расплывчато, наведя фокус на фи-

гурки у нее за спиной, на подоконнике: миниатюрную Эйфелеву башню, египетскую пирамиду, деревянные голландские башмачки, красный китайский фонарик...

Тимур читал лекцию. Он только что начертил на доске какую-то схему, его рука еще держала мел. На лицах сидящих студентов была неподдельная заинтересованность. Однако сам преподаватель повернулся на секунду в сторону окна, увидев там что-то интересное. Эту секунду и уловил Лука. Лицо Тимура, повернутое к окну, словно светилось изнутри.

На глаза Тарин навернулись слезы. Себя она тоже увидела. Она не была в своем кабинете, куда в последнее время почти переехала. Она не стояла у кафедры, распекая подчиненных. На фотографии она встречала дочку из школы, у кованых ворот колледжа. Автобус уже начал отъезжать, и девочка бежала навстречу сидящей на корточках Тарин, раскинувшей руки для объятия.

– А я отказался фотографироваться, – раздался гнусавый голос за ее спиной. – Я, знаете ли, плохо получаюсь на фотографиях.

– Могу себе представить, – она перенеслась в сегодняшний день и повернулась к Вениамину. – Что слышно в министерстве?

– Ничего интересного. В основном новости для воспитательного отдела. Позже я перескажу Ирме содержание беседы.

– Отлично. Праздник в самом разгаре, проходите в зал.

– Только если вы составите мне компанию, – неожиданно ответил он. – Можно вас пригласить на танец?

– Меня? – изумилась Тарин. – Что ж, почему бы и нет, – пожала она плечами.

Портфельчик церемонно предложил ей руку. Танцевал он достаточно неуклюже, но большое внимание уделял тому, чтобы не наступить партнерше на ноги.

– Я редко это делаю, – проронил он, – но все же должен признать: Марат оказался дальновидным человеком. Вы переживаете за судьбу колледжа как никто другой. Если у кого и есть шанс поднять его с колен, так это у вас.

– Благодарю, – слегка растерялась Тарин и стала ждать, что потолок обвалится ей на голову. Услышать такие слова от Портфельчика она никак не ожидала.

– Но это не значит, что мы с вами друзья, – пафосно продолжил он. – Мы всего лишь преследуем одинаковые цели.

– Не возражаю, – ответила Тарин. – Этого более чем достаточно.

Позже она попросила Регину увести дочку домой. У девочки уже слипались глаза. Тарин проводила последних гостей, оставила Артура отвечать за уборку и только тогда поднялась к себе наверх.

– Не помешаю?

Тимур застал Тарин сидящей в своем вечернем платье прямо на полу, на мягком ковре посреди кабинета. Она дела-

ла пометки в бумагах, окружавших ее со всех сторон. Невдалеке лежали туфли.

– Присоединяйся, – она подождала, пока он усядется по-турецки рядом. – Извини за неудобство, но мне перестало хватать места за столом, – она развела руками. – Представляешь, мне удалось убедить нашего хозяина немного увеличить заработную плату. Вот сижу теперь, просчитываю. И от твоей помощи я не откажусь. Кстати, я же тебя еще не поздравила. Или ты думал, что я не узнаю о твоём дне рождения? Я как-никак ректор, – Тарин подмигнула и потянулась за подарочным пакетом. – Ничего такого, всего лишь бутылка вина.

– Давай тогда сразу ее откроем. Настроение ни к черту, – потянулся он за бокалами.

– Как скажешь. Но, может быть, ты захочешь отпраздновать день рождения с близкими? Я заметила, что ты совсем не берешь выходных, чтобы уехать за пределы колледжа. Твои родители еще живы?

– Отец жив, – кивнул Тимур, открывая бутылку, – но мы давно не общаемся. Слушай, тебе нужно еще установить холодильник, и тогда можно будет здесь поселиться, – нарочито весело продолжил он.

– По-моему, я и так уже здесь поселилась, – усмехнулась Тарин. – Не старайся перевести тему. Почему вы не общаетесь?

– Долгая история. Он очень властный человек, а я, как

видишь, бунтарь. Мы слишком разные.

– Знаешь, я тоже думала, что совсем непохожа на своего отца, – призналась Тарин, принимая бокал. – Я долго его не понимала и не могла простить ему многие вещи. Пока не встала на его место. Буквально. И я рада, что, в конечном счете, мы сблизились, и у нас было несколько лет до его ухода, чтобы быть вместе.

– Мне такое не грозит. Моему отцу осталось несколько месяцев жизни.

– Тогда ты тем более должен с ним поговорить! – встрепенулась Тарин. – Ты будешь жалеть, если не сделаешь этого!

– Он не позвонил мне, чтобы поздравить с днем рождения, а ты предлагаешь поговорить. Не о чем нам говорить, – жестко отрезал Тимур.

– Это же простая гордость. Он не хочет первым делать шаг, впрочем, как и ты. Но кто-то ведь должен быть умнее!

– Ты вот даешь мне советы, а сама боишься открыть простой конверт, – он кивнул на стол. – Ты прошла аккредитацию, зубами выгрызла у Марата повышение зарплат преподавателям, и при этом не можешь собраться с духом и узнать, что лежит внутри!

Глаза Тарин округлились, и она уже готова была начать новый спор, как вдруг ее осенило:

– Давай так: я открою конверт, если ты поговоришь с отцом – она потянулась за телефоном. Идет?

Тимур раздумывал несколько секунд, внимательно смот-

ря на нее. Прическа, еще недавно элегантно уложенная, рас­трепалась, и теперь непослушные локоны вились по ее пле­чам, цепляясь за длинные серьги. На раздумяненном от вина лице решительно блестели синие глаза.

– Идет. Но только после тебя, – галантно склонил он го­лову.

Когда Тимур закончил телефонный разговор, Тарин все еще сжимала в кулаке злосчастное письмо. Ничего нового, как она и подозревала. Впрочем, она уже давно привыкла к боли, которую причиняли ей эти письма. Жить с болью для нее было все равно, что держать котенка Анны за пазухой: он, конечно, пригрелся в тепле, притих, и лишь слегка скреб­ся, но иногда ни с того ни с сего высовывал мордочку и жа­лобным мяуканьем напоминал: я еще тут, никуда не делся, и не денусь никогда....

– Он зовет меня в гости, – положил трубку Тимур. – Не горю желанием, конечно, но нужно забрать мои чертежи ма­шин Голдберга. Давно хотел это сделать.

– Конечно, поезжай. Наступают каникулы. А что такое ма­шина Голдберга?

– Шутишь?

– Нет, – Тарин растерянно на него посмотрела.

Следующие полчаса он рассказывал ей о простейших ме­ханизмах и цепной реакции. Тарин слушала и понимала, по­чему студентам и даже ее дочке так нравится слушать Тиму­ра. Тарин не подозревала, что он заметил перемену в ее на­

строении и попытался немного ее отвлечь. После он помог ей с расчетами для бухгалтера.

С момента своего повышения Тимур тоже часто задерживался в корпусе, поэтому у них возник своеобразный ритуал: если время было позднее, он провожал Тарин к домику и прощался у крыльца. Иногда, когда Анна еще не спала, Тимур заходил пообщаться с девочкой.

Прощаясь, Тимур всегда говорил «до завтра». Тарин не любила эту фразу. Она ей не доверяла. Вернее, не доверяла жизни. Потому что жизнь научила Тарин, что завтра могло и не быть. Или быть совсем не таким, как она ожидала. Поэтому, услышав знакомое «до завтра», она просто кивнула головой и вошла в дом. Она подошла к письменному столу в гостиной, открыла ящик. Вытащила из кармана смятое письмо, слегка расправила и кинула к остальным. Не раздеваясь, она рухнула на кровать лицом в подушку. В темноте спальни мерно отсчитывали время часы.

Х

Через пару дней студенты и основная часть преподавателей разъехались на каникулы. В колледже стало гораздо тише. У Тарин, наконец, получалось спокойно завтракать дома. В одно такое утро, когда она уже намазала теплый хрустящий тост маслом и добавила немного молока в черный кофе, раздался торопливый стук. Накануне ночью шел мокрый снег, и Тарин еле отворила дверь. Отряхивая сапоги, на

крыльце топтался Артур. Его куртка, застегнутая через одну пуговицу, шапка, съехавшая на бок, растерянное лицо – все говорило о том, что старичок принес плохую новость. Оказалось, в котельной отказало оборудование, и нужно срочно найти причину, пока они все не замерзли. Дожидаясь когда Тарин оденется, ее заместитель приговаривал:

– А я говорил, что нужен ремонт! Вот и сэкономили! Нет, ты подумай, как нам повезло: сейчас каникулы, в общежитии почти никого! Если бы это случилось дней пять назад, не знаю, как бы мы выкручивались. Плохо только, что сегодня суббота, я уже обзвонил всех кого мог, но по такому снегу да еще в выходной никто не хочет ехать.

– Тогда что можно сделать? – Тарин появилась в гостиной в длинном свитере.

– Нужно расчистить дорогу и послать кого-нибудь в город за мастером. А пока кумекать своими силами, иначе мы все замерзнем. Но почти все рабочие и охранники в отпуске.

– Тогда созываем всех, кто есть. Я обегу домики и общежития, а вы доставайте лопаты и остальной инвентарь. В городе дороги расчистят быстро, поэтому все зависит от нашей скорости. Скажите Агате, пусть включает плиту – нужно заварить много чая!

И вот так этот день стал одним из самых ярких в ее жизни за последнее время. Никто не отказался помочь. Лука, худой, но как оказалось, очень жилистый, почти без остановки орудовал широкой лопатой. Снежные шапки, пыхтя, валились

на обочину. Рядом шуплая Эмма в карикатурно огромных сапогах трамбовала искрящийся на солнце снег. Несколько молодых преподавателей смеялись и дурачились от избытка жизненной силы. Сначала Тарин взирала на все это с осуждением, ведь была дорога каждая минута. Но потом и сама исподтишка запустила снежок в играющую недалеко дочку, жалея, что Вениамин уехал на Новый год к своей матери. Уж она бы не промахнулась...

Размечтавшись, она сделала невольный шаг в сторону и тотчас ушла в снег по пояс. Пару секунд Тарин пыталась ухватиться за чалый кустик у дороги и выбраться сама, но после увидела протянутую руку Луки. Одним рывком он помог ей подняться, отряхнул одежду и с мягкой улыбкой вернулся к работе.

Через несколько часов послышался шум мотора. Навстречу, разгребая горы снега, двигался бульдозер! Они приостановили работу, бросили лопаты, и возликовали: помощь была близко! Тарин заслонила солнце рукой в хозяйственной перчатке и внимательно всмотрелась вдаль. Бульдозер был совсем рядом. Наконец, он остановился. Дверь со стороны пассажирского сиденья открылась, и на землю спрыгнул Тимур.

– Ни за что не догадаешься, кого я встретил по пути на работу, – подмигнул он ей.

– Только не уверяй меня, что тебя просто подвезли, – улыбнулась Тарин. – Ты же еще пару дней должен быть в от-

пуске.

– А я соскучился, – шутливо ответил Тимур. – Не возражаешь? Решил показать одному моему хорошему знакомому колледж, – он обернулся и призывно махнул рукой. – Этот парень просто обожает чинить всякие штуки: двигатели, котлы...

– Ты привез мастера! – ахнула Тарин. – Что бы мы без тебя делали!

– Артур позвонил мне, когда я собирался выезжать, так что все очень удачно сложилось. Надеюсь, нам хотя бы за это нальют по чашке горячего чая, – кивнул он на термос.

К вечеру отопление снова заработало. На ужин Агата собрала всех в столовой. Когда она вынесла вместе с глинтвейном воздушные рассыпчатые слойки, сырный пирог и плюшки в лимонной глазури, все словно обрели второе дыхание, хотя за пять минут до этого клялись, что больше в них не поместится ни крошки. Разошлись за полночь, уставшие, но довольные. Артур еще за столом клевал носом: он не выходил из котельной целый день. Лука пообещал сам проверить охрану и общежития, чтобы старичок смог пойти домой побыстрее. Агата взяла мужа под руку, и они трогательно засеменили по направлению к своему домику.

Тимур, который и сам валился с ног, предложил отнести уснувшую прямо за столом Анну домой. Девочка даже не почувствовала, как ее перенесли на кровать.

– Как отец? – спросила Тарин, выйдя с ним на ступеньки.

– Держится, – почти не разжимая губ, ответил он.

– Жаль, что ты не смог остаться подольше.

– Зато я не жалею. Ты, оказывается, не можешь прожить даже пару дней, чтобы не влипнуть в неприятности, – попытался пошутить Тимур, спускаясь по ступенькам.

Но Тарин знала, что он не собирался так рано возвращаться. Артур рассказал, как позвонил Тимуру наудачу, а тот бросил все свои дела и объехал полгорода в поисках мастера и бульдозериста, затем долго уговаривал последнего ехать за город. Она смотрела, как фигура ее заместителя растворяется в сумраке снежной ночи и вспоминала, когда в последний раз с ней был рядом человек, готовый прийти на помощь в любую минуту. Уже очень много лет она привыкла решать проблемы сама, не надеясь на других. Но сегодня по ее просьбе преподаватели и рядовые специалисты оставили свои дела, и без тени недовольства вышли с лопатами за ворота. Это было очень важно для Тарин, словно ей, уже давно застрявшей в глубоком снегу, наконец, на самом деле протянули руку.

Через неделю в колледже вновь стало многолюдно. Вернувшийся Портфельчик совсем не выглядел отдохнувшим и всего за пару дней успел сделать выговор своей помощнице по какому-то пустяку, указать преподавателям на их недочеты в проведении лекций, хотя за это отвечала Регина, и, конечно же, схлестнуться с Тимуром прямо на совещании. Поэтому когда Тарин, ведя занятие по биологии, увидела, как к

ней в аудиторию заглядывает заместитель по учебной работе, она сжала губы и раздраженно вышла в коридор.

– Что случилось, Вениамин?

– Я решил довести до вас информацию о том, что преподаватель истории сорвал занятия.

– Лука? Каким образом?

– Он не появился на лекции. Заранее меня не предупредил, а заменить его некем. Возникла необходимость отправить студентов в библиотеку для самостоятельного изучения материала.

– Попросите лучше в воспитательном отделе Ирму, пусть она посидит с ними в аудитории. Вы выяснили, где Лука?

– Нет, но есть некие предположения..., – человек замялся.

– Скромность у вас плохо выходит, – нетерпеливо проговорила Тарин. – Договаривайте: есть подозрения, что он выпивает?

– Весьма вероятно, – высокопарно высказался Вениамин. – Он пропускал занятия и в том семестре, и тоже всегда внезапно. Я всегда даю преподавателю шанс исправиться, – горделиво распрямил он плечи. – Однако и моему терпению наступает конец.

– Я вас поняла, можете идти.

Тарин закончила лекцию и отправилась в мужское общежитие. Комендант, пожилой старичок со слезящимися глазами, при виде начальства поспешно отставил кружку с ча-

ем в сторону. Он оправил низ форменной куртки, с которой посыпались мелкие хлебные крошки, и поднялся со стула. В толстых стеклах его очков промелькнуло удивление.

Когда Тарин поднималась по лестнице, сердце билось неровно. Со времени ее последнего визита здание обветшало, несмотря на старания Артура и его команды. Старые, хоть и недавно окрашенные двери, перила рассохлись и скрипели. Проемы окон местами подновили, замазали штукатуркой и точно побелили, но разница в цвете все равно бросалась в глаза. Да и рамы нужно было уже менять, в коридорах было прохладно, несмотря на работающее отопление. Летом обязательно нужен был ремонт. Она невесело вздохнула, предчувствуя новые баталии с главным бухгалтером по поводу расходования бюджета.

Дверь Лука открыл не сразу. Он растерянно стоял в дверях, наспех расправляя закатанные до локтя рукава рубашки, но Тарин все равно успела заметить кусочек татуировки, нанесенной на внутреннюю часть его левой руки. В небольшой, затененной шторами комнате она застала творческий беспорядок: повсюду лежали книги вперемежку с бумагами, фотооборудованием и одеждой. Лука не был пьян, это можно было сказать вполне определенно. Он сослался на внезапное обострение бронхита, хотя Тарин не увидела в комнате никаких лекарств. Пришлось проявить твердость и пригрозить дисциплинарным взысканием в случае, если преподаватель не предоставит в ближайшее время подтверждение от меди-

ка. Но во время беседы она не сердилась по-настоящему. Тарин произносила слова машинально, а сама в это время пыталась понять, что вызвало у нее смутную тревогу. Ответ никак не хотел находиться, как будто она пыталась вспомнить название книги, прочитанной очень давно, а оно ускользало из памяти.

На обратном пути она все еще мучилась этой загадкой и шла медленно, носком ботинок поддевая снежные хлопья, оседавшие на дорожке. Но когда она подняла голову, сразу забыла про навязчивую мысль. Возле живой изгороди, опоясывающей главный корпус, Тимур коршуном налетел на незнакомца. О чем они говорили, слышно не было, но судя по жестам и мимике, заместитель по развитию был в ярости. Он резко размахивал руками и, видимо, еле сдерживался, чтобы не выгнать противника с территории взашей. Тарин поспешила к ним, но момент был упущен: незнакомец успел ретироваться.

– Что ты вытворяешь? – с недоумением выкрикнула она, подходя ближе. – Кто это был?

– Не важно, – хмуро ответил Тимур, все еще бледный от злости.

– Что значит «не важно»? Объяснись!

– Поверь, тебе лучше не знать, – в его серых глазах Тарин увидела неумолимую твердость.

Он мягко высвободился (она сама не заметила, как схватила его за рукав пальто) и проследовал за незнакомцем, бро-

сив через плечо:

– Пойду, прослежу, чтобы он больше здесь не появлялся.

Тарин была возмущена, но понимала, что Тимур упрям и горд, и ничего больше от него не добьешься. Почти неделю она не могла себя пересилить и разговаривала с ним холодно и односложно. Когда они все-таки встретились, то сильно поспорили по другому поводу. Тимур снова проявил инициативу и не посоветовался с ней. Его давняя идея организовать публичные лекции известных личностей не давала ему покоя. Тарин неоднократно обращала внимание заместителя на трудность реализации такой задачи. Она была против привлечения на закрытую территорию колледжа, где она отвечала за безопасность обучающихся, посторонних слушателей. Вениамин полностью поддерживал ректора, так как возможные корректировки расписания приводили его в ужас. Артур однозначно заявил, что возможности охраны небезграничные. Тем не менее, однажды днем Тимур вошел в ее кабинет, победно потрясая письмом от известного писателя, который давал согласие на проведение лекции. Естественно, Тимур не обнаружил у начальства признаков ликования, а его пререкания еще больше разозлили Тарин. Каждый остался при своем мнении. Однако она ценила вклад своего заместителя в развитие колледжа и понимала, что не стоит пресекать инициативу.

По вечерам, когда телефонные звонки и посетители отступали, словно волна перед новым приливом, она как все-

гда перебиралась из своего кресла на кожаный диван и разбирала кипы отчетов, служебных записок, проектов приказов и положений.

Марат за последнее время в колледже почти не появлялся – его устраивала прибыль, которую приносил отдел Тимура. Реклама начала работать, и Тарин уже подписала несколько договоров с различными организациями на повышение квалификации их сотрудников. Регина заглядывала редко, она теперь появлялась в кабинете ректора только по рабочим вопросам. Как она ни старалась, между ними все-таки возникла отчужденность, которую было нелегко преодолеть.

Ирма, начальник воспитательного отдела, тоже работала допоздна. Вокруг нее постоянно крутились студенты, как планеты вокруг своего светила. Бесконечные репетиции, кружки, спартакиады, волонтерское движение – Тарин была рада, что такой большой пласт работы в надежных руках.

Все же в один из вечеров Ирме понадобилась помощь Тарин. Женщина вошла в кабинет с листком в руках.

– Прошу прощения, но без вас мне никак не обойтись.

Пока Тарин читала докладную, Ирма решила высказаться:

– Знаете, в нашем колледже каждый день что-нибудь случается. У меня даже появилась примета: если на несколько дней наступило затишье – жди беды. Сейчас как раз такой случай.

– Бред какой-то, – Тарин поднялась с места. – Какая взятка? Не мог он так поступить.

– Тем не менее, студент настаивает. Более того, он признался мне, что родители уже были в прокуратуре и написали заявление о вымогательстве. Я вам хочу сказать, та еще семейка, вечно им все не так, по любому поводу поднимают смуту и обрывают телефон. А когда звонишь им, что их чадо плохо учится, им то некогда, то кричат, что это наши проблемы. Жду-не дождусь, когда он выучится.

– Этот парень плохо учится?

– Насколько я знаю да. Чуть не исключили перед новым годом за долги, но потом разрешили пересдать сессию.

– Секретарь уже ушла. Я могу вас попросить: пусть Вениамин принесет журнал и ведомости группы, где учится это парень. И пригласите, пожалуйста, Артура ко мне.

Тарин проводила взглядом ушедшую женщину и вернулась в свое кресло. Предстояло еще поработать.

Вениамин, бледнея, выслушал ректора, потом схватился за голову и запричитал:

– Это же повод к проверке, понимаете, к внеплановой проверке! Все походы в министерство, подарки, заискивание перед этими чиновниками! – казалось, он, словно закипающий чайник, истерично дребезжит крышечкой, выпуская пар. – Я не для того столько обивал там пороги!

– Я вас прекрасно слышу, – сдержанно продолжила Тарин. – Вы мне конкретно скажите, что у него с успеваемостью.

– Моя помощница выписала ему бегунок. Если студент не

сдаст физику, он, несомненно, вылетит из колледжа.

– То есть, вероятность того, что он вместе с родителями просто решил убрать преподавателя с дороги, все же существует?

– Конечно, но только как вы это докажете?

– Для этого я позвала вас, – Тарин повернулась к Артуру, сидящему за столом для совещаний слева от нее. – Берите у Вениамина расписание занятий, затем записи с камер видеонаблюдения и ищите все, что нам поможет. Желательно как можно *уже* очертить временной диапазон, когда это предположительно могло случиться. Если к нам придут из прокуратуры, мы должны быть готовы.

– Конечно, – энергично закивал старичок. – Прямо сейчас и займусь. Только... ты.. вы же не собираетесь его выгонять, верно? – ввернул он. – Тимур хороший парень. Он никогда бы так не поступил. Чего стоит то, как он гоняет этих журналюг от колледжа.., – тут Артур осекся.

– Каких журналюг? – насторожилась Тарин.

– Не важно, не обращай внимания, – попытался отмахнуться он, но глядя в холодные синие глаза, сдался. – Ну, пытались тут вынюхать какие-то ребята пару раз, чем ты занимаешься, как дела у тебя. Наверное, очередную статейку хотели тиснуть. Главное, на входе представляются родителями, к тебе, мол, на встречу записаны, а потом давай шнырять по колледжу. Но ты не переживай, я охранникам уже выволочку сделал, больше они и мухи не пропустят, – виновато

признался старичок, грозно потрясая кулаком.

– Что ж, теперь картина прояснилась, – усмехнулась Тарин. – Ладно, вы свободны. Вениамин, а вы готовьтесь на всякий случай к проверке, – она перевела взгляд на все еще потрясенного заместителя.

На этот раз она оказалась в женском общежитии. Регина была у себя. Судя по состоянию рабочего стола, она проверяла самостоятельные работы студентов. На полях красными чернилами были надписаны правильные формы неправильных глаголов.

– Кофе хочешь? – предложила женщина. Ее мягкая флисовая пижама цвета баклажана изумительно сочеталась с медными, слегка растрепанными волосами.

– Не откажусь. Я надеялась, что ты не спишь, – Тарин опустилась на стул.

– Как всегда в это время, – пожала плечами Регина, протягивая чашку. – Что-то случилось?

– Да. Я к тебе за помощью. Я же ничего не путаю, твой сын работает в прокуратуре сейчас?

– Верно. А в чем дело? – насторожилась она

Тарин пришлось снова обрисовать возникшую ситуацию.

– Поэтому мне может пригодиться любая помощь, – закончила она. – Есть шанс узнать, в какой стадии эта жалоба сейчас, у кого она находится, как можно все уладить, не поднимая шума?

– Не знаю, – отозвалась Регина. – Конечно, плохо, что на

колледж падает тень, но может, тебе проще уволить Тимура, пока скандал не вышел за пределы наших стен? Найдем другого преподавателя.

– Он ведь не только преподаватель, он еще руководит центром обучения, который стал приносить неплохие деньги. И это была полностью его идея. Да и какой же я руководитель, если не буду биться за каждого своего работника?

Регина вздохнула и нехотя произнесла:

– Ты, конечно, меня извини, но, по-моему, Тимур слишком быстро взлетел по карьерной лестнице. Буквально за пару месяцев, от рядового сотрудника до твоего заместителя. Я не раз видела, как он по утрам встречает тебя на аллее со стаканом кофе из нашей кофейни. Вечером вы часто засиживаетесь допоздна в твоём кабинете. Ты постоянно спрашиваешь его мнение на совещаниях. Может, ему не стоит так слепо доверять?

– Как показала жизнь, мне вообще не стоит никому доверять, – многозначительно посмотрела на нее Тарин. – Я пришла не за наставлениями, а за помощью. Я могу на тебя рассчитывать?

– Я ничего не обещаю, – после продолжительного молчания ответила Регина. – Завтра я позвоню сыну и узнаю, можно ли что-нибудь сделать.

– Тогда я буду ждать, – Тарин поднялась на ноги. – Спокойной ночи.

Нет, подругами их теперь можно было назвать лишь необ-

думанно. Тарин вышла во двор, в объятия морозного ночного воздуха. В черничном небе ярко и тонко светили холодные звезды. Пора было, наконец, отправляться в свой домик.

На следующее утро Вениамин влетел в ее кабинет, шумно опустился на стул и попытался, преодолевая одышку, что-то сообщить. Он слегка ослабил галстук на рубашке и, хватая ртом воздух, напомнил ей рыбу, выброшенную на берег.

– Я же говорил! – наконец, получилось у него. – Я предупредал!

– Можно конкретнее? – Тарин смерила его отрезвляющим взглядом.

– Я был внизу и увидел, что пришли люди в погонах! Собираются вручить повестку вашему заместителю! Тимур должен явиться в прокуратуру для дачи показаний! Вполне вероятно, что оттуда он уже не выйдет! И проверки нам теперь не миновать!

– Что же, весьма ожидаемо, – невозмутимо качнула она головой. – Если это все, можете идти.

Вениамин обескураженно посмотрел на ректора. На самом деле ею впервые за долгое время овладел страх, но страх, приносящий с собой злобу, какую, она прекрасно знала, можно направить в верную сторону. Тарин положила обе руки на стол, чтобы заместитель не увидел их мелкой дрожи. За свои тридцать пять лет она научилась разбираться в себе, и злоба, возвращенная в ее душе на рыхлой почве страха, превращалась в стальное оружие, собирая все ресурсы ее орга-

низма в направленный пучок.

Не обращая внимания на Вениамина и на людей в приемной, Тарин вышла в коридор, удерживая себя от стремительности в шагах. Спускаясь по широкой лестнице, она заметила двоих в форме, ожидающих у поста на входе. Студенты были на занятиях, и холл пустовал. Она видела, как слева, в коридоре, Тимур выглянул из аудитории на стук в дверь охранника, сообщающего о посетителях. Она была уже у подножия лестницы и видела брошенный недоуменный взгляд в ответ. И она успела пересечь коридор, подойти к Тимур и шепнуть ему:

– Не беспокойся. Я знаю, это ложь. Я тебя вытащу.

Затем Тарин, все так же невозмутимо, прошла в осиротевшую аудиторию. Она подняла голову на амфитеатр, заполненный студентами, и объявила:

– Вашему преподавателю срочно пришлось уехать. Давайте посмотрим, что мы сможем с вами придумать... – взглянула она на ручные часы, – в оставшиеся полчаса.... Итак... кто-нибудь знает, что такое машина Голдберга?

Внутренне Тарин усмехнулась самой себе. Даже в самом страшном сне невозможно было предположить, что она, микробиолог, будет преподавать студентам физику.

После лекции она поднялась к себе и позвонила Марату. Лучше уж рассказать самой о происходящем в колледже, чем он обрушится на нее своим ледяным гневом. Конечно же, учредитель сразу захотел уволить Тимура. Стоило больших

трудов объяснить, что такая мера ничего не даст, кроме росписи руководства в своей вине. Единственное, что ей удалось добиться – убедить Марата проследить, чтобы новости не попали в газеты. От Регины ничего не было слышно.

Тарин положила трубку и посмотрела на портрет отца. Интересно, на его профессиональном пути тоже встречались подобные передраги?

Мысли прервал стук в дверь.

– Вы меня вызывали?

– Да, проходите.

Нину, молодую преподавательницу литературы, она не видела уже несколько дней. Обычно они мельком здоровались в коридоре, когда обе спешили на занятия. Впрочем, этих коротких встреч хватило, чтобы Тарин заметила, как изменилась девушка. Нина перестала одеваться вызывающе, все чаще ее можно было застать за заполнением журналов и составлением конспектов занятий. Студенты, куратором которых она была, учились успешно, долгов почти не было. Ее группа заняла призовое место в недавнем мероприятии. Тимур на днях просил для девушки премию, мотивируя тем, как добросовестно она обзванивает организации и рекламирует центр дополнительного образования.

– Вы, наверное, слышали, что произошло сегодня утром, – начала Тарин. – Если вы действительно такой хороший куратор, как мне рассказывала Ирма, значит, знаете, что родители вашего студента подали жалобу о вымогательстве с их

ребенка взятки.

– Я даю вам слово, что ничего не знала об этом до сегодняшнего дня, – взволнованно проговорила девушка. – Я сразу бы вам сообщила.

– Допустим. Но я не об этом. Вы хорошо знаете этого парня?

– Думала, что да, – нахмурила свое красивое лицо Нина. Тарин понравился честный ответ. Все верно, добро пожаловать во взрослую жизнь.

– Что можете о нем рассказать?

– Неформальный лидер, не признает авторитетов. За словом в карман не лезет. Любит спорт, ходит в нашу секцию баскетбола. Учится неважно, впрочем, как и его девушка.

– У него в этой же группе учится девушка?

– Да, она тоже звезд с неба не хватает. Они постоянно вместе. Подозреваю даже, что он пишет за двоих сочинения по литературе, поскольку ее лексический запас очень мал, а работы она приносит вполне сносные.

Нина замолчала. Тарин задумчиво провела руками по поверхности стола, ощущая ладонями зернистость зеленого сукна.

– Мне нужна ваша помощь, – нарушила она тишину. – Пригласите своего студента в преподавательскую комнату, поговорить о чем-нибудь. Придумайте повод сами. Если я официально его вызову, он насторожится. Потом позвоните родителям, скажите, что их сына отчисляют. Пусть мчатся

сюда на всех парах.

Ковер погасил стук каблуков уходящей девушки.

Не в первый раз за этот учебный год Тарин сталкивалась с трудным для себя выбором. Придется провести неприятный разговор со студентом. Теперь, когда она знала его болевую точку, главное было собраться и найти нужные слова. Ясно дать понять, не говоря при этом ничего напрямую, что его девушку обязательно отчислят, если он не заберет свое заявление. Конечно, придется блефовать, но парень этого знать не будет. Вопрос в том, готова ли она к такому.

Тарин нажала кнопку и вызвала секретаря.

– Срочно найдите мне заместителя по хозяйственной части.

Когда спустя пару часов Тарин вышла из аудитории, оставив студента раздумывать над сказанными ею словами, его родители уже ждали наверху.

С родителями путем сложных условий и непростых обещаний было оговорено, что их чадо ни в коем случае не отчислят за неуспеваемость, что физику он пересдаст у другого преподавателя, что ректор обязательно проследит за беспристрастностью последнего. Тарин, вонзая ногти в свою ладонь, улыбалась и кивала истеричной мамаше, размахивавшей перед ней законом об образовании. Она не позволила себе даже слегка повысить тон. Отец студента был намного более восприимчив к диалогу, чем его вторая половина. Он осознавал, что сын далеко не такой ангел, каким его пред-

ставляла жена. Становилось очевидным, кто был инициатором этой треклятой жалобы.

Тот разговор она вынесла во многом благодаря Вениамину, его примеру ведения переговоров такого рода, и записям, которые предоставил Артур. Тарин подчеркнуто вежливо объяснила родителям, что колледж подготовил доказательную базу, и их жалоба лишь натравит преподавателей и одноклассников против самого ребенка. Она даже пообещала объявить выговор Тимуру и не допускать его к занятиям в данной группе.

Почувствовав, что напряжение в кабинете, наконец, спало, она оставила пару с Вениамином, и вышла в приемную. Там, неожиданно для себя, она увидела низенькую круглую фигуру Артура, нервно переминавшегося с ноги на ногу, воинственный взгляд Ирмы, скрестившей руки на груди, Нину, теребившую конец своего шейного платка, Луку, Эмму, даже главного бухгалтера, сердито поблескивающую стеклами очков. Они уже часа два ждали результата под дверью. При виде вышедшего ректора они замерли, образовав немой вопросительный знак.

– Столько народа, а кофе сделать некому, – устало улыбнулась им Тарин.

Тотчас застывшая картина ожила, рассыпалась на фрагменты. Кто-то подставил стул, кто-то побежал за чашками. Тоненько зазвенели стеклянные створки шкафа, послышалось шуршание конфетных оберток. В суматохе Тарин же-

стом подозвала Ирму и прошипела ей на ухо:

– Проследите, пусть этому гаденышу в колледже больше жизни не будет. Раз я не могу отчислить его сама, нужно сделать все, чтобы он ушел сам. Чтобы я больше о нем никогда не слышала.

Ирма встретила ее ядовитый взгляд и кивнула в ответ.

XI

Солнце, наконец, смилостивилось и, впервые за долгое время, начало не только светить, но и согревать. Деревья потягивались после крепкого сна, выпускали почки. Концы веток у пушистых елочек удлинлись мягкими, молочно-зелеными молодыми иголочками. Все метаморфозы, как обычно бывает в природе, произошли внезапно, словно сама жизнь дала приказ своей многочисленной армии в наступление.

Так размышляла Тарин, сидя на совещании. Она слушала, как Кира в своей жесткой манере распекает молодого математика за плохую подготовку к открытому занятию. Аудитория, где они собрались, была на первом этаже, и окнами выходила на подъездную аллею, которую стерегли могучие платаны. Сейчас бы дотронуться до их прохладного камуфляжного ствола...

Снаружи послышался шум мотора, спугнувший и без того робкую птичью песенку. Тарин повернула голову и увидела Тимура. Бюрократические проволочки задержали его дольше, чем она ожидала. Когда родители студента отозвали за-

явление, в прокуратуре еще несколько раз все перепроверяли, прежде чем закрыли дело.

Тарин видела, как он вышел из машины, обвел глазами колледж и счастливо вздохнул. Она поняла этот вздох: он почувствовал, что вернулся домой. И, конечно, увлеченная наблюдением, она не услышала щелчок затвора фотоаппарата.

Лицом к лицу они встретились позже, в ее кабинете наверху. Тимур быстрым шагом пересек комнату и уселся на край стола.

– Прости, не предупредил тебя заранее, но теперь я отдохнул и снова готов трудиться во имя общего блага, – лукаво подмигнул ее заместитель.

– Не переживай, я вычту эти дни из положенного тебе ежегодного отпуска, – в тон парировала Тарин, пожимая протянутую ладонь.

– Если серьезно, то спасибо тебе, – тихо проговорил он, пересаживаясь в кресло. – Ты, конечно, хочешь узнать, что произошло на самом деле...

– Даже не начинай, – прервала его она, отмахнувшись рукой. – Угадать несложно: он бездельничал, дерзил тебе или еще что-то в этом духе. Ты не сдержался, нагрубил или как-то хлестко ему ответил, унизив перед всей группой... Не хочу слушать, с меня достаточно этой истории.

Тимур опустил голову, изображая раскаяние, хотя им обоим было ясно, что это лишь притворство.

– Могу представить, как радовался Портфельчик моему

отсутствию, – язвительно заметил он.

– Ты, кстати, сильно ошибаешься. Он рвал на себе волосы и галстук, – усмехнулась Тарин.

– Неужели так соскучился? Погоди, я понял: он переживал, что теперь никто не составит ему компанию в шахматы.

– Вы играете в шахматы? – удивилась она. – Друг с другом? За одним столом? В одной и той же реальности?

– А чего ты удивляешься? Или мы должны пить пиво с рыбой по вечерам?

– Я думала, вы друг друга терпеть не можете, – растерялась Тарин.

Тимур пожал плечами.

– Есть такое. Но ты сама говорила, что мы в одной лодке, хотим этого или нет.

– Надо же, ты, оказывается, иногда запоминаешь то, что я говорю, – она не удержалась от колкости. – Надеюсь, что твоя прогулка под конвоем в город тоже запомнится тебе надолго, и ты сделаешь соответствующие выводы.

Тимур пристально посмотрел ей в глаза. Она прочла в них сожаление.

– Прости, что подставил тебя.

Тишину нарушил бой настенных часов.

– Ладно, иди, мне нужно работать, – вздохнула Тарин. – Заходи к нам вечером, Анна соскучилась.

– Простите, я по поводу оранжереи, – протиснулся в дверь Артур. – Садовник составил список пострадавших зимой

растений, особенно в период поломки отопления. Нужно решить, что будем приобретать в первую очередь.

– Проходите, – подозвала она старичка. – Рассказывайте, из-за чего я поссорюсь с бухгалтером сегодня...

Вечером Тарин вынесла на веранду плетеные кресла, низкий круглый столик и подушки. Заварила кофе, добавила в него карамельный сироп и вынесла наружу вазочку с рассыпчатым печеньем.

– Ты как раз вовремя, – не оглядываясь, отозвалась она на скрип деревянного уличного настила. – Неужели моя егоза все-таки заснула?

– Пришлось пообещать, что завтра тоже приду, – развел руками Тимур.

– Приходи. Побудете вдвоем. Завтра я задержусь допоздна, мне нужно подготовить речь для открытия конференции, – она удобно устроилась в кресле, поджав под себя ноги. – Да, ты же еще не знаешь: наш колледж выбрали как базу для проведения конференции по воспитательной работе. Ирма будет делать доклад.

– Что ж, отлично. Обмен опытом никогда не помешает.

Тарин неожиданно протянула к нему раскрытую ладонь:

– Отдавай.

– Что отдать?

– Письма. От частных детективов. Думал, я не замечу, что ответы на мои запросы перестали приходить?

В плотных сумерках его лица не было видно. Кресло ря-

дом слегка охнуло под тяжестью его тела.

– Тарин, я...

– Я не маленькая девочка, Тимур. И не хрупкая ваза. Подозреваю, в них ничего утешительного, иначе ты не стал бы их перехватывать. Но ты не вправе лишать меня возможности надеяться.

– Я хотел, чтобы тебе не было больно.

– Поверь, мне причиняли гораздо большую боль, чем ты думаешь, – горько произнесла она. – Я сильнее, чем тебе кажется.

– Письма в моем кабинете, – сдался Тимур. – Завтра принесу их тебе.

– Буду ждать. Пей кофе, иначе совсем остынет.

Больше они к этой теме не вернулись. Сидели на веранде, грели руки о пузатые чашки, обменивались последними новостями и планами развития колледжа. Тарин проснулась среди ночи на диване в гостиной. Скорее всего, она задремала в кресле, и Тимур перенес ее в дом, словно маленькую девочку. Бока вымытых чашек сквозь оконное стекло кухни серебрила пухленькая луна.

Вечерняя сырость дала о себе знать: наутро Тарин почувствовала, что простыла. Пару дней она мужественно игнорировала симптомы простуды, поскольку времени болеть у нее попросту не было. Она отвечала на корреспонденцию, просматривала служебные записки, сводила отчеты, следила за подготовкой колледжа к конференции.

В торжественный день колледж открыл свои двери для множества коллег из других учебных заведений. Конференц-зал постепенно заполнялся. После официальной части гостей ждали мастер классы, и фуршетный стол, созданный руками неподражаемой Агаты. Тарин, как всегда облаченная в строгий брючный костюм, на этот раз винного цвета, открывала собрание. Следом должен был сказать пару слов ее заместитель по учебной работе. Ворот рубашки Вениамина грозил при малейшем неловком движении задушить своего хозяина.

Оглядывая собравшихся, Тарин заметила смутно знакомый силуэт. Где-то она уже видела эти тонкие ножки в низких ботиночках, этот короткий широкий балахон.... Словно птица марабу, женщина угловатыми движениями пробиралась на свое место.

– Послушайте, это не та дама, которая приезжала в составе аккредитационной комиссии в декабре? – поинтересовалась Тарин у Вениамина.

– Да, это Тамара. Она возглавляет технологический колледж. Одна из докладчиков на конференции, – энергично закивал заместитель.

Оказалось, что произносить даже пятиминутную речь, стоя в душном зале, при этом неважно себя чувствуя – приключение сомнительное. На середине речи Тарин ощутила головокружение. Она слегка запнулась, и Тимур, который за кулисами наблюдал за ней, все понял. Он обменялся с Ве-

ниями взглядами, и вдвоем они за пару секунд показали слаженную командную работу. Тимур вышел на сцену якобы поправить микрофон на кафедре и, незаметно для сидящих в зале, взял Тарин за локоть, дав ей возможность опереться.

В это время Вениамин вышел на сцену с другой стороны, закончил начатую ею фразу и объявил, что ректора срочно вызывают на селекторное совещание. Под звук аплодисментов она покинула сцену, а Вениамин приступил к своей части выступления.

Тимур проводил ее к ближайшей банкетке в коридоре.

– Слушай, тебе нужно отдохнуть немного, – обеспокоенно произнес он.

– Спасибо, но я как-нибудь сама разберусь, – еле слышно ответила Тарин.

– Лучше меня не зли, – вскипел он. – Я, конечно, понимаю, что ты у нас вся такая самостоятельная: и начальник, и работник, и мама, и бог знает кто еще, но одна ты не выведешь, не надейся даже! Как же тебе вбить в голову, что рядом есть люди, которые готовы тебе помочь! Прекрати тащить все сама! Значит, так: вон идет Регина. Она отведет тебя домой и проследит, чтобы ты не вернулась обратно, а я приведу нашего медика. Анну встречу сам и провожу к Агате, пусть побудет пока у нее. А Веня проследит за всем здесь. И не спорь! – пресек он ее вялые попытки. – У тебя щеки уже под цвет костюма, сразу понятно: есть температура!

Спорить, действительно, не было смысла. По дороге Та-

рин попросила Регину принести в ее домик документы из кабинета, но получила решительный отказ.

– Я найду попозже и посмотрю эти твои срочные бумаги, – заверила ее женщина. – Не беспокойся, все будет сделано.

Тарин вернулась к своим обязанностям через несколько дней. Катастрофы не наступило, ее заместители дружно разделили ее работу на всех и даже не поссорились при этом. Помня про обещание начать правильно питаться, данное Агате, она спустилась в столовую.

– Вот и правильно! Разве это дело: перебиваться черствыми булками да сухими бутербродами! – ворчала женщина, протягивая ей тарелку с супом.

Конечно, про черствые булки Агатахватила лишнего. Выпечка доброй старушки очень долго сохраняла свежесть и аромат, но Тарин, правда, в последнее время предпочитала перекусывать на ходу. Теперь же она наслаждалась наваристым бульоном, предвкушая, как следом попробует жаркое, дразнившее нос пряным ароматом гвоздики и кориандра.

– Извините, можно вас отвлечь ненадолго?

Эмма, помощница Вениамина, робко стояла с полным подносом рядом.

– Конечно. Присаживайтесь. Давно вас не видела.

– В последнее время пришлось много работать с расписанием: зимой и в начале весны преподаватели часто болеют, – словно оправдываясь, произнесла женщина.

– Мне это знакомо, – усмехнулась Тарин.

– Я хотела вас предупредить.... Обычно летом я работаю в приемной комиссии... Но теперь я хочу... взять отпуск, – Эмма даже слегка сгорбилась, произнося последнюю фразу, словно ожидала вспышки гнева руководства.

– Договорились, – кивнула Тарин. – Надеюсь, вы хорошо отдохнете.

Женщина удивленно подняла голову.

– Но как же... приемная комиссия? И я же еще помогаю в обучающем центре?

– Поищем кого-нибудь на ваше место, – пожала плечами Тарин и взяла Эмму за руку. – Послушайте, я же не Вениамин. Я не буду кричать, топтать ножками. Потому что я прекрасно понимаю, что вы заслужили отдых. И от расписания, и от Вениамина, – подмигнула одна. – Лучше расскажите, куда собрались.

– Я хочу... немного попутешествовать, – снова опустила голову Эмма. – Всегда мечтала поехать в одну страну, но никак не решалась....

– Ни слова больше! Я желаю вам удачной поездки. И, умоляю, привезите оттуда не магнетик, а интересные истории. Договорились?

Вместо ответа женщина смущенно кивнула. Под металлический звон ножей и вилок они продолжили трапезу.

После обеда Тарин решила прогуляться. Ветер уже несколько дней непозволительно шалил в округе, срывая

нежные, тонкие листики акации. Они в бесчисленном множестве усеивали дорожки, вызывая ощущение, что гуляешь по поверхности пруда, затянутого ряской. Шершавые листочки ивы легкогнулись на ветру, задевали лицо, гладили по голове. Тутовые деревья протягивали свои широкие ладошки.

Тарин подумала, что надо бы пораньше сегодня закончить работу и побыть вдвоем с дочерью. Если уж те дни, пока она была дома, прошли для колледжа безболезненно, то один вечер она спокойно может оставить за собой.

В приемной было немногочисленно. Нина ожидала, не теряя времени зря: девушка проверяла работы, которые принесла с собой и разместила на коленях. Она увидела ректора и подалась вперед.

– Я бы хотела с вами поговорить.

– Хорошо, проходите.

Не успела Тарин прикрыть дверь, как услышала резкий вопрос:

– Это правда, что Марат просил меня уволить, а вы не дали?

– Правда, – глядя девушке в глаза, спокойно ответила она.

Так-так. Об этом разговоре знали только двое. Значит, Нина недавно встречалась с учредителем.

– Почему?

– Потому что думаю, из вас получится отличный профессионал со временем. Если только перестанете рассчитывать

на чью-либо протекцию.

В глазах девушки резко вспыхнул огонь возмущения, но так же быстро погас.

– Согласна, мне и в самом деле не хватает опыта и знаний. Я слышала, в колледже есть система наставничества. Могу я попросить вас быть моим наставником? Знаю, у вас много работы, но я была на ваших занятиях, и мне захотелось учиться у вас.

Тарин внимательно посмотрела на девушку. Она вспомнила свой первый год в колледже, когда отец пригласил ее читать биологию, как трудно пришлось поначалу.

– Думаю, можно попробовать. Но только на следующий год. Что-то еще?

Нина в нерешительности закусила губы, очевидно, раздумывая, стоит ли продолжать разговор.

– Марат меня убьет, если поймет, что я вам рассказала, но вы... вы заслуживаете знать. Следующего года не будет. По крайней мере, вы не будете ректором. Он ведет переговоры по слиянию нашего колледжа с соседним, мы станем его филиалом. Марат с самого начала не хотел связываться с образованием, но его уговорили. Он ждал удобного случая продать свою долю, и сейчас, когда мы стали приносить деньги...

Пока девушка говорила, Тарин стиснула зубы и смяла бумагу, которую держала в руке, сжимая кулак. На несколько секунд ей удалось овладеть собой и, устремив потемневшие глаза на Нину, она произнесла:

– Я понимаю, вы рассказали то, что не должны были. И если я прошу о многом, можете не отвечать. Какое именно учебное заведение добывается этой цели?

– Технологический колледж. Говорят, у нас удобное расположение для их материальной базы. Я... я слышала разговор Марата с их ректором, – смущенно призналась девушка. – Простите, что не сказала раньше, – выдохнула она.

Тарин была где-то далеко, в своих мыслях. Она перевела взгляд на преподавательницу.

– Спасибо. Поверьте, я знаю, чего вам стоило преодолеть себя и прийти сегодня ко мне. Я вам благодарна.

Тарин откинулась на спинку кресла. Ей вспомнилась сцена, которую она увидела в холле, спускаясь навстречу проверяющей комиссии: Вениамин услужливо помогает снять шубу даме, которая оглядывается вокруг. Вот кто, оказывается, в скором времени станет владелицей колледжа. Неспроста Тамара в комиссию напросилась. И на конференцию приезжала неспроста. Присматривалась по-хозяйски.

Что ж, переживем и этот удар. В конце концов, еще год назад она и не думала, что вернется в колледж, тем более, что станет его ректором.

На Тарин вдруг навалилась усталость. Она подошла к шкафу, сняла с вешалки плащ и просунула руки в рукава. Высвободила из-под воротника непослушные вьющиеся волосы и ободряюще подмигнула своему отражению в зеркале.

В приемной к ней обратилась секретарь:

– К вам родители нашего студента, они записаны на прием.

– Пусть Ирма разберется.

– И через двадцать минут открытое занятие по географии, вас просили присутствовать.

– Если Вениамин не занят, пусть меня заменит.

– Еще принесли почту...

– Я посмотрю завтра, – раздраженно прервала девушку Тарин. – На сегодня с меня хватит.

В гостиной она застала дочку, которая по примеру мамы обложилась тетрадками и учебниками прямо на полу. Черный кот уютно устроился в ногах девочки, протянув лапы на книгу. Видимо, в этой семье все ученые. Тарин улыбнулась и отправилась на кухню. Регина сидела за столом, проверяя самостоятельные работы. Сегодня была ее очередь присматривать за Анной. Почти сразу в дверь постучали. Агата принесла пирог с курицей и грибами, еще горячий. Чайник сам собой запросился на плиту. Через пару минут в домик заглянул Тимур. Когда он увидел, что стал не единственным гостем, то немного смутился, но женщины его не отпустили. Вынесли стол в гостиную, достали чашки. Тарин попросила дочь позвать Артура, и вскоре стихийное чаепитие превратилось в веселое оживленное застолье с байками и воспоминаниями. Даже хорошо, что они вот так, вместе, сегодня сидят за одним столом. Когда еще доведется, подумалось Тарин.

Гости стали расходиться, но Тимур медлил и долго о чем-то шептался с девочкой.

– Что вы там затеваете? – подошла к ним Тарин. – Анна, иди к себе, завтра рано вставать.

Дочка нехотя направилась в спальню.

– Тарин, – повернулся к ней мужчина, – я пришел, чтобы узнать, что ты собираешься предпринять. Нина мне все рассказала.

Тарин опустилась на диван и печально улыбнулась.

– Что тут можно предпринять?

– Пока не знаю, но ты можешь на меня рассчитывать, – пока он говорил, безмятежность лица Тарин его насторожила. – Только не говори, что ты оставишь все как есть. Ты же столько работала, и теперь тебе укажут на дверь!

– Главное, что колледж не закроют. Здесь по-прежнему будут студенты, преподаватели. Думаю, для рядовых работников мало что изменится, – пожал плечами Тарин. – Не так уж важно, кто будет руководить. Людям все равно, кто их начальник, главное, чтобы платили заработную плату.

– Ты не права, – покачал головой Тимур. – И не хуже меня понимаешь, что при слиянии часть наших специальностей им будет неинтересна, их уберут. Могут уволить кого-то из наших преподавателей, чтобы дать нагрузку своим....

– Еще ничего неизвестно, – остановила его Тарин. – Не бывает незаменимых людей, я не питаю на этот счет иллюзий. Если мой уход плохо скажется на колледже, значит, я

плохой руководитель и не смогла правильно наладить здесь работу. Возможно, некоторые даже обретут, наконец, желанное повышение.

– Если ты намекаешь на Портфельчика, то зря. Он не имеет к происходящему никакого отношения. Да, я тоже вспомнил, как он обхаживал эту Тамару при проверке, но он делал это в личных целях. В свое время нашего Веню вышвырнули из министерства образования, поскольку он перешел дорогу одному местному начальнику. И с тех пор мечтает вернуться. Поэтому и лезет из кожи вон, лишь бы его заметили и оценили. Вениамин надеялся, что Тамара замолвит о нем словечко, пока не узнал, что она приглашенный эксперт.

– Как ты узнал?

– Во время очередной партии в шахматы мой противник разоткровенничался. Оказалось, мы с ним похоже больше, чем я думал. Нас обоих выгнали за разногласия с руководством, – злорадно ухмыльнулся Тимур.

– Да, а здесь ему с руководством тоже не повезло, – Тарин улыбнулась в ответ. – Что ж, у него есть шанс начать все сначала в недалеком будущем.

– То есть ты предлагаешь просто ждать? – Тимур нахмурился.

– Ну что ты, ждать я точно не буду, – покачала она головой и перевела взгляд на свой кейс с бумагами, стоявший на полу. – Мне уже осточертело ждать.

Они еще немного поговорили, и Тарин вышла на крыльцо

проводить Тимура.

– До завтра, – как всегда, попрощался он.

Тарин протянула ему руку для рукопожатия.

– До встречи.

Тимур задержал руку Тарин в своей на пару секунд, всматриваясь в темноте в ее лицо. Он насторожился, но отыскать ответ на свой невысказанный вопрос так и не смог.

XII

– Это что за бред?

Марат держал в руке обычный лист бумаги. Он по своей привычке, уселся в кресло Тарин, как только вошел в ее кабинет. На гладко отполированном столе для совещаний блестяли квадратики солнечного света, просеянные высокими окнами.

– Заявление на увольнение, – ответила она, хотя содержание бумаги не оставляло двояких толкований.

– Вот что, – учредитель швырнул бумагу на стол. – Давай, бросай психовать. Ты сегодня не с той ноги встала или на тебя кто-то не так посмотрел? У меня без тебя забот много.

– Я совершенно серьезно, – спокойно ответила Тарин. Так же спокойно она наблюдала, как Марат побагровел, затем взял бумагу и разорвал ее на несколько частей.

– Значит так, прекращай этот цирк и возвращайся к работе.

– Это вы зря. Заявление я зарегистрировала у секретаря.

Сегодня дам знать Артуру, чтобы помог мне собрать вещи. Я хотела с вами посоветоваться, кого назначить пока исполняющим обязанности, но, думаю, против кандидатуры Регины вы возражать не будете, – с иронией добавила Тарин.

– Что ты несешь?

– Я кстати, ожидала, что вы будете рады моему заявлению. Не придется выплачивать мне выходное пособие, как если бы вы увольняли меня перед слиянием.

После этой фразы осталось только наблюдать за реакцией учредителя, заткнув уши. Кричал он долго и громко. Тарин подождала, пока он выдохнется.

– Я больше не играю в ваши игры. Вы меня не удержите. И не волнуйтесь, я не собираюсь забирать свои деньги, которые вложила в центр при его открытии. Считайте это моей платой за то, что не предупредила вас о своем уходе заранее. До конца недели я передам дела, и больше вы меня не увидите.

Тарин распрямила свои худые плечи и выдержала его взбешенный взгляд.

– Извините, у меня сейчас занятие, – она взяла журнал и направилась к двери. – Кстати, вы преподали мне хороший урок, Марат, – обернулась она. – Спасибо.

Полтора часа прошли незаметно. Тарин любила практические занятия, особенно темы по генетике и наследственности. Предстояло еще заполнить журнал и проверить методическую документацию, чтобы не подводить того преподавателя, который придет после нее.

От охраны Тарин узнала, что Марат вышел из ее кабинета, но еще не уехал. Когда она поднялась наверх, бумаг на ее столе прибавилось. Она подошла поближе и увидела знакомый почерк в документе сверху. Заявление на увольнение от Тимура. Заявление на увольнение от Регины. Заявление на увольнение от Артура. От Агаты. Заявления на увольнение Ирмы и всего отдела воспитательной работы. От Вениамина и его помощницы. От Луки и еще ряда преподавателей. От ее секретаря. Довольно большая стопка, мятая. Рядом стоял недопитый бокал с коньяком. Лежал разломанный в порыве злости надвое карандаш. Очевидно, Марат их уже видел.

Тарин сама не поняла, откуда взялась слеза, предательски скользнувшая по щеке.

– Ты почему, красавица, мне сразу все не рассказала? – набросилась на нее, не здороваясь, Кира.

Она влетела в кабинет, буравя ее жгучими черными глазами. Все такая же подтянутая, на шпильках, несмотря на свой солидный возраст, она взмахивала унизанными перстнями пальцами и как никогда была похожа на итальянскую донну.

– Думала, что мне настолько все равно, и я не задам этому индюку трепку, как только узнаю? Да пусть попробует еще хоть раз такое провернуть! Денег ему, еврею, мало! С собой на тот свет не унесешь! Подожди, я его найду и выскажу все, что думаю!

– Так вы еще не видели Марата?

– Еще нет, я только что от Регины. Сидит в преподава-

тельской кислая, как лимон в солянке. Только чего киснуть, если надо действовать? – грозно сверкнула глазами женщина. – В общем, подожди пока горевать, я сейчас пойду, скажу пару ласковых своему двоюродному братцу.

Так же стремительно Кира выскочила в приемную, чуть не столкнувшись с секретарем. Тарин подозвала девушку и показала ей стопку заявлений.

– Вы простите, – смутилась девушка. – Ваш заместитель собрал нас всех утром в конференц-зале и все рассказал. Он никого не заставлял, правда! Мы сами.... Просто мы не согласны..., – она потупила глаза. – Мы написали и отдали Тимурю заявления. А он попросил меня сказать, когда вы поговорите с учредителем, чтобы он смог... тоже поговорить.... Они так кричали, – округлила она глаза.

– Где Тимур сейчас?

– У него лекция на первом этаже.

– Спасибо, можете идти.

Тарин спустилась вниз и остановилась у расписания. Мимо прошла Эмма, бесшумно скользя по коридору. Поравнявшись с ректором, она немного расправила плечи и поздоровалась. Ее заявление Тарин только что видела у себя на столе. Не заявление – поступок. Смелый поступок для того, кто даже голос ни разу в жизни не повысил. И эта женщина готова уйти, если уйдет Тарин.

Она подошла к нужной аудитории и слегка приоткрыла дверь. Тимур, направив через призму пучок белого света,

иллюстрировал получение спектра и попутно увлеченно давал пояснения. Она вдруг вспомнила фотоработу Луки, где он запечатлел преподавателя в этой же аудитории, наблюдающего что-то в окне.

Зайти Тарин так и не решилась. Уже вечером, когда она по привычке расположилась на диване и окружила себя документами, он появился в кабинете.

– Говорят, ты меня искала?

Тимур с размаху опустился рядом и протянул руки. В одной была бутылка с вином, в другой – два бокала.

– Ну что, отметим твой неудавшийся побег?

Тарин оперлась на диванную подушку.

– Как ты узнал, что я собираюсь сделать?

– Элементарно: ты никогда не прощаешься, – он стал наполнять бокалы.

– Ты слишком хорошо меня знаешь, – задумчиво посмотрела она в его глаза.

– Есть такое, – кивнул Тимур. – Надеюсь, ты сегодня ела? Нести тебя домой мне не очень охота.

За его напускной бравадой и веселостью, она знала, скрывалось обычное смущение. Он не умел принимать благодарность, которую сегодня заслужил в полной мере.

– Скажи, ты на самом деле бы ушел?

– А что мне терять? – Тимур пожал плечами. – Тем более, в такой компании. Открыли бы вместе быстренько другой колледж и разорили бы Марата в два счета.

– Сказать спасибо слишком мало, – посмотрела Тарин на него. – Я в долгу перед всеми вами.

– А можно из этого долга немного получить в денежном выражении? Мне бы не помешало, – сострил Тимур, в которого тут же полетела диванная подушка. – Хорошо-хорошо, я понял!

Бок о бок они проработали пару часов, а после миновали звенящую тишину холла и вышли в прохладный апельсиновый закат. Поравнялись со студентами в футбольной форме, весело улюлюкавшими в честь своей победы. Мимо прошли дежурные преподаватели. Садовник, гремя лейками, направился в сторону оранжереи. Сквозь ярко-желтые окна кофейни виднелись ажурные металлические стулья, которые переворачивал местный работник.

Говорить не хотелось. Тарин, казалось, все видела после долгой разлуки, потому что несколько часов назад мысленно попрощалась и с колледжем, и с его обитателями. Тимур проводил ее к дому и, как всегда, остановился у ступенек.

– Ты мне так и не рассказал, как ты уговорил Вениамина написать заявление? – вдруг вспомнила она. – Ни за что не поверю, что он сам изъявил такое желание.

– Пусть это останется моим секретом, – подмигнул ей Тимур и скрылся в ночи.

Марат больше не появлялся. Но и так было понятно, что он отказался от планов по слиянию. Жизнь в колледже пошла своим чередом, если можно было так назвать карусель

из встреч, лекций, звонков, совещаний, счетов и отчетов. Однако Тарин пообещала сама себе больше времени проводить с дочерью, у которой к тому же начались каникулы. Ректор позволила себе даже невиданную доселе роскошь – выбраться на выходные за пределы кованой ограды и провести время в городе. С Анной они побывали в зоопарке и планетарии, сходили в музей и на аттракционы. Тарин стала разрешать дочери тихонько сидеть в кресле у французских окон, если не предстояло встреч или совещаний. Анна чуть слышно шуршала бумагой, переворачивая страницы книжки, и Тарин, разбираясь в очередном постановлении или докладной, чувствовала себя спокойнее.

Бури по-прежнему случались: то и дело в кабинет вбегал Вениамин (предвестник нового отчета или совещания), входила быстрым шагом Ирма (значит, студенты что-то снова натворили), протискивался Артур (опять нужен где-то ремонт), заглядывала Регина (требования к документации вновь изменили) или врывался Тимур (очередное безумное предложение, хотя не без здравого зерна). Но бури эти перестали так сильно будоражить Тарин. Она знала, что вместе они все смогут преодолеть.

Украдкой она стала почитать научные журналы, подписалась на последние новости в интернете. Возможно (только возможно!) она однажды сможет пересилить себя и вновь заняться исследованиями в микробиологии.

Впереди было лето, и Тарин стала надеяться на небольшой

отпуск. Было бы идеально отвезти дочку к морю...

Вера

I

Дождь начался ночью. Сначала он редко барабанил по подоконнику, но вскоре вошел во вкус, набрал скорость и стал бросать в стекло пригоршни водных капель. Глядя на размытые очертания деревьев и фонарных огней, казалось, смотришь не в окно, а на картину импрессиониста. К утру пепельно-серое небо продолжало плакать и жаловаться на что-то свое.

Тарин вздохнула. Завтра должна была состояться репетиция выпускного вечера, и, если дождь затянется, придется проводить ее в помещении. Зазвонил телефон. Это Регина докладывала результаты работы. Приемная комиссия работала уже неделю, начало было положено. В этом году они решили не экономить, реклама была повсюду. Весь прошлый месяц Нина, вызвавшаяся помогать, посещала окрестные школы, проводила профориентацию. Вскоре им всем предстояло пожинать плоды трудов.

Под музыкальный перестук капель в кабинете появился посетитель. Представитель экономического колледжа уже давно добивался встречи с ректором. Они обсудили возможное сотрудничество при организации практики у студентов, приглашение экспертов на защиты дипломных работ друг к

другу.

– Вы не будете возражать, если я прогуляюсь немного по вашему чудесному заведению? – слегка заискивающе улыбнулся посетитель.

– Нисколько. Сама я, к сожалению, проводить вас не смогу, но организую вам подходящую компанию.

– Чудесно, – склонил голову мужчина. – Если позволите, я бы заглянул в ваш обучающий центр. Мое руководство интересуется возможностью обучить наших преподавателей по имеющимся у вас программам.

– Конечно. Я только сделаю один звонок.

Она попросила Тимура сопровождать гостя и тут же забыла об этом случае, переключившись на повседневные дела. Но ближе к обеду ее заместитель по развитию снова появился в кабинете.

– Что-то случилось? – оторвалась она от бумаг.

– Этот тип, который был у тебя утром. Я, конечно, вел себя очень тактично, – здесь Тарин скептически подняла одну бровь, – Да-да, не сомневайся. Я же понимаю, что он – представитель другого колледжа, и нужно налаживать контакт. Но это уже чересчур. Представляешь, он стал предлагать мне работу! Зарплату повыше, хорошую должность. В общем, переманивал. Я заподозрил, что он именно с этой целью и приехал к нам, а остальное было для отвода глаз.

– И что ты ему ответил?

– Что я мог ответить? Сказал, что подумаю, чтобы быст-

рее его выпроводить, – Тимур скрестил руки на груди и повернулся к окну.

– Что ж, ты, действительно хороший преподаватель, грамотный руководитель. Ничего удивительного, что тебе поступило такое предложение.

Тарин видела, что ее ровный тон слегка задел Тимура. Он резко повернулся в ее сторону.

– То есть, тебе все равно, уйду я или останусь?

– Почему же. Колледж, конечно, потеряет в твоём лице ценного работника. Но здесь нет рабства. Каждый волен выбирать те условия, которые более всего отвечают его потребностям. Если тебя заинтересовало его предложение, я могу это понять, – она снова опустила голову.

Тимур побледнел, на его лице отчетливо вырисовались скулы.

– Значит, если я завтра приму его предложение, ты отпустишь меня с легким сердцем? – подозрительно спокойно задал он вопрос.

– Причем тут лично я? – отозвалась безмятежно Тарин.

Тимур посмотрел в ее глаза, словно искал в них что-то, но синева была непроницаема.

– В самом деле, причем? – словно эхом отозвался он, замолчав ненадолго. – Просто мне важно, чтобы ты не захотела меня отпускать. Лично ты.

Он не сводил с нее глаз.

– Мои желания не играют здесь никакой роли, – выпря-

милась Тарин. – И важно то, что лучше для колледжа.

Тимур усмехнулся и провел рукой по небритой щеке.

– Так. Хватит. Вот теперь точно хватит, – загадочно произнес он и решительно направился к выходу.

Дверь хлопнула, и стекла вздрогнули от неожиданности. Тарин осталась в одиночестве. Весь день она продолжала работать, но какая-то смутная, несформировавшаяся мысль грызла ее, беспокоила ежеминутно. Не находя себе места, она решила пройтись по аудиториям, проверить, как идут занятия. Регина была в своем кабинете, занималась рабочими программами. Поболтав с ней немного, Тарин продолжила бесцельно бродить по коридорам. В столовой было оживленно, но ей почему-то и там не удалось отвлечься. Она поймала себя на том, что кругами ходит возле помещения обучающего центра, и, наконец, решилась войти. Внутри никого не было. Тарин подошла к столу, несомненно, принадлежавшему Тимуру. В беспорядке здесь лежали чертежи каких-то электрических схем, блокноты с заметками, лабораторные работы студентов.

– Ой, простите, – в дверях показалась седая бородка Луки. – Я тут хожу, отдаю преподавателям их фотографии, – поднял он руку с папкой, – Учебный год закончился, хочу оставить на память.

– Ничего страшного, проходите. Можете оставить мне, я передам.

– Отлично, – Лука стал рыться в снимках. – Вот, это для

Тимура. Да, у меня же еще ваши фото есть. Возьмите, пожалуйста, – он благостно улыбнулся.

В руках у Тарин оказался снимок ее заместителя с фото-выставки.

– Лука, а вы не подскажите, на что он тогда так засмотрелся?

Преподаватель что-то начал говорить, но Тарин вдруг с озаряющей ясностью поняла, почувствовала эмоцию, изображенную на снимке. И уже не было необходимости гадать, потому что она вдруг... вдруг увидела, наконец, не глазами, а сердцем, на кого смотрел Тимур. За долю секунды она поняла, о чем он говорил утром.

Тарин прижала руку к груди, ей стало не хватать воздуха. Потому что на следующем снимке была запечатлена она сама. Она сидела на совещании, смотрела в окно, и лицо ее было озарено тем же светом, который она заметила на предыдущем фото. И она помнила тот день. И знала, на кого смотрела тогда.

Иногда, чтобы понять что-то о себе, нужно просто взглянуть со стороны. Тарин взглянула. И увидела то, что никак не ожидала увидеть. Она и не подозревала, что рядом с ней есть человек, который думает, заботится о ней, на которого можно опереться. И он не просит ничего взамен. А ей рядом с ним так спокойно, что уходят все ее страхи и волнения.

Тарин не помнила, как долго еще Лука был в кабинете, и что он говорил. Когда она подняла голову и огляделась, то

снова была одна.

Она спустилась во внутренний двор. Равнодушно прошла мимо нарядной, розово-пушистой альбиции, рассеянно скользя взглядом по роскоши летних клумб. Дождь еще моросил, путаясь в ее волосах, но она не обращала на бродягу никакого внимания.

Ночью Тарин долго ворочалась на кровати, в тишине глядя в потолок. В задумчивости крутила кольцо на безымянном пальце. Вдруг она резко откинула одеяло и, шлепая по деревянному полу босиком, прошла в темную кухню. Сняла со стены пробковую доску и со всей силы ударила ею о стол. Доска треснула, зазвенела ваза, стоящая рядом. Тарин ударила доской еще раз. И еще. Затем выкинула обломки в мусорное ведро. Опустилась на пол и, впервые за долгое время, заплакала.

Утром в приемной ее остановила секретарь.

– Извините, но звонил охранник с поста, сказал, что вчерашний посетитель снова здесь, просит разрешения пройти на территорию. Выписать ему пропуск?

– Пропуск? – Тарин сузила глаза. – Конечно, пусть выпишет.

Она прошла к себе, пропуская вперед Регину. Заместитель хотела рассказать о ходе приемной кампании и о расходовании средств.

– Ты сегодня какая-то молчаливая. С тобой все в порядке? – поинтересовалась женщина, заканчивая доклад.

– Да, не беспокойся.

Тарин, действительно, слушала невнимательно. Она стояла у окна и наблюдала за фигурами двоих мужчин, которые о чем-то беседовали. Они медленно шагали по дорожке, опоясанной низкой живой изгородью.

– Что ж, каждый волен делать свой выбор, – тихо прошептала она.

Мужчины разошлись в разные стороны. Тарин вернулась на свое место.

– Хорошо, можешь идти. Я потом еще раз посмотрю все бумаги.

Она проводила взглядом Регину и принялась разбирать письма, скопившиеся на столе. В работе, которая занимает все твое время, есть определенно большой плюс. Особенно, когда в голове не остается места для неприятных мыслей.

Минут через тридцать в дверь постучали. Тарин отложила ручку в сторону и увидела его. Тимур остановился возле входа, другом конце комнаты, и не двигался с места.

Они молча смотрели друг на друга.

Солнце, проваливаясь в оконные рамы, затопило комнату золотистым светом. Лучи поблескивали на ее волосах, подсвечивали кожу призрачным сиянием.

Где-то в отдалении послышался звонок и разрушил хрупкую секунду, привел время в движение.

– Я отказался.

– Я не отпускаю тебя!

Они выпалили это одновременно. Тарин, поддавшись порыву, сказала то, что не планировала говорить. Но через пару секунд она осознала слова Тимура.

– Ты остаешься? – еще не веря, переспросила она.

– Да. Не смог уйти, – признался Тимур, пристально всматриваясь ей в глаза. – Так значит, ты меня не отпускаешь?

– Не отпускаю, – не отвела взгляда Тарин.

– Потому что я хороший работник и важен для колледжа? – с едкой усмешкой спросил он.

– Нет. Потому что ты важен лично для меня.

Он задержал вздох в груди, с недоверием глядя на нее. Но Тарин смотрела честно и открыто, и ее глаза, наконец, дали ответ на мучавший его вопрос. Она печально улыбнулась и оперлась подбородком на ладони.

– Дураки мы с тобой, да? – вздохнула Тарин. – А еще кандидаты наук....

Тимур осмелился шагнуть вперед.

– Ну, я-то, положим, дураком был недолго, – с нежностью проговорил он. – А вот ты...

– Да, здесь не поспоришь, – согласилась Тарин с печалью в голосе.

Ее глаза излучали ровный, мягкий свет. Она смотрела на Тимура так, словно видела его впервые. Он отвечал ей блеском серых глаз.

И давно ты... такой умный?

– Давно, – кивнул он. – С нашей первой встречи.

Они смотрели друг на друга, а солнце гуляло по лакированным ореховым шкафам и длинному столу. Казалось, они вдвоем застыли в янтарной капле.

– Прошу прощения, – на пороге появилась Ирма. – Мы готовы начать репетицию выпускного, ждем только вас.

Из-за ее плеча выглядывала секретарь:

– Вам опять звонят из администрации. Что им сказать?

– Я, конечно, извиняюсь, но мне бы хотелось услышать пояснение вот по этому счету, – воинственно прошагала к столу бухгалтер. – Простите, – сняла она очки, недоумевая, почему ей не отвечают, – вы меня слышите?

Тарин слышала, но словно издалека. Она смотрела на Тимура, осознавая, что за много лет отвыкла быть просто женщиной. Быть любимой.

– Увидимся позже. Я подожду, – он улыбнулся и направился к выходу.

Тарин обреченно вздохнула и повернулась к присутствующим:

– Так, давайте по порядку. Ирма, начинайте без меня, я подойду, как только закончу телефонный разговор. А со счетом зайдите ко мне через час.

Она вновь надела на себя непроницаемую маску ректора и в своем кожаном кресле с высокой спинкой, в самом деле, стала казаться чуть выше и суровее.

К вечеру воздух стал походить на мягкое сливочное масло. Звонящий стрекот цикад разливался волнами по газонам.

Розы – алые, тыквенно-оранжевые, жемчужно-желтые – испускали густой аромат. Лимонные бабочки, подхватываемые ветром, кружили над ними.

– Ты не поднялся сегодня ко мне после пар как обычно, – заметила Тарин.

Тимур сделал пару шагов в молчании, глядя в землю. Он встретил Тарин в холле и теперь провожал к домику.

– Не хочу на тебя давить, – признался он. – Все и так сложно.

– Сложно? Сложно было вчера, когда я не догадывалась о происходящем. Сегодня все просто и ясно.

– Тарин, – они остановились у ясеня, тихо шуршащего своими сережками, – все, что я хотел знать – что я тебе небезразличен. Я ничего не прошу.

– Я знаю.

– Я не тороплю тебя.

Она склонила голову и почти уперлась лбом в его плечо. Тимур вдохнул запах ее волос.

Июнь нанизывал бусины дней на свою короткую нитку. Первокурсники сдали сессию и разъехались по домам. В приемной непрестанно дребезжал телефон – абитуриенты выясняли интересующие вопросы.

У Анны тоже наступили каникулы, она постоянно носилась по аллеям, пряталась на деревьях, пробиралась на пустой стадион и резвилась там допоздна. Тарин перехватывала ее по пути домой. Часто приходил Тимур, они втроем

ужинали, болтали о пустяках. После того, как девочка засыпала, а кофе был выпит, Тарин прощалась с гостем на крыльце. Как-то раз, накануне выпускного, она задержала его руку в своей:

– Не уходи сегодня.

Тимур, который уже занес ногу над ступенькой, остановился. Он помедлил несколько секунд.

– Ты уверена?

– Да, – просто сказала она.

Утром, потягиваясь в полусне на кровати, Тарин вдруг резко выпрямилась: она была одна в комнате. В голове пронеслись мысли о том, что это был всего лишь сон.

Скрипнула дверь. Показались загорелые руки Тимура – он нес поднос с завтраком. Увидев ее, испуганную, растерянную, он поспешил приблизиться.

– Что случилось?

– Я... я подумала... не уходи больше, – уткнулась она в его плечо.

– Ни за что, – обнял он ее, укачивая как маленькую девочку. – Я никуда не уйду. Я всегда буду рядом.

II

Выпускной вечер все ждали с нетерпением, и преподаватели, и студенты. Артур, как всегда, постарался на славу: корпуса блестели чистотой. На стадионе смонтировали сцену, разместили стулья. Ирма командовала цветами, музыкой,

композициями из шаров. Вениамин отвечал за дипломы. Тарин, которую не ждали так рано, появилась в сопровождении дочери. К торжественному мероприятию ректор выбрала длинное небесно-голубое платье и жемчужные серьги.

– Потрясающе выглядишь, – подошла к ней Регина.

– Ты тоже, – улыбнулась Тарин.

Медные волосы Регины и впрямь смотрелись очень эффектно на фоне ее белого костюма.

– Дамы, повернитесь, будьте добры, – к ним приблизился Лука с фотоаппаратом. – Такую красоту грех не запечатлеть.

Преподаватель, несмотря на жаркий день, был в неизменной широкой рубашке с длинными рукавами.

– А где твое кольцо? – заметила Регина, как только они вновь остались вдвоем. – Неужели ты, наконец, решила жить дальше?

– Вроде того, – ответила Тарин.

Она повернулась на знакомый голос. Марат, улыбаясь и пожимая руки, привычным пружинистым шагом продвигался к сцене.

– Ну что, с первым выпуском нас обоих, – подмигнул он. – Как настроение?

– Замечательное.

– Будем считать, что боевое крещение ты прошла, – одобрительно кивнул мужчина и протянул ей чек. – Я всегда плачу по счетам.

В руках Тарин оказался подтверждение на перевод ей

крупной суммы. Марат, как и обещал, возместил ее расходы на обучающий центр и зарплату преподавателей.

– Продолжаем работать? – бодро поинтересовался он и, так как возражений не последовало, добавил: – Я заскочу через пару дней, гляну бюджет на следующий год.

– Жду с нетерпением. Нужно многое обсудить, – Тарин проводила его многозначительным взглядом.

– Посмотри на нее, – хмыкнула Кира. – Помню, когда тебя назначили ректором, ты от страха двух слов связать не могла, а теперь с самим учредителем бодаешься! – своим низким голосом заметила женщина. – Ну, кто теперь скажет, что я сошла с ума, когда рекомендовала тебя на эту должность?

Кира обернулась и выискала глазами Вениамина, который как всегда о чем-то спорил с Тимуром. Заместитель яростно жестикулировал и поминутно поправлял галстук.

– Ты заслужила счастье, девочка, – она перехватила взгляд, которым Тарин обменялась с Тимуром. – Я все гадала, когда ты заметишь, что он ходит за тобой, словно привязанный. Зато теперь вон, смотрит на всех ястребом! – усмеялась Кира.

– Вы про Тимура? Хороший парень, я всегда это говорил, – раздался голос подошедшего Артура. – А что? – ответил старичок на молчаливое осуждение Тарин. – Шила ведь в мешке не утаишь!

Тарин покачала головой. Судя по всему, она была последней, кто догадался о происходящем.

– Ничего себе! – заглянул к ней через плечо Артур. – На что потратишь такие деньжищи?

– Говорят, сейчас выгодно вкладывать в образование, – ответила туманно Тарин. – Я тут знаю один обучающий центр...

Торжественная часть прошла без сбоев. После получения дипломов выпускники, волнуясь, произнесли ответную речь на слова ректора. Кураторы подготовили номер для своих ребят. Прощальная песня растворялась в теплом вечернем воздухе.

Тимур, которого она потеряла из виду во время фотосессии, возник перед ней, взволнованный и бледный.

– Что случилось?

– Мне позвонили из больницы. Отец умер.

Тарин подошла ближе и обняла его.

– Как ты?

– Я в порядке. Но мне нужно уехать на пару дней, все уладить.

– Мне поехать с тобой?

– Нет, – Тимур покачал головой. – Остайся с дочерью. Я вернусь так быстро, как только смогу, – он дотронулся до ее волос. – Обещаю.

Он резко повернулся и направился быстрым шагом в сторону корпуса.

Тарин вернулась на площадку, которую уже подготовили для танцев. Анна, такая хорошенькая в своем пышном пла-

тье с бантом, о чем-то весело щебетала с Региной.

– Ты хочешь ее увести? Пусть побудет еще немного, я прослежу за ней, – Регина вступилась за девочку, которая наотрез отказалась идти домой. – Сегодня и мой праздник тоже. Представляешь, мой средний сын все-таки поступил в военное училище!

– Поздравляю, – слегка рассеянноотреагировала Тарин.

– Одно огорчает: теперь точно набьет себе татуировку! Сказал, если поступит, обязательно сделает. Сколько пыталась переубедить, все без толку!

Тарин замерла. Вот же он, недостающий кусок головоломки! Сердце ее бешено застучало, кровь прилила к щекам. Она почувствовала, что зябнет душным июльским вечером. Переменившись в лице, она бросилась в толпу в поисках ответа.

Луку она нашла на аллее, в беседке. Он возился со своим фотоаппаратом. Тарин приблизилась молча, стараясь не выдать себя быстротой шага.

– Добрый вечер, – привстал преподаватель.

Вместо ответа она протянула руку. Лука, немного удивился, но ответил тем же. Тарин быстрым движением ухватила за его кисть, повернула ее ладонью вверх и также быстро отвернула рукав, обнажая руку до локтя.

Да, это была та самая татуировка. Правда, изображения она никогда раньше не видела. Муж рассказывал ей, что ему пришлось выводить свою армейскую татуировку, которую

они с одноклассниками сделали после выпуска. Тогда ему поручили первое большое задание в отделе по борьбе с наркотиками, необходимо было сойти за своего в местной банде.

Тарин отпрянула, словно от удара. Она запрокинула голову вверх и сквозь набегающие слезы увидела мутное звездное небо. Невдалеке послышалась веселая заводная музыка и радостный смех выпускников. Она перевела страшный взгляд, полный боли и ненависти, на мужчину, стоящего перед ней.

– Простите... Простите, я не мог ничего рассказать, – выдал ошеломленный Лука. – Я дал слово...

Сказанное причинило лишь еще больше страданий.

– Передай: пусть никогда не возвращается! – крикнула она сквозь слезы.

Лука остался один. Тарин, ускоряя шаг, удалялась от беседки по направлению к дому.

На следующий день она не выходила из своей комнаты, не отвечала на звонки, никого не хотела видеть. Добрая Агата попыталась было накормить ее, но ничего не вышло.

Однако жизнь продолжалась, и Тарин знала об этом не понаслышке. В понедельник она снова вошла в здание колледжа, внешне собранная и спокойная. Ее шаги гулко отзывались в пустых коридорах учебного корпуса. Кое-где дорогу возле аудиторий преграждала мебель: Артур нанял рабочих для ремонта.

Когда Тарин поднялась в приемную, то вспомнила, что

секретарь тоже ушла в отпуск. Что ж, кофе она может сделать и сама. Захватив почту, она распахнула двери кабинета. Внутри царил полумрак: раздвинуть шторы и впустить свежий воздух с утра было некому.

Тарин почувствовала, что не одна еще до того, как увидела его, сидящего на диване. Внешне Виктор изменился мало: похудел, появилось несколько глубоких морщин на лбу. Черные волосы, обычно средней длины, были коротко подстрижены; Тарин заметила седину на висках. На бледном лице резко выделялись черные глаза, которые выжидающе смотрели на нее.

Тарин глубоко вздохнула. Положила письма на стол для совещаний и села напротив.

– Знаешь, как долго я тебя искала? Сколько мест объездила, бросив работу, друзей? Где я только не была? Хотя, конечно, ты знаешь, – в ее голосе послышалась горькая усмешка. – Ты же все это время, оказывается, наблюдал за нами. Вон, даже своего однокашника в колледж пристроил. Зачем? Чтобы наблюдать, как я по ночам кричу в подушку? Одно-го слова было бы достаточно, чтобы мое сердце прекратило кровоточить. Одно-го слова! Но ты предпочел наблюдать за тем, как я мучаюсь... Как я нанимаю детективов, расклеиваю листовки, обращаюсь в поисковые отряды, выдерживаю осаду твоего начальства и коллег, даю показания в суде...

– Достаточно намекать, чтобы ты оказалась в опасности, – наконец, разжал он тонкие губы. – Я не мог рисковать.

– Да, конечно! – с иронией произнесла она. – Я ведь сильная, я переживу.... Подожду, сколько потребуется, всегда готовая встретить тебя с распростертыми объятьями. Примерно так ты думал? Господи, я же молилась каждую ночь! Пусть вернется, больной, хромой, какой угодно, только живой!

Тарин смахнула слезы, нависшие на ресницах, и резким движением головы отбросила локоны за спину.

– Зачем ты приехал? Твоя работа ведь еще не закончена, верно? Иначе ты бы не скрывался здесь в темноте.

– Услышал, что в твоей жизни появился мужчина. Хотел услышать лично от тебя, правда ли это, – он пронзил ее своим взглядом.

– Правда, – Тарин не отвела глаз.

Виктор мужественно пережил удар. Он слегка отклонился назад и еще плотнее сжал губы.

– Так вот, оказывается, каков срок, за который тебя перестают ждать – пять лет, – едко усмехнулся он.

– Знаешь, даже если бы я про тебя все знала, ничего бы не изменилось, – призналась она. – Слишком поздно, Виктор. Я устала быть сильной. Устала быть одна. Я хочу быть рядом с тем, на кого могу опереться, кому могу доверять. А тебе всегда нужно будет кого-то спасать. Всех, кроме своей семьи! – с болью произнесла Тарин. – Это ведь никогда не закончится. Ты говорил мне тогда, в нашу последнюю встречу, что не можешь больше вдалеке от дома, что попросишь

перевод в другой отдел. И я верила тебе! Ты волен лгать мне, но не лги хотя бы себе: ты просто такой человек, Виктор. Тебе нравится чувство опасности, нравится твоя работа, ты привык не задерживаться долго на одном месте. Семья тебя только тормозит. Ты ведь даже не спросил об Анне.... А я так больше не могу, – Тарин уронила голову на руки.

– Парадокс, – казалось, он обращается к кому-то невидимому – всегда спасал других, и не заметил, что спасать нужно свою семью.... Что ж, – он встал. – Официально я не существую. А неофициально могу сказать, что ты свободна.

Тарин подняла голову. Виктор достал из кармана кольцо и опустил его на середину стола. Раздался легкий звон крутящегося по дереву металла.

– Я действительно, ничего не могу тебе обещать. Когда мы создавали семью, ты прекрасно об этом знала. Передай Анне, что я ее люблю.

Тарин смотрела вслед своему мужу, подмечая, что походка его тоже стала другой: он еле заметно прихрамывал на одну ногу.

III

Прошуршав шинами, автомобиль поравнялся с массивными коваными воротами. Таксист дождал, пока Тимур заберет багаж, и уехал в обратном направлении. Над головой приветливо шелестели платаны. Дверь в главный корпус была открыта, пахло известкой и краской. На лестнице он по-

равнялся с мужчиной в черном костюме, который спускался, держась за деревянные перила.

– Ректор у себя? – Тимур бросил на незнакомца беглый взгляд.

– Да, – загадочно ответил тот, сверкнув черными глазами.

В приемной Тимур столкнулся с Артуром. Старичок был крайне взволнован.

– Что, дружище, приведение увидели? – хлопнул его Тимур по спине.

– Вроде того, – пробормотал Артур, вытирая платком пот со лба. – Ты к ней идешь? Может, обождешь пока, отдохнешь с дороги? – заюлил он.

– Нет, я и так долго ждал, – мужчина похлопал себя по нагрудному карману. – Обручальное кольцо матери. Теперь оно мое по праву.

Он оставил чемодан перед дверью и вошел в кабинет.

Тарин, задумавшись, стояла у окна, спиной ко входу. Она смотрела на листву, волнами колышущуюся внизу. Невидимые птицы переливчато переговаривались, приветствуя новый день.

Тимур подошел сзади и обнял ее.

– Я же обещал, что вернусь, – шепнул он ей на ухо.

Она повернулась, и только тут он увидел боль в ее покрасневших глазах.

– Что случилось?

– Он жив. Только что был здесь.

Тимур инстинктивно оглянулся на дверь и понял, кого встретил на лестнице. Он опустил руки и сделал шаг назад. Все, что он хотел ей сказать, разом вылетело из головы.

– Тарин, я... не волнуйся, я не встану на пути.

– Что?

В его глазах отразилась ее боль. Он собрал всю свою волю в кулак, чтобы спокойно ответить.

– Я знал, что это может произойти. И не собираюсь быть помехой для твоей семьи. Мне лучше отойти в сторону.

– Постой, – она схватила его за руку. – Какой семьи? Ее давно не существует!

– А как же Анна?

– Он никогда не перестанет быть ее отцом, но это не значит, что я... Неужели ты думаешь, что так мало значишь для меня? – Тарин взглядела в его лицо.

Тимур мягко высвободил свою руку.

– Тарин, ты говоришь это, поддавшись эмоциям. Что будет через неделю или через месяц? Или через год? Ты пожалеешь о своем выборе, станешь тяготиться нашими отношениями. Я не хочу этого, – он попытался отстраниться.

– Постой! Помнишь, ты как-то просил меня поверить тебе? Без доказательств и аргументов? Поверить здесь и сейчас? Теперь я прошу того же. Мое решение основано не на обиде, злости или чем-то еще.

Тарин сделала шаг навстречу.

– Поверь: я хочу быть только с тобой. Что ты на это ска-

жешь? – она затаила дыхание, ожидая ответ.

Тимур с нежностью посмотрел на хрупкую, маленькую женщину, в больших синих глазах которой таилась огромная сила. Ему безумно захотелось запомнить этот момент, спрятать его в одном из уголков своей памяти. Он провел рукой по ее волосам. Дотронулся ладонью до щеки.

– Скажу, что надо бы нам позавтракать вместе. Я жутко голоден, – улыбнулся он, вздохнув полной грудью.

Мир вокруг них тут же ожил: зазвенел телефон на ее столе, кто-то уже давно стучал в дверь. Тарин всего этого не замечала. Он улыбалась в ответ.

– Простите, но у меня к вам на подпись договоры на обучение, – не выдержала Нина.

– Конечно. Входите, – обернулась к ней Тарин.

– Тут вот... наша повариха вам передала, – протянула девушка контейнер. – Сказала, что ни за что не поверит, в то, что вы позавтракали.

Они с Тимуром переглянулись.

– А в приемной вас уже дожидаются посетители. Они пришли на собеседование, – произнесла Нина, раскладывая документы.

– Давай я ими займусь, – предложил заместитель.

– Боишься, что мне может понравиться какой-нибудь небритый, самоуверенный преподаватель? – поддела его Тарин.

– Что ты, это место уже занято, – авторитетно заявил Ти-

мур. – Хочу подобрать кого-нибудь для нашего Вениамина, – подмигнул он. – Хочется сделать и его счастливым.

Тарин улыбнулась вслед выходящему в приемную мужчине. Солнце, привычно путаясь в ее волосах, начинало свой очередной бег по небосклону.